

ПЛЕННИКИ СТАЛИНА

ВИКТОР КАРПОВ

ВИКТОР
КАРПОВ

ПЛЕННИКИ СТАЛИНА

© Виктория Сидорова

VICTOR KARPOV

ВІСНИК
АВІАТО

СТАЛІН
КАПТИВІ

STALIN'S CAPTIVES

SYBERIAN INTERNING
OF JAPANESE ARMY. 1945—1956

Kiev — Lvov
1997

ВИКТОР КАРПОВ

ПЛЕННИКИ СТАЛИНА

СИБИРСКОЕ ИНТЕРНИРОВАНИЕ
ЯПОНСКОЙ АРМИИ. 1945—1956 гг.

Киев — Львов
1997

СОДЕРЖАНИЕ

Investigation 'Stalin's Captives' is dedicated to the topic of Japanese prisoners in the USSR after the World War II, which has been a taboo for the historical science for a long time. The cause of the Soviet Union entering into the war with Japan is shown clearly on the basis of rich archives' documents. The book gives motives for Stalin's taking decision to make use of Japanese soldiers and officers on the works in Siberia, Far East and Middle Asia. It shows the processes of political re-education, as well as repatriation of Japanese civil population and military prisoners from the USSR to the native land.

The book is intended for scientific, as well as for broad reader's audience.

Исследование посвящено долгое время закрытой для исторической науки теме пребывания японских военнопленных в СССР после завершения второй мировой войны. На богатом архивном материале объективно раскрываются причины вступления Советского Союза в войну с Японией, побудительные мотивы принятия Сталиным решения об использовании японских солдат и офицеров на работах в Сибири, Дальнем Востоке и Средней Азии, процессы политического перевоспитания, а также репатриации из СССР японского гражданского населения и военнопленных на родину.

Книга предназначена как для научной, так и для широкой читательской аудитории.

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Николай Литвин*,
подполковник *Клим Подменко*

© Виктор Карюев, 1997

ISBN 5-7702-1027-3

Введение

История отношений России и Японии XX века изобилует множеством проблем. Для их разрешения эти страны дважды прибегали к наиболее воинственному способу их разрешения — войне. Последняя состоялась в августе 1945 года. Но и она не уладила отношений двух стран, а наоборот — создала новые проблемы. Одной из них стала проблема пребывания японских солдат и офицеров на работах в восточных районах СССР.

Долгое время, во всяком случае до эпохи перестройки социального уклада в СССР, этот вопрос был покрыт завесой секретности и пребывал в тени другой проблемы — территориальной. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация, когда даже в регионах, где работали японцы, стали забывать об этом. Завеса секретности была приоткрыта непосредственно перед визитом Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева в Японию. В открытой печати, особенно на Дальнем Востоке, начало появляться множество материалов на эту тему. Однако такое положение вещей просуществовало недолго и с открытостью было покончено сразу после визита.

Столь непродолжительное для изучения этого вопроса время не позволило историкам провести какое-либо фундаментальное исследование. Практически материалы, раскрывающие тему пребывания японских солдат и офицеров в СССР, встречаются только в периодической печати. Данное историко-документальное исследование как можно полно освещает вопросы плена. Оно основано на архивных материалах, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Центре хранения современной документации, Российском центре хранения и использования документов новейшей истории в Москве, Центральном архиве Министерства обороны России в г. Подольске.

В первом разделе «Война и плен» нашли отражение вопросы начала войны СССР с Японией, замыслы советского военного командования на ведение войны, ее ход, а также план действий Квантунской армии по отражению наступления советских войск. Берется во внимание не только точка зрения выработанная советской исторической наукой, но и оценки и взгляды японской стороны. Особое внимание уделено анализу причин принятия Сталиным решения об использовании военнопленных японской армии на работах в СССР, механизму выполнения этого решения.

Второй раздел «Деятельность советских политических органов по индокризации военнопленных: советизация. (1945—1949 г.г.)» посвящен процессу советизации японских военнопленных, феномену перевоспитания «милитаристов» в активных сторонников мира и в первую очередь Советского Союза. На материале, который ранее не использовался историками, раскрывается механизм идеологического подавления пленных и репрессий по отношению к «инакомыслящим», освещаются цели и задачи политической пропаганды и методы их достижения.

Вопросы репатриации японского гражданского населения и военнопленных отражены в третьем разделе исследования. Показывается политика советского правительства в области репатриации на протяжении всего периода ее осуществления и окончания в 1956 году. В этом разделе освещаются и другие вопросы, связанные с этим процессом.

В основном все проблемы истории плена японской армии затрагиваются данным историко-документальным исследованием. В нем как можно полно были использованы архивные и другие материалы с тем, чтобы объективно воссоздать исторические события прошлого и дать возможность читателю ознакомиться с малозвестными страницами послевоенной истории.

Раздел первый

ВОЙНА И ПЛЕН

Часть I.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Глава 1.

Вступление СССР в войну против Японии

О том, что Советский Союз будет воевать с Японией, для Сталина было ясно задолго до августа 1945 года. И не потому, что Квантунская армия имела планы вторжения на дальневосточные территории СССР и он опасался этого. Этот вопрос для себя Сталин решил накануне Тегернской конференции на которой он начал торги со своими союзниками по поводу открытия второго фронта. В Тегеране Сталин произнес обещания за второй фронт союзников в Европе открыть свой второй фронт против Японии на Дальнем Востоке. По дороге из Тегерана в Москву он дал поручение начальнику Генерального штаба Красной Армии маршалу А. Василевскому приступить к разработке планов ведения войны против Японии. В свете этого вполне логичным кажется его назначение в 1945 году Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. Этим он получил возможность на практике реализовать свой полководческий талант и провести в жизнь составленные под его руководством планы войны.

Окончательно вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией был решен на Ялтинской конференции. Здесь Сталин заявил о своей готовности через три месяца после окончания войны в Европе начать войну на востоке. Перед отъездом Сталина на

Потсдамскую конференцию Япония предложила Советскому Союзу выступить посредником между ней и западными державами в вопросе о прекращении войны. Несмотря на то, что в этом предложении, в качестве поощрительной премии, было заявлено о готовности Японии к территориальным уступкам в пользу СССР, все же ответа не последовало.

Надо заметить, что все эти события происходят на фоне заключенного весной 1941 года между СССР и Японией Пакта о нейтралитете. Благодаря его наличию, Советский Союз решал одну из главных задач на Дальнем Востоке в период военных действий на советско-германском фронте — недопущение вступления Японии в войну против СССР на стороне Германии. Однако, после Тегеранской конференции Пакт о нейтралитете для Советского Союза носил уже чисто формальный характер. Чтобы убедиться в этом, совершенно не нужно глубоко копаться в архивах. Все лежит на поверхности.

В 1945 году японская сторона стала проявлять активность с целью выяснить позицию СССР в вопросе о продлении срока действия Пакта о нейтралитете еще на пять лет. Такая возможность была заложена в третьей статье пакта, которая гласила: «Настоящий пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет».

Разумеется, японская сторона хотела бы автоматического продления пакта на следующие пять лет. Однако это желание не совпадало с политикой советского руководства. «Советскому Союзу невыгодно связывать себя до 1951 года. Тихоокеанская война закончится гораздо раньше, и нам нужно к тому времени иметь свободные руки. Стало быть, нам нужно до 13 апреля 1945 года денонсировать пакт о нейтралитете¹». Это было написано 10 января 1945 года заместителем народного комиссара по иностранным делам Лозовским в письме на имя своего шефа т. Молотова. Далее он размышлял, что денонсацию лучше бы было объявить до визи-

та в Москву китайской делегации так как это показало бы, что СССР самостоятельно принял решение о денонсации.

«Наше заявление о денонсации пакта о нейтралитете должно быть построено таким образом, чтобы японцы надеялись, что при серьезных уступках с их стороны пакт о нейтралитете может быть продлен еще на пять лет», — продолжал он выработать линию поведения в отношении Японии и предлагал начать переговоры с японцами об условиях продления пакта примерно в октябре—ноябре 1945 года, «когда положение совершенно определится в Европе и станет значительно более ясным на Тихом океане».

Однако советская сторона определилась задолго до проявленных волнений японской стороны и логическим завершением политики Сталина в этом вопросе стал факт денонсации 5 апреля 1945 года Пакта о нейтралитете. Денонсировав Пакт о нейтралитете, Советский Союз резко активизировал свою деятельность в области подготовки войны с Японией. Основные решения на этот счет были приняты в период марта—мая 1945 года. Государственный комитет обороны в это время принял 14 постановлений, решения которых были направлены на подготовку и приведение в состояние военного времени всех структур Дальнего Востока.

Завершающим в цепи этих постановлений стало постановление ГОКО за номером 8916сс/ов от 3 июня 1945 года в котором решался вопрос стратегического развертывания войск на Дальнем Востоке. Наиболее характерной чертой стратегического развертывания было то, что оно имело две стадии (первоначальную и окончательную), на каждой из которых решались различные задачи.

Первоначальное развертывание, завершённое в основном еще осенью 1941 года, проводилось с целью надежного обеспечения государственной границы от внезапного нападения японских войск. В итоге его на Дальнем Востоке дислоцировались не только войска прикрытия, но и такие силы, которые способны были нанести немедленные ответные удары в случае начала военных действий на дальневосточных границах. В ходе войны с Германией советское командование постоянно держало в этом регионе до 40 дивизий.

Стратегическое развертывание на второй его стадии, осуществленное в период непосредственной подготовки наступательной кампании на Дальнем Востоке, преследовало цель создания нового стратегического фронта вооруженной борьбы на новом театре военных действий. Оно было осуществлено как за счет войск, ранее дислоцировавшихся на данном театре, так и за счет перегруппировки и сосредоточения значительного количества войск и материальных средств с советско-германского фронта и из глубины страны.

Постановлением ГОКО № 8916сс/ов, которое именовалось «Вопросы Дальнего Востока», был утвержден перечень войсковых соединений и частей, подлежащих перевозке и включению в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск, впоследствии 1-го Дальневосточного фронта.

Представленную Генеральным штабом Красной Армии заявку на 1232 эшелона для перевозки войск, Сталин сократил на 286 эшелонов при этом обязав Генштаб принять меры к тому, чтобы воинские части не везли с собой имущества, без которого они смогли бы обойтись.

Закончить переброску войск 946-ю эшелонами предлагалось к 1 августа 1945 года. Войска выдвигались по двум направлениям — по Сибирской магистрали через Омск и Новосибирск в количестве 19 эшелонов ежедневно и по Турксибу через Саратов — Алма-Ату и Семипалатинск в количестве 5 эшелонов ежедневно. Постановлением был утвержден график перевозок.

Для обеспечения скорейшего продвижения эшелонов с войсками запрещалось в течение июня 1945 года погрузка каких-либо воинских снабженческих грузов — она переносилась на июль — август месяцы. Для народнохозяйственных грузов в направлении на восток было разрешено пропускать только три поезда в сутки.

Постановление также разрешало вопрос о создании неприкосновенных запасов боеприпасов (Забайкальский фронт — 4 боекомплекта, Приморская группа войск — 3,5 боекомплекта, Дальневосточный фронт — 3 боекомплекта), неприкосновенных мобилизационных запасов продовольствия и фуража (в размере 2-х месячной потребности), горюче-смазочных материалов (30 заправок

по авиаторюющему, 29 заправок по автогорючему, 10 заправок по танковому горючему), а также обеспечения войск автомашинами. Все материальные ресурсы для войны должны были быть накоплены в указанных количествах к 15 августа 1945 года².

Говоря о целях войны, необходимо хорошо себе представлять различие между политической и военной целями. Эти цели различны, но тесно связаны между собой, ибо страны ведут войну не ради самой войны, а ради достижения политической цели³.

В войне на Дальнем Востоке главной целью являлось прекращение Тихоокеанской войны посредством разгрома Японии объединенными усилиями союзных войск. Эта цель сопровождалась рядом сопутствующих — это послевоенное устройство политической, экономической и общественной жизни как Японии так и в целом региона. Однако существовали и цели, которые ставили перед собой союзники, каждый в отдельности.

Политической целью военной кампании Советского Союза против Японии являлась ликвидация последнего очага второй мировой войны, устранение постоянной угрозы дальневосточным границам СССР, освобождение Маньчжурии и Кореи от японской оккупации, возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, Курильских островов и содействие восстановлению всеобщего мира, правда, по своим меркам организованного.

Замысел на ведение военных действий заключался в том, чтобы силами войск Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов осуществить стремительное вторжение вглубь Маньчжурии на трех стратегических направлениях. Основные удары предусматривалось нанести с территории Монголии на восток и с территории Приморья на запад с задачей овладеть важнейшими военнополитическими и экономическими центрами Маньчжурии — Мукденом, Чанчунем, Харбином, Гиринном, мощными ударами рассеять главную группировку войск Квантунской армии, окружить и последовательно уничтожить обе ее части в Северной и Центральной Маньчжурии.

Ведущую роль в операции должны были играть Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты, которые наносили удары по

сходящимся направлениям на Чанчунь с целью окружения основных сил Квантунской армии. Войска 2-го Дальневосточного фронта, наносившие главный удар на Харбин, должны были содействовать расчленению этой группировки и уничтожению ее по частям⁴.

С развитием успеха на главных направлениях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов войска 2-го Дальневосточного фронта должны были перейти в наступление в южную часть Сахалина и осуществить высадку десантов на Курильские острова. Эти операции должны были осуществляться силами 16-й армии во взаимодействии с Северной Тихоокеанской флотилией и Камчатским оборонительным районом.

Необходимо подчеркнуть, что советское командование, планируя достичь основную военно-стратегическую цель кампании в результате проведения одной стратегической наступательной операции, в то же время предусмотрело (если бы Япония продолжала сопротивление и после поражения ее войск в Северо-Восточном Китае и Северной Корее) перенесение боевых действий советских войск на территорию собственно Японии путем организации десантных действий в метрополи⁵.

Забегая вперед, можно сказать, что уже после того как японские войска в Маньчжурии начали вести переговоры о капитуляции и сдаче оружия, войска 1-го Дальневосточного фронта получили задачу двумя стрелковыми дивизиями оккупировать северную часть острова Хоккайдо. В связи с этим Тихоокеанскому флоту была поставлена задача в период с 20 августа по 1 сентября 1945 года высадить эти дивизии, входившие в состав 87-го стрелкового корпуса, в порту Румой. Высадка первого эшелона должна была произойти на рассвете 24 августа 1945 года. По невыясненным причинам эти дивизии уже в ходе их переброски на Хоккайдо были повернуты и высажены на южном Сахалине и частью сил на южных островах Курильской гряды⁶.

Когда все приготовления к войне Советским Союзом были сделаны Народный комиссариат иностранных дел получил задание сделать официальное заявление о вступлении СССР в войну против Японии. Нарком иностранных дел Молотов вызвал к себе

посла Японии Сато на 17 часов 8 августа 1945 года и прежде чем передать ему текст заявления зачитал его. Суть заявления сводилась к объявлению войны Японии. Посол Сато попросил прочесть текст в кабинете Молотова для лучшего его понимания. После совместного прочтения со своим вторым секретарем посольства, Сато задал Молотову один вопрос — как понимать абзац текста заявления, в котором говорится об уменьшении страданий народа путем войны. Молотов не нашелся что сказать на это и ответил, что нельзя выдирать из текста отдельные фразы, а нужно брать его во внимание в целостности. На состоявшейся после визита японского посла встрече с американским и английским послами Молотов уточнил, что уменьшение страданий народа посредством войны подразумевает приближение сроков ее окончания.

17 часов московского времени соответствовало 24 часам хабаровского времени. В это время передовые отряды Дальневосточных и Забайкальского фронтов перешли государственную границу. Рассчитывая на разницу в часовых поясах между Дальним Востоком и европейской частью СССР, советская сторона стремилась скоординировать свои действия так, чтобы достичь фактора внезапности.

Однако, запах войны есть запах войны и солдаты чувствуют его особенно остро. Ефрейтор Ватанабэ Иосио, пребывая уже в плену, рассказывал, что вечером 8 августа в военном городке Фуцзина состоялось совещание японских офицеров и солдат. На совещании выступил командир 1-й роты 775-го пехотного полка поручик Кайя Нобору, который предупредил солдат о том, что война начнется через несколько часов и японским войскам придется отступать. В этом случае они должны были придерживаться тактики «токутай» — особых отрядов⁷.

План действий японской армии состоял в том, что в случае войны с СССР войска должны были вести упорные сдерживающие бои на заранее подготовленных оборонительных рубежах. С этой целью еще в 1944 году начались усиленные работы по созданию глубоко Shelterированной обороны силами армии и гражданского населения. Особое внимание уделялось первой позиции, которая

располагалась сразу за пограничными укреплениями. С этого рубежа намечалось нанесение мощных фланговых ударов. На фронте наступления войск 1-го Дальневосточного фронта такой удар предполагалось нанести из района Бамятунь по группировке наступающей на Муданьцзянском направлении. Также готовился контрудар 5—6 дивизиями с рубежа Мукден — Люян по наступающей группировке Забайкальского фронта. Этими контрударами предполагалось измотать наступающие войска и обеспечить, в случае необходимости, отвод главных сил Квантунской армии на следующий рубеж. Последним рубежом, куда могли отойти войска, должна была стать северная граница Кореи. Корею предполагали удерживать любой ценой⁸.

«Мы знали, что наших сил для того, чтобы противостоять Советскому Союзу в Маньчжурии, недостаточно. Однако, у нас были силы для того, чтобы удержать район Кореи по крайней мере в течении двух — трех лет. Японское командование вынуждено было накопить большие силы на территории метрополии для отражения предполагавшегося вторжения англо-американских войск. После победы над Англией и Америкой, в которую мы верили, мы полагали, что можно будет, использовав Корейский плацдарм, предпринять наступление против Красной Армии и вернуть всю Маньчжурию», — раскрывал план действий японской армии генерал Мацумура Томокацу⁹.

С началом войны советские войска в большинстве районов легко перешли границу Маньчжурии и в первые же дни углубились на ее территорию. Командование Квантунской армии приняло решение не выводить войска навстречу наступающим частям Красной Армии, предусматривая оказать сопротивление на рубежах, определенных оперативным планом. Эти рубежи, как правило, еще не были готовы для обороны, так как их строительство предполагалось завершить лишь осенью 1945 года. Ввиду этого задержать на них наступающие советские войска было весьма сложно.

В первые дни наступления советских войск японская армия, несмотря на понесенные ею потери, оказала упорное сопротивле-

ние. Японские части, отступая, пытались контратаками своих арьергардных подразделений замедлить наступление советских войск. При взятии ряда городов частям Красной Армии приходилось преодолевать значительное сопротивление японских войск и полностью уничтожать их гарнизоны.

На подступах к городу Сюнхэ отчаянное сопротивление наступающим войскам оказала группа японских солдат и офицеров в составе 60 человек. Почти все они погибли в бою. Такое же сопротивление оказал и японский гарнизон города Боли. В результате двухчасового боя весь гарнизон в составе 570 человек был уничтожен и лишь 5 солдат захвачены в плен. В случае неизбежности пленения многие солдаты и офицеры японской армии кончали жизнь самоубийством, считая плен позором.

Наиболее упорное сопротивление оказывали с начала войны и до ее окончания части 107-й пехотной дивизии, действовавшие на Солунь-Таоаньском направлении в районах Халун-Аршан, Циньинькоу, Солунь, Ходатунь. Особенно упорно оборонял Халун-Аршанский укрепленный район 90-й пехотный полк этой дивизии. Он неоднократно переходил в контратаку и, понеся большие потери, отошел в южном направлении. В последующие дни остатки 90-й пехотного полка продолжали оказывать упорное сопротивление, имея задачей обеспечение отхода на новые оборонительные рубежи главных сил 107-й пехотной дивизии. В конце концов дивизия была окружена частями Красной Армии и, в то же время, предпринимала ряд попыток прорваться в центр Маньчжурии. Лишь 1 сентября 1945 года она сложила оружие, после того как получила приказ о капитуляции от двух представителей штаба Квантунской армии и представителя штаба Забайкальского фронта¹⁰.

Боевые действия в Маньчжурии трудно назвать полномасштабной войной. Преобладающим видом действий советских войск в этой войне был марш и встречный бой. За первые пять дней боев Квантунская армия потеряла 8 030 своих солдат и офицеров, из них 5 334 убитыми и 2 696 пленными. За девять дней боев потери увеличились до 49 871 человека в большей массе своей за счет пленных — 8 672 убитыми и 41 199 пленными.

Фактически между противоборствующими сторонами произошло только одно сравнительно крупное столкновение — это сражение под Муданьцзяном. Здесь японским войскам удалось на короткое время остановить наступавшую Красную Армию, а некоторые передовые части и оттеснить. Однако подошедшие главные силы 1-го Дальневосточного фронта решили исход вооруженной борьбы. После трех дней кровопролитных боев город пал. Японские войска, входившие в Муданьцзянскую группировку, понесли тяжелые потери, которые составили больше половины потерь убитыми и ранеными за всю войну.

Советские офицеры в своих документах о противнике писали откровенно: «о тактике японских войск говорить нет возможности так как японцы не смогли применить авиации, танков и больших масс артиллерии. Но необходимо отметить превосходную индивидуальную выучку японского солдата, который не знает страха в бою, имеет высокий моральный дух, который прививается ему с детства». Офицеры 5-й советской армии приводят пример, когда 17 августа при прочесывании наблюдательного пункта на безымянной высоте в двух километрах юго-западнее Сидолинцзы был обнаружен тяжелый пулемет с расчетом, который при подходе советских солдат открыл огонь. «Наши бойцы уничтожили своим огнем расчет. Но один японец остался жив и продолжал стрелять. Когда у него кончились патроны к пулемету, он продолжал отстреливаться из винтовки. Когда совсем кончились патроны, он взорвал себя гранатой».

К большому сожалению, во всякой войне потери несет и мирное население. Здесь, в ходе проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции, были встречены факты, когда население погибало не от снарядов, бомб, пуль и осколков. Командование Красной Армии приводит ряд примеров, когда при отступлении японские войска в массовом порядке расстреливали японских женщин и детей. На дороге Дзиен — Ленькоу были обнаружены несколько групп расстрелянных и зарезанных ножами японских женщин и детей. Первая такая группа была обнаружена южнее города Окси, в десяти километрах на железнодорожной поло-

се, в автомашинах в количестве 250 человек. Все они были расстреляны из автоматического оружия, а у части ножами были вспороты животы. Вторая группа в 150 женщин и детей расстрелянных и зарезанных японцами была обнаружена в районе станции Лидао. Все погибшие подобным образом японские женщины и дети были с белыми повязками на голове и обращены лицом на восток¹¹.

О таких случаях рассказывали и сами японцы. По словам японки Ямамото Харуко с началом войны японское население, главным образом женщины с детьми, покидало свои дома и отступало вместе со своими войсками. «Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми, с годовалым и пятилетним ребенком, шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать¹²». Другая японка, Мацуда Йото, поддалась уговорам соотечественников и убила своего семилетнего сына.

Пленные японцы объяснили советским солдатам, что эти убийства совершались еще до принятия Японией условий капитуляции. Причинами массовых расстрелов детей и женщин по словам военнопленных, является быстрое наступление советских войск. В результате эвакуировавшееся японское население застревало на дорогах отступления Квантунской армии. Взять же под защиту его или увести с собой в сопки армия не могла. По заявлению военнопленных расстрелы детей и женщин производились с согласия самих расстрелянных — ведь для японца, кто бы он ни был, плен является позором.

Спасением от позора плена для армии и населения мог стать только приказ Императора Японии о прекращении боевых действий и сдаче оружия. Во всех остальных случаях, как солдат, так и гражданин должны были из последних сил воевать на поле брани и победить или умереть. В условиях обстановки на Маньчжурском театре военных действий в августе 1945 года такой приказ был крайне необходим — он предотвращал дальнейший рост жертв.

Глава 2.

Капитуляция японской армии

Август 1945 года на Дальнем Востоке известен не только свершившимся военным противостоянием между Советским Союзом и Японией, но и тем, что в его дни прошли большие проливные дожди, вызвавшие наводнения и заставившие советское правительство выделять огромные средства и принимать меры, направленные на ликвидацию его последствий. Быстротечность войны, как и быстротечность дождей, принесла с собой такое «наводнение» послевоенных проблем, что советское правительство не смогло их разрешить в отведенное ему историей время. Одной из таких проблем стал вопрос о пребывании в советском плену японских солдат и офицеров.

В сложившемся в советском обществе мнении война на Дальнем Востоке представлялась грандиозной, молниеносно проведенной операцией в ходе которой в плен было захвачено 650 194 тысячи человек¹³. В таком случае можно сказать, что Красная Армия все эти дни занималась не ведением боевых действий, а лишь только приемом военнопленных.

Во всей кампании можно выделить два главных направления: собственно боевые действия и инициативы Японии, направленные на быстрейшее окончание войны. Собственно боевые действия преобладали в период с начала войны и до 18 августа. В это время Красная Армия взяла в плен 41 199 человек и уничтожила 8 674 солдат и офицеров противника¹⁴. В дальнейшем, с 19 августа по 23 августа боевые действия утихают. Однако Красная Армия продолжает занимать заранее спланированные зоны оккупации, что сопровождалось отдельными стычками и особо сражением при Муданьцяне.

Второе направление — это стремление Японии к быстрейшему прекращению военных действий. Уже на второй день войны японский Император заявил о готовности принять условия Потсдамской декларации, а 14 августа своим рескриптом он объявил

о капитуляции японских войск. «Слухи о предстоящей капитуляции японских войск распространялись с 11 августа 1945 года. А 15 августа по радио, впервые в истории Японии, выступил Император. Учитывая обстановку, вечером того же дня я самостоятельно отдал предварительный приказ о том, чтобы части приготовились сложить оружие. Утром 16 августа поступил приказ командующего Квантунской армией генерала Ямада о прекращении военных действий», — описывает происходившие на фронте события генерал Мацумура Томокацу¹⁵.

В приказе № 106 от 16.08.45 года командующего Квантунской армией говорилось:

«1. Советские войска начали наступление по всему фронту в направлении Маньчжурии и Кореи.

2. Я, повинуюсь воле Императора, приложу все усилия к тому, чтобы достичь прекращения военных действий.

3. Всем командующим армиями (командирам частей и соединений), в соответствии с нижеизложенным, прекратить военные действия (приказ относится и к войскам Манчжоу-Го, находящимся под моим командованием).

а) немедленно прекратить военные действия и сосредоточить войска там, где они к данному моменту находятся. В больших городах сосредоточивать войска на окраине и в тех местах, где ожидается прибытие советских войск;

б) при продвижении советских войск по требованию парламентаров сдавать свои позиции, оружие и прочее. Оружие для сдачи собрать и сложить порядком;

в) не допускать порчи оружия и военного имущества;

г) обратить внимание на то, чтобы не было беспорядка при сдаче войск Манчжоу-Го;

д) немедленно свезти продовольствие и фураж в отдельные места;

е) поддерживать связь с маньчжурскими войсками и гарантировать жизнь граждан, проживающих в Маньчжурии.

4. Я надеюсь, что командующие армий (командиры частей и соединений) будут поддерживать в войсках полный порядок и, по-

винуясь воле Императора, впредь прекратят всякие военные действия.

5. Командующим армий (командирам частей и соединений) немедленно реализовать настоящий приказ, довести его до исполнителей»¹⁶.

Приказ командующего Квантунской армией основывался на приказе Ставки «О прекращении военных действий» от 16 августа 1945 года. В тот же день Верховная Ставка издала директиву, в которой говорилось, что в период окончания войны войскам разрешается на местах вести переговоры о прекращении военных действий и о порядке передачи оружия. Следует отметить, что в приказе штаба Сухопутных войск указывалось, что в случае «если противник попытается продолжать наступление, разрешается вести необходимые боевые действия с целью самозащиты»¹⁷.

18 августа японские войска получили приказ, в котором говорилось о том, что военнослужащие и гражданские лица, прикомандированные к армии, попадая под контроль войск противника после обнародования императорского рескрипта, не будут считаться военнопленными. Сдача оружия и другие действия, направленные на выполнение директив противника, сообщенных через японское командование, не будет считаться капитуляцией¹⁸. Поэтому при опросах японские солдаты и офицеры всегда заявляли, что они не являются военнопленными, и оружие сложили не в знак капитуляции, а прекратили военные действия по приказу Императора.

Таким образом, японская сторона, принятием целого ряда мер, направленных на то, чтобы в кратчайшие сроки выполнить волю Императора, выработала, отвечающую японскому менталитету, позицию и идеологию, всесторонне подготовилась к процессу передачи оружия под контроль войск противника.

Практическая выработка советской стороной мер по капитуляции японских войск была закончена в ночь на 18 августа в штабе 1-го Дальневосточного фронта. С этой целью сюда прибыл из Хабаровска Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. Василевский. На командном пункте фронта, расположенном в пяти километрах от села Духовское в Приморье, непод-

леку от советско-маньчжурской границы он вместе с командующим фронтом маршалом К.Мерецковым ожидал прилета из Харбина начальника штаба Квантунской армии генерала Хата Хикосабуро.

Генерал прибыл на самолете военно-воздушных сил Красной Армии в сопровождении своих офицеров и Генерального консула в Харбине господина Миякава, а также вооруженной охраны с советской стороны. Именно ему предстояло принять от советского командования счет к оплате за все «грехи», совершенные японцами в отношении СССР, начиная с 5 апреля 1918 года. При этом Сталин не забывал и о более ранних «грехах», таких как русско-японская война 1904—1905 годов.

Что касается генерала Хата, то он не чувствовал себя должником — он был военным и исполнял приказ. Такая внутренняя позиция могла только прибавить ему чувства уверенности и достоинства на переговорах, но не изменить положения дел. Он понимал это и был готов принять условия капитуляции. И все же он сумел сделать большее.

Как гражданин своей страны он поставил перед командованием Красной Армии вопрос о безопасности японского гражданского населения, проживающего в Маньчжурии. Из книги в книгу советские историки, а также участники встречи с советской стороны с большой долей иронии приводят слова японского генерала о том, что китайское население там «ненадежное» видя в этом выражении лишь вину японцев за проводимую ими политику в Маньчжурии. Никто из советских военных не захотел увидеть в этом гражданском акте высшую степень проявления воинского долга — заботу о защите своих граждан. Генерал Хата понимал, что после капитуляции японских войск некому будет защитить его соотечественников и добился обязательств советского командования по обеспечению безопасности японского населения. В остальном же он должен был выполнить волю победителя.

Встреча японского и советских военачальников состоялась в лесном домике в 15 часов 30 минут 18 августа 1945 года. Переговоры как таковых не получилось. Маршалы Василевский и Мерецков отнеслись к генералу Хата как к поверженному противнику. В

строго ультимативном тоне они указали места разоружения и сдачи в плен каждой дивизии и армии в отдельности, порядок передачи складов с вооружением, продовольствием и военным имуществом.

Строгость маршалов была обусловлена полученной ими накануне 16 августа 1945 года из Москвы телеграммой, подписанной Берией, Булганиным (Нарком обороны) и Антоновым (начальник Генерального штаба). По характеру этот документ имеет чисто организационную направленность и предусматривает оперативные мероприятия по организации тыла фронтов. Это как-бы самые первые, необходимые меры, учитывающие опыт войны на европейском театре военных действий и имеющие свои особенности организации тыла для Дальнего Востока. Этот документ показывает, что предлагаемые меры хотя и имеют организационный характер и направлены на то, чтобы зафиксировать достигнутые результаты, но не отличаются своей завершенностью. По всей видимости эти меры носят еще и подготовительный характер.

В большей степени это относится к третьему пункту телеграммы Берии. Можно предположить, что в задачу генерала Кривенко входило не только организация и руководство вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях и налаживание взаимодействия между армией и НКВД, но и сбор информации по этому вопросу. По докладом генерала Кривенко 23 августа 1945 года Сталин принял окончательное решение. В связи с этим отпадает подозрение о том, что между Берией и Сталиным в вопросе о судьбе японских солдат и офицеров существовало противоречие, хотя Берия в своей телеграмме и указывал на то, что они на территорию СССР вывозиться не будут.

Здесь можно сказать, что роль Берии заключалась в выполнении подготовительных работ по организации второго этапа — исполнительного, началом которого можно считать решение Сталина. Уровень документа относит его к числу оперативных нежели к числу стратегических или военнополитических. Документ позволяет сделать вывод о том, что судьба японской армии на 16 августа 1945 года была принципиально решена. Первопричиной окончательного решения является сложившаяся за годы войны в СССР

система или практика работы с пленными. Все остальные факторы являются лишь фоном на котором такое решение принималось.

Для раскрытия динамики происходивших событий будет интересным привести сам текст телеграммы. Она адресована Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. Василевскому. В ней говорится, что:

•1. Охрану тыла фронтов на территории Маньчжурии осуществлять силами войск Красной Армии и 3-й дивизии войск НКВД. Дополнительно войск НКВД для этих целей на Дальний Восток прислано не будет. В связи с этим Вам необходимо выделить для охраны тыла в распоряжение начальника охраны тыла фронтов потребное количество войск. Для организации охраны тыла на территорию Маньчжурии НКВД СССР командирован начальник войск НКВД охраны тыла генерал-лейтенант тов. Горбатов с группой генералов и офицеров.

2. Организацию комендантской службы в городах и крупных населенных пунктах Маньчжурии осуществлять распоряжением и средствами Военных Советов фронтов в соответствии с директивой заместителя Народного Комиссара Обороны № орг/6/8392 от 13 февраля 1945 года.

3. Военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Лагери военнопленных необходимо организовать по возможности в местах разоружения японских войск.

Лагери организовать распоряжением командующих фронтов, выделив для их охраны и конвоирования военнопленных необходимое количество войск. Питание военнопленных производить применительно к нормам существующим в японской армии, находящейся в Маньчжурии, за счет местных ресурсов. Для организации и руководства вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях, от НКВД СССР командирован начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных генерал-лейтенант тов. Кривенко с группой офицеров.

4. Для обеспечения бесперебойной работы ВЧ связи на Дальний Восток вместе с тов. Горбатов и Кривенко командирован начальник войск ВЧ связи генерал-лейтенант Угловский.

Берия — Булганин — Антонов № 72929/III от 16 августа 1945 года»¹⁹.

Указания Берии были в точности повторены и развиты в приказе войскам командующего 1-м Дальневосточным фронтом № 00100 от 17 августа 1945 года, подписанном в 15 часов 30 минут. В нем указывалось, что в связи с проявленным согласием японцев на капитуляцию²⁰ и обращением к нашему командованию с просьбой о прекращении военных действий, соединения и части, которые будут поднимать белый флаг — забирать в плен, обезоруживать и направлять на армейские сборные пункты военнопленных²¹.

Забираемые в плен японские части и соединения должны были в соответствии с приказом направляться на сборные пункты военнопленных со своими обозами, кухнями и медицинским персоналом с тем, чтобы на местах можно было организовать их быт. Содержание и обслуживание пленных предусматривалось проводить под строгим контролем и охраной военного командования и войск НКВД СССР.

Предполагалось также проводить питание по нормам, существовавшим в Квантунской армии и за счет местных ресурсов. Первые дни японцы должны были содержать и обслуживать себя в лагерях сами.

В то же время Красная Армия занимала зоны оккупации в Маньчжурии и только готовилась к «практическому проведению капитуляции японской армии»²². Продвижение армии нельзя было останавливать и об этом командующий 1-м ДВФ позаботился в своем приказе 00105 за 18 августа, подписанном в 19 часов 20 минут. При проведении капитуляции, а также при продвижении войскам предлагалось быть в «полной готовности к действиям на случай каких-либо провокаций».

Сдаваемое японскими частями и отдельными солдатами и офицерами оружие собиралось на специальных войсковых сборных пунктах оружия. Сборные пункты военнопленных устанавливались указанным приказом командующими армиями только на территории Маньчжурии. «Военнопленные японо-манчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут» — утверждал в

своей телеграмме Берия. Без изменений эта фраза вошла в приказ командующего.

Все мероприятия, указанные в приказе 00100, в общих чертах были доведены начальнику штаба Квантунской армии. Генералу Хата указали места сбора военнопленных и сдачи ими оружия. На подготовленной к его визиту карте «концентрационных лагерей японских военнопленных и складов оружия» Маньчжурия была разделена на три зоны пленения: основную, проходящую вдоль границы СССР, центральную и западную²¹.

В западной зоне в районе Хуйнань — Цаичуань капитулировали 123 пехотная дивизия (ПД), 9 пехотная бригада (Пбр), 3 кавалерийская бригада (Кбр) и 1 кавалерийская дивизия.

В центральной зоне капитулировали:

в районе горы Ямудинцзы — 10, 4, 2 Пбр; ГвКабр; 8 смешанная бригада (смбр); 4 танковая дивизия (ТД);

в районе Янцзятаого, вниз от Биньсян (Вэйцзыгоу) — 16, 19, 28 смПбр;

в районе Сюйцзяин — Тадинза — Хоуцзяолинь — 126 ПД; 79, 7 Пбр; 22 см Пбр;

в районе Сюйцзяин — Шичангоу — Тяньцзы — 122 ПД; 125 ПД; в районе Хадава — Цепбин — Мяолин — 124 ПД; ПД «Цзямухэ»; ПД без номера;

в районе Шыгань — Сисоциому — гора Сыфантай — 1 ТД; 128 ПД;

в районе Хуанин — Сянмейай — высота 1074 — 112, 127 ПД; 2 Пбр;

в районе разъезда Чунто — Кацухоу — станции Комусан — 101, 120 ПД;

В основной зоне капитулировали войска уже находившиеся в районах занятых частями Красной Армии в ходе боевых действий. В остальных зонах ожидалось прибытие мобильных групп от частей Красной Армии для проведения капитуляции.

На встрече японского и советского командований дело дошло и до порядка приема в плен и разоружения частей Квантунской армии, выполняющих условия капитуляции. Генералу Хата в свя-

зи с этим зачитали приказ маршала Мерешкого за № 00101, изданным в ночь с 17 на 18 августа и отправленного в войска в 4 часа 20 минут 18-го. Этим приказом устанавливалось, что Уполномоченный Военного Совета армии или фронта, командированный для приема капитуляции на тот или иной участок, вызывает Старшего Воинского Начальника японской армии, который действовал со своими войсками на этом участке. Вместе с ним он проверяет дислокацию японских войск и отдает после этого ему приказ. В этом приказе определялись места и порядок сбора оружия и личного состава. В частности определялось, что «оружие складывается, сносятся и свозится силами и средствами частей и подразделений японской армии»²⁴.

В приказе Уполномоченного определялись районы и порядок вывода личного состава действующих частей японской армии. При этом офицеры должны были содержаться отдельно от солдат, а генералы отдельно от офицеров. Последние должны были собираться в отдельном лагере, им предоставлялись иные условия обслуживания, называлось имущество, которое они могли взять с собой. Генералам разрешалось иметь при себе, находясь в плену, адъютанта и ординарца. Поначалу им даже оставляли оружие, но затем изъяли. Для обслуживания районов сбора военнопленных были необходимы тыловые, хозяйственные и медицинские части и подразделения. Эти подразделения брались и назначались из состава японской армии. Им определялись районы и воинские части, которые они должны были обслуживать. В эти районы и для этих частей сосредотачивались запасы продовольствия, фуража и медикаменты в «необходимых количествах». Определялся порядок передачи оставляемого японскими войсками имущества и запасов, складов, баз, автотранспорта, самолетов, тыловых учреждений и госпиталей, оборонительных сооружений войскам Красной Армии.

Непосредственно японские войска не выполняли приказов советских командиров. Они выполняли их через посредство приказов своих воинских начальников. Точность выполнения приказов контролировалась с помощью особо уполномоченных советской

стороной лиц из числа старшего офицерского состава не ниже подполковника. Эти офицеры выделялись на каждый маршрут, участок или район, где происходила сдача в плен частей и подразделений японской армии или выдвижение их к районам сбора и лагерям. Для охраны сдавшихся в плен японских солдат и офицеров, во главе выделяемых частей и подразделений назначались офицеры Красной Армии не ниже полковника.

Удовлетворенный итогами встречи, маршал Мерешков в завершение сообщил генералу Хата, что им отданы указания в войска о том, чтобы на тех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекратить, а также потребовать от личного состава войск фронта хорошего отношения к капитулирующим как при пленении так и при содержании их в лагерях²⁵. На командиров частей и на весь офицерский состав возлагался контроль за выполнением данного указания.

К 18 августа 1945 года японская и советская стороны завершили выработку организационных мер по проведению капитуляции и приступили к практической их реализации. Впрочем такая работа проводилась японскими частями и до встречи в Духовском на основе приказов своего военного командования. В частности командир 134-й пехотной дивизии, который одновременно являлся и командиром Саньцзянского соединения войск генерал-лейтенант Идэски Дзюн 17 августа 1945 года, издал по войскам следующий приказ:

- 1. По приказу Императора прекратить военные действия.
2. Все части должны немедленно прекратить всякие военные действия и возвратиться в Фаньчжень.
3. Если в пути советские войска потребуют сдать оружие, то оружие передать. Однако советский командующий соглашается на следующие условия:
 - а) у японских солдат и офицеров сохраняются мечи и штыки;
 - б) револьверы собираются, помещаются в склад и хранятся под контролем самих японских войск.
4. Не производить никаких разрушений.
5. Я нахожусь в Фаньчжень.

Командир Саньцзянского соединения Идзэки.

Дополнение:

1. Прилагаемый русский текст направить советскому командиру на данном направлении с тем, чтобы приказом было доведено до всех советских частей относительно сдачи оружия японскими частями.

2. Приказ распространить по всем японским частям данного района²⁶.

После издания этого приказа командир 134-й пехотной дивизии отправил на советскую сторону за парламентарями в город Саньсин своего адъютанта майора Сасахара, который прибыл в город 20 августа. На следующий день вместе с группой парламентарей из трех человек майор Сасахара вернулся в расположение своей дивизии и представил ее командиру. В течение трех с половиной часов, ночью, эта группа вела переговоры с генералом Идзэки и его штабом. В начале переговоров генерал Идзэки заявил: «Ввиду издания Императором приказа о капитуляции Японии и в связи с тем, что 134-я пехотная дивизия получила приказ командующего Квантунской армией о капитуляции, она подчинилась воле Императора. Прошу объявить условия капитуляции». Когда генералу были переданы условия капитуляции он обратился с просьбой к советской стороне соблюдать международные обязательства уважения по отношению к сдающейся армии. После окончания переговоров о капитуляции 134-й пехотной дивизии парламентарей пригласили на банкет.

Началась массовая сдача в плен японских войск. Офицеры и солдаты без желания принялись выполнять приказ Императора и все последовавшие за ним так как по их мнению они противоречили духу и воспитанию японской армии. Приказ выполнялся в силу того, что это был приказ Императора, чей авторитет в японском обществе, а тем более в японской армии был непререкаем.

На Сунгарийском направлении первым начал складывать оружие 365-й пехотный полк 134-й пехотной дивизии во главе с командиром полка подполковником Ивада Хайдзубо. Вслед за ним начали сдачу оружия и другие полки этой дивизии. На Сахалин-

ском направлении полностью сложили оружие 123-я пехотная дивизия, а также 135-я и 136-я пехотные бригады. К исходу 22 августа на этих направлениях японские войска капитулировали.

На Южном Сахалине процесс сдачи оружия начался 19 августа. В этот день личный состав 125-го пехотного полка 88-й пехотной дивизии со своим командиром полковником Кобаяси вонзил штык в землю. К 23 августа таким же образом поступили остальные части этой дивизии.

На острове Сьюмусю японские части начали сдачу оружия 23 августа в 10 часов утра. До конца дня советские войска приняли капитуляцию 13 673 человек из 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаи и 73-й пехотной дивизии генерал-майора Сутино Ивао. Вслед за ними сдались и остальные части и соединения.

Принятое на встрече решение о порядке капитуляции Квантунской армии требовало непосредственного присутствия частей Красной Армии. Однако последняя не смогла за короткий период военных действий занять всю территорию Маньчжурии. Поэтому потребовалась молниеносная переброска подразделений в те районы, где советские войска отсутствовали с тем, чтобы принять капитуляцию. С этой целью в практику действий войск вошли десантные операции.

Примечательно, что в своих воспоминаниях многие участники боев на Дальнем Востоке рассматривают такие операции как опасные, но вместе с тем, смелые, решительные и весьма успешные. Такая оценка с их стороны вполне понятна — ведь они летели в неизвестность и ожидали «каких-либо провокаций», а прибыв на место, встретили войска противника, которые готовы были выполнить все условия капитуляции. Получалось, что горстка солдат и офицеров Красной Армии принимала капитуляцию многотысячных войск противника. Для них, не знавших внутреннего механизма капитуляции, это был подвиг, а не простое выполнение формальностей.

У тех же офицеров, у кого было сильно развито самомнение, возникал в связи с этим соблазн присвоить себе эти «боевые» за-

слуги. Об одном таком случае пишет офицер оперативного управления 1-го Дальневосточного фронта, составитель журнала боевых действий фронта майор Мишкевич. Он возмущается тем, что генерал Мацумура Томакацу, «Старший Воинский Начальник» в городе Харбине, принижает роль его непосредственного начальника генерала Шелахова, который по его мнению пленил с десятком храбрых бойцов весь японский гарнизон.

Японский же генерал утверждает, что он собрал оружие всего гарнизона на центральной площади города и оставил его под охраной своих солдат до прибытия в город советского генерала. «Во исполнение приказа Императора», — давал свои показания на допросе генерал Мацумура Томакацу. — «с 17 августа 1945 года в Харбине войска собрались на площади и сложили оружие. Сложили оружие там 45 тысяч человек, в том числе 149-я пехотная дивизия, 131-я смешанная пехотная бригада и другие части. Вооруженными остались для охраны сложенного оружия и порядка только 6—7 тысяч человек. Принимать оружие в Харбине тогда было некому. 18 августа 1945 года в Харбин прилетел генерал Красной Армии и ему было сдано оружие. 21 августа в Харбин прибыл штаб одной из советских армий. Утром 22 августа мы передали генералу Красной Армии опись оружия, находящегося в Харбине»²⁷.

Последний не удовлетворялся простым принятием капитуляции и превознес это событие как выдающийся подвиг. Мы имеем возможность убедиться в достоверности утверждений японского генерала, приведя рассказ советского военного журналиста: «Наш «Дуглас» приземлился на аэродроме города Харбина. Еще при полете внизу были видны десятки легковых автомобилей, выстроившихся у посадочной площадки. Возле них стояли застывшие зеленые фигурки японцев. Они встретили нас. Из самолета вышел генерал-майор Шелахов, с ним сопровождающие его офицеры. Издали видно, как японские генералы вытягиваются и оправляют на себе орденские ленточки и аксельбанты, выравнивают строй в сдвоенной шеренге. Через несколько минут в служебном помещении аэродрома открылось первое совещание представителей нашего штаба с японским командованием. Вот и весь бой.

Подобное происходило и на аэродроме города Пирин, куда 19 августа 1945 года высадился десант советских войск. «Здесь сразу же состоялась беседа полковника Лебедева, возглавлявшего войска, с представителями японского командования. Всем солдатам и офицерам Пиринского гарнизона было объявлено о капитуляции японских войск. Неприятельские солдаты и офицеры начали складывать оружие. Наши солдаты заходили в казармы и обезоруживали целые батальоны японцев. С каждым часом росли горы винтовок и пулеметов. Японские артиллеристы подвозили свои орудия». Так происходила капитуляция японской армии.

Нельзя сказать, что Квантунская армия сложила оружие сразу. Многие ее подразделения предпочли сражаться до конца. На Мergenьском и Сунгарийском направлениях 20—21 августа 1945 года японские войска продолжали оказывать сопротивление продвижению Красной Армии и под ее натиском отходили вглубь Маньчжурии. Отдельные части, которым путь отхода был закрыт, вели боевые действия и в тылу советских войск, несмотря на очевидную безнадежность их положения. Об этом свидетельствуют бои в районе Хайлара, Имяньпо, Мукдена, в Солуньском районе и других местах. В районе действия 39-й армии советских войск полностью был уничтожен 3-й батальон 181-го полка 263-й пехотной дивизии. Единственный оставшийся в живых солдат Танака Масака на опросе показал: «Как солдаты так и офицеры решили сражаться с Красной Армией до последнего человека». Так поступали многие. Командир сформированного в городе Линьси отряда поручик Сибата, узнав о капитуляции Японии, заявил своим солдатам: «Японский Император капитулировал, а мы будем драться до последнего человека».

В районе Калгана и на Сахалинском направлении оказывали сопротивление до 1500 японских солдат и офицеров, в числе которых было много раненых. В боях за город Фуцзин 14 японских солдат отстреливались до конца. Десять из них были убиты, а четверо взорвали себя гранатами при подходе к ним красноармейцев. Ожесточенность сопротивления ярко иллюстрируется многочисленными фактами самопожертвования. Так в Солуньском районе

японские солдаты одевали на себя пояса с гранатами и взрывчаткой и бросались под советские танки. 20 августа четыре японских истребителя, спикировав, врезались в колонну танков и автомашин 21-й гвардейской бригады, следовавшей маршем на Мукден.

Даже при сдаче в плен, уже с поднятыми руками, отдельные японские солдаты не могли перейти черту, за которой они теряли звание солдата. Они хватали за горло подходившего к ним красноармейца и душили его. Те из японских солдат, которые превозмогли себя и перешли эту черту, при зачитке советским офицером приказа Императора о капитуляции, слушая его, плакали, «но в плен сдались».

Столь фанатичное сопротивление противника вызывало ответную реакцию со стороны бойцов Красной Армии — они уничтожали небольшие японские гарнизоны «до последнего»²⁸. Однако не всегда приходилось использовать меч для разоружения японцев. Есть много примеров действий отдельных добровольных парламентеров. В практике советских войск применялась засылка специальных групп, состоявших из военнопленных японцев, к своим соотечественникам — «смертникам», как стали называть вскоре всех японских солдат и офицеров, которые не сдавались в плен и оказывали сопротивление при пленении. В эту группу входили и советские офицеры, знавшие немного японский язык. Обычно такую группу возглавлял офицер отдела специальной пропаганды политического управления фронта. В его задачу входило подбирать из числа военнопленных японцев добровольцев и после ознакомительной беседы с ними, в которой выяснялись все данные о добровольце или добровольцах, засылать их к сопротивляющимся соотечественникам с целью разъяснения их безвыходного положения и склонения к капитуляции.

Расчет был на то, что своим японцы поверят быстрее чем русским. Во многих случаях этот расчет подтверждался. Так 24 августа к «смертникам» был заслан командир батальона майор Сасада Сатаро и капитан Танака Такисе. Они вернулись через три дня с тремя представителями части — поручиком Арии Тадаси и унтер-офицерами Нуномуро Кюсиро и Таи Дзиро. Их отряд в количестве

76 человек обстреливал с сопок проходящие советские войска и совершал диверсии на железных дорогах. После проведенных переговоров отряд сдался.

27 августа к своим однополчанам были направлены два солдата Окуяма и Мацуяма. На следующий день они привели с собой 45 человек. Поручик Комура и унтер-офицер Мацута были направлены вместе с усиленным батальоном против «смертников». Они провели переговоры с оказавшим сопротивление отрядом и склонили его солдат к сдаче оружия, тем самым предотвратив кровопролитие.

Бои с мелкими группами японцев и пленение их в сопках носили в то время повсеместный характер. В поиске и уничтожении таких групп принимало участие местное население. Китайцы указывали местонахождение японцев, часто по своей инициативе вылавливали их, разоружали и передавали военным властям. В городе Мишань 13 августа китайцами были выявлены пять японских солдат. В городе Кинган за два дня 17 и 18 августа группа китайцев выявила и доставила в комендатуру более 10 солдат. Девятерых солдат китайцы поймали близ города Мулин и сдали военному коменданту. Таких фактов можно привести множество.

В тех случаях, когда выявленные японские солдаты оказывали сопротивление китайцам, они их уничтожали. С одной из таких групп китайцы расправились в городе Яндан²⁹. Одиночных солдат приводили к военным властям крайне редко, что может говорить о расправе над ними прямо на месте обнаружения. Известен случай, когда на станции Наньян были убиты два японца, а в период с 25 августа по 5 сентября 1945 года только в районе города Хайлин были убиты китайцами 476 японских солдат³⁰. Винновники убийств объяснили свои преступления тем, что японцы их «эксплуатировали». Чисто пролетарское объяснение убийства. Однако нет свидетельств того, что за эти преступления кто-либо ответил.

Прием пленных в основном был завершен к 10 сентября на всех фронтах, хотя последние японские военнослужащие были взяты в плен между 15 и 20 сентября 1945 года войсками 25-й Армии 1-го Дальневосточного фронта. Ими оказались два контр-

адмирала — Огаса Токуити и Хори Югоро³¹. Надо отметить, что это последние военнопленные, чьи фамилии оказались известными. В дальнейшем число пленных увеличивалось, но фамилии в донесения не записывались. К декабрю 1945 года было учтено 641 253 человека, в то время как на 7 ноября этого же года военнопленных насчитывалось 640 094 человека³².

В течение августа 1945 года советские войска занимались не только приемом пленнх и оружия, но и завершали занятие отведенных по плану зон оккупации. 2 сентября 1945 года капитуляция Японии была зафиксирована официальным актом, а 3 сентября капитан 3 ранга Чичерин взял курс на острова Хабомаи и 5 сентября завершил вторую мировую войну³³.

Если вернуться к вопросу о пленении и капитуляции, то можно сказать, что Красная Армия непосредственно в ходе боевых действий захватила в плен 41 199 человек и приняла капитуляцию остальных шестисот тысяч солдат и офицеров японской армии. В тоже время советская сторона особых различий на этот счет не делала и считала пленными всех военнослужащих.

После заявления японской стороны о готовности капитулировать политико-моральное состояние советских войск резко снизилось. При виде многотысячных колонн сложивших оружие солдат и офицеров противника их поведение изменилось в худшую сторону, а дисциплина упала — война то закончилась. Офицеры стали жить вне своих подразделений и не появлялись там по несколько дней, солдаты были отданы сами себе и, как следствие, потрясающий внешний вид солдата-освободителя с элементами японской формы одежды и неконтролируемое поведение. Снижение воинской дисциплины привело и к тому, что боевые потери 1-го Дальневосточного фронта за период после объявления капитуляции составили четверть от общих потерь фронта.

Этот фактор, а также новизна задач, возникавших перед войсками Красной Армии, негативно сказались в первые дни на организации быта военнопленных. Первоначально предусматривалось, что японские военнослужащие будут сами себя некоторое время обеспечивать питанием. Во всяком случае до тех пор, пока

это не начнут делать советские войска. Японская армия не обладала большими запасами «местных ресурсов» по той простой причине, что они были захвачены или переданы Красной Армии. И, очевидно, что вскоре японские солдаты и офицеры начали жить впроголодь. По сути в первые дни капитуляции никакой организации жизни и быта пленных японских солдат не существовало. Они сложили оружие и разместились в отведенных для них местах и отдаленно не напоминавших лагеря. Более того, никакого жесткого контроля со стороны Красной Армии не осуществлялось. Японские солдаты и офицеры свободно покидали «лагеря» в поисках пищи, а то и совсем уходили. Солдаты двух, еще вчера враждебных армий общались между собой насколько позволял им языковой барьер, обменивались своими небогатыми пожитками.

Характер отношений в первые дни капитуляции позволяет говорить о том, что при разработке планов войны вопрос о военнопленных решался в обычном порядке и не предусматривал их массового вывоза и использования в качестве рабочей силы в СССР. Это подтверждается и тем, что в военных штабах не было ясного представления о том, как поступать в дальнейшем с военнопленными. И на вопрос Макартура, Главнокомандующего союзными войсками на Дальнем Востоке, которому не подчинялась Красная Армия, командующий 25-й армии генерал Чистяков ничего не мог ответить. Он знал, что по распоряжению командующего 34-м американским корпусом, стоящим против его армии в Корее, все японские солдаты, оставляя оружие, отправляются в Японию. Знал, что ежедневно отправляется по 4 000 человек, а часть пленных солдат отправляют по домам, если их семьи находятся в Корее. Он, командующий армией, знал и все это видел. Знали об этом по его докладам и в Москве. Однако он ничего не мог ответить Макартуру — Москва молчала, взвешивала все «за» и «против» и решалась сделать какой-то ответственный шаг. И этот шаг был сделан.

Глава 3.

Постановление Государственного комитета обороны СССР

«Да, этот вопрос решен», — сказал Сталин, обращаясь к членам комитета обороны и подводя итог краткому обсуждению подготовленного текста постановления. Он взял со стола ручку. Секретарь ГОКО положил перед ним на зеленое сукно рабочего стола для утверждения бумаги с машинописным текстом, которые после его подписи обретут силу закона и определяют дальнейшую судьбу японских солдат и офицеров на территориях контролируемых СССР.

«Они достаточно похозяйничали на советском Дальнем Востоке в годы гражданской войны. Теперь их милитаристским устремлениям положен конец. Пора отдавать долги. Вот они их и отдадут», — Сталин энергично поставил подпись на документе.

«Дело сделано. Напомните товарищу Воробьеву из наркомата обороны», — сказал Сталин, обращаясь к секретарю ГОКО, забирающему со стола новоиспеченное и судьбоносное постановление, — «чтобы он непременно и в сжатые сроки передал НКВД 800 тонн колочей проволоки».

Сталин поднялся из-за стола, подошел к окну и, не оглядываясь, произнес: «Вы, товарищ Берия, возьмите под контроль выполнение настоящего постановления». Заседание продолжилось, а за окном стояло в оцепенении лето. На календарном листке стояла дата — 23 августа 1945 года.

Примерно так можно описать ситуацию, в которой было принято постановление ГОКО за номером 9898 сс, получившее название «О приеме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии». Согласно постановлению действующая армия в лице Военных Советов фронтов — 1-го Дальневосточного и персонально маршала Мерецкова и генерала Штыкова, 2-го Дальневосточного и персонально генералов Пуряева и Леонова, Забайкальского и персонально маршала Малиновского и

генерала Тевченкова, совместно с представителями Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР во фронтах должна была отобрать «до 500 000 военнопленных японской армии». Так как в японской армии служили и корейцы, то постановление четко указывало на необходимость отобрать именно японцев «из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири»³⁴.

Предполагалось организовывать из военнопленных, перед отправкой их в СССР, строительные батальоны по 1000 человек в каждом. Во главе батальонов и рот было приказано ставить не старших офицеров, как это обычно принято в армии, а младших офицеров или унтер-офицеров и в первую очередь командный состав пехотных войск.

В состав батальона дополнительно назначались два медицинских работника из числа военнопленных. Этими решениями достигалась задача организационного разъединения бывшей армии, подрыва авторитета японских офицеров и максимальное соответствие состава батальонов тем задачам, которые им предстояло выполнять. Для обеспечения их жизнедеятельности им придавался автомобильный и гужевой транспорт. Личный состав батальонов обеспечивался за счет трофеев зимним и летним обмундированием, постельными принадлежностями, бельем, а также походными кухнями, котелками, кружками и ложками.

Для того, чтобы всего этого добра хватило на всех вывозимых пленников, приказывалось учесть и принять под охрану все трофейное имущество, нужное для обеспечения лагерей военнопленных в последующем. Указанное имущество передавалось НКВД СССР.

Один батальон соответствовал одному эшелону, который состоял из 37 вагонов, из них 22 людских, 3 конских, 1 для кухни и 4 платформы. В них размещались для перевозки 1030 человек и 125 тонн продовольствия, а также выделяемый транспорт³⁵. Каждый эшелон должен был обеспечиваться двухмесячным запасом продовольствия.

Военнопленные направлялись эшелонами, где было необходимо водным путем или маршем в лагерь, а точнее, «в пункты по

указанию НКВД» так как лагеря еще предстояло построить. Армия же обеспечивала их охрану в пути следования до места назначения. Обязанность по перевозке пленных возлагалась на центральное управление военных сообщений Красной Армии (ЦУП ВОСО), наркомат путей сообщений, наркоматы морского и речного флотов. Перевозки должны были осуществляться в соответствии с постановлением в течение августа — октября 1945 года. Начались они 4 сентября 1945 года. За всеми этими мероприятиями, которые должны были выполнять Военные Советы фронтов и в целом армия, наблюдение возлагалось на начальника тыла Красной Армии генерала Хрулева.

В соответствии с постановлением ГУПВИ НКВД СССР предстояло принять и «направить 500 000 военнопленных японцев» на следующие работы. Во-первых, на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, на участки Известковая — Ургал, Бам — Тында, Ургал — Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань, Тайшет — Усть-Кут. Сюда предполагалось направить 150 000 человек.

В Приморский край направлялось 75 000 человек. Из этого числа — 25 000 направлялись на угольные шахты объединений г. Сучана и г. Артема, 5 000 — на Приморскую железную дорогу, на Сихотэ-Алиньский свинцовый комбинат и объединение Синаичалово — 5 000 человек, на лесозаготовки — 18 000 на строительство портов в бухте Находка и Владивостоке направлялось 12 000 человек и на строительство казарм для Приморского военного округа отправлялось 10 000 человек.

Таблица 1
Распределение солдат и офицеров японской армии по территориям

№ п/п	Наименование территории	Количество (чел.)
1.	Казахская ССР	50 000
2.	Узбекская ССР	20 000
3.	Бурято-Монгольская АССР	16 000

4.	Приморский край	75 000
5.	Хабаровский край	65 000
6.	Красноярский край	20 000
7.	Алтайский край	14 000
8.	Читинская область	40 000
9.	Иркутская область	50 000
10.	Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали	150 000
	ВСЕГО:	500 000

В Хабаровский край направлялось 65 000 человек для добычи Райчихо-Кивдинских углей (20 000), для добычи оловянной руды в сопках Хингана (3 000), для добычи Сахалинской нефти и ее переработке на нефтеперегонных заводах (5 000), на лесозаготовке (13 000), для работы на Амурской железной дороге (2 000), учреждениям наркоматов морского и речного флотов предназначалось 2 000 человек, на строительство казарм для Забайкало-Амурского военного округа направлялись 5 000 человек и на строительство Николаевского порта, завода Амурсталь и военного завода по строительству подводных лодок в Комсомольске-на-Амуре направлялись 15 000 человек.

В Читинскую область направлялось в соответствии с постановлением 40 000 человек. Для добычи Букача — Чинских и Черновских углей — 10 000, для работы на молибденовых, вольфрамовых и оловянных предприятиях — 13 000, на лесозаготовке — 4 000, на строительство казарм — 10 000 и на работу на Забайкальской железной дороге — 3 000 человек.

Иркутской области предназначалось 50 000 человек. Из этого числа военноопленных на добычу угля в Черемховских коях направлялось 15 000, на лесозаготовке — 7 000, на строительство казарм для Восточно-Сибирского военного округа — 11 000, на рабо-

ты для Сибирской железной дороги — 5 000 и на различные специальные и секретные заводы — 10 000 человек.

Бурято-Монгольской АССР для работы на Джидинском молибденово-вольфрамовом комбинате, паравозоремонтном заводе в городе Улан-Уде и на лесозаготовки предназначались 16 000 человек.

Для подобных целей Красноярский край получал 20 000 пленных и Алтайский край — 14 000 японских солдат и офицеров. В Казахскую ССР направлялись 50 000 человек. Из этого числа в Карагандинскую область для строительства металлургического, машиностроительного заводов и Акчатаусского вольфрамового комбината предназначалось 10 000 человек, для объединения Карагандауголь такое же число пленных и в город Жезказган отправлялись 3 000 человек. Восточно-Казахстанская область получала 15 000 человек, Южно-Казахстанская 3 000 и Джамбульская область — 9 000 человек.

Узбекская ССР из 20 000 предназначенных ей военнопленных 15 000 человек направляла на строительство металлургического завода Беговат и других предприятий в городе Коканде и Ташкенте, объединению Ангренуголь 3 500 и Калининнефть — 1 500 человек.

Военнопленные распределялись по наркоматам. Среди них наркоматы пассажирских сообщений, строительства, угольной, нефтяной, лесной и электропромышленности, Главснаблеса, морского и речного флотов, цветной и черной металлургии, тяжелого машиностроения, вооружений и, разумеется, обороны и внутренних дел. Всего в программе использования труда пленных японских солдат и офицеров было задействовано 15 наркоматов.

Все наркоматы и лично народные комиссары обязывались данным постановлением обеспечить прием, размещение и трудовое использование пленных. И это было сделано не напрасно, так как у них не было опыта работы с пленными, а если и был, то печальный. Эти наркоматы не входили в общую систему эксплуатации военнопленных сложившуюся в СССР. Для того, чтобы наркоматы в этом вопросе не дали сбой, решением ГОКО партийные органы на местах подключались к работе, что должно было побудить их добросовестно отнестись к выполнению постановления.

Помещения для приема военнопленных все наркоматы должны были подготовить в две очереди: первая очередь — 50% готовности к 15 сентября и вторая очередь — остальные 50% готовности к 1 октября 1945 года. Помещения должны были быть отапливаемыми и оборудованными электроосвещением.

Особый вопрос вызывала охрана такого количества пленных. Конвойных войск НКВД СССР явно было недостаточно для выполнения задач по охране лагерей для военнопленных. В связи с этим Сталин дает добро на увеличение численности конвойных войск на 35 тысяч человек за счет общей численности войск НКВД. Они направлялись для охраны вновь создаваемых лагерей. К тому же наркомат обороны до 15 сентября был обязан передать НКВД из вооруженных сил 4 500 офицеров, 1000 человек медицинского персонала, 1000 офицеров-интендантов и 6 000 красноармейцев. Словом на 10 военнопленных японцев приходился один человек из «обслуживающего» персонала военных не считая гражданских.

НКВД СССР совместно с НКО СССР должно было разработать и ввести для японских военнопленных нормы питания применительно к существующим в японской армии нормам продовольственного снабжения. Предусмотрено было и то, что пленные, как и все люди, смогут заболеть. В связи с этим наркомздрав СССР и его собрат в армии Главное военно-санитарное управление обязывались организовать и выделить «минимально необходимое количество госпитальных койко-мест для лечения военнопленных японцев».

Наркомат внешней торговли, возглавляемый Микояном, выделял НКВД 1 200 грузовых машин для лагерей и 900 для конвойных войск. Товарищ Буденный, главный конюший страны, передавал лагерям 4 000 трофейных лошадей из ресурсов на Дальнем Востоке. Последний вклад был обязан сделать начальник тыла Красной Армии т. Хрулев, который передавал ГУПВИ НКВД СССР «для временного размещения» военнопленных на строительстве БАМа 3 000 больших палаток и 150 000 комплектов отремонтированного зимнего обмундирования, в том числе полушубки и валенки. Весь этот «подарочный набор», состоявший из обязательств раз-

личных ведомств, т. Берия обмотал гирляндой выделенных в его распоряжение 800 тонн колючей проволоки.

Если рассмотреть направленность использования военнопленных, то можно увидеть, что наибольшее их число было задействовано на добыче сырья. Особенно много пленных было занято на добыче угля — 86 500 человек, немногим меньше на лесозаготовках — 59 000 человек и на добыче различных руд 46 000 человек.

В общей сложности на добыче сырья было занято 198 000 военнопленных. Следующее направление — это строительство новых заводов, портов и военно-морских баз. В этой области было занято 69 000 человек. Еще одно из направлений — военное. В общей сложности здесь было занято 88 000 человек, из них прямо на военные нужды работали 40 000 пленных. Это строительство казарм, работа на военных заводах, строительство новых военных заводов и объектов. И совершенно особое направление — развитие транспортной инфраструктуры. Кроме БАМа на различных железных дорогах работало еще 27 000 человек.

Распределение солдат и офицеров по отраслям промышленности

№ п/п	Отрасли промышленности	Количество (чел.)
1.	Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали	150 000 ✓
2.	Работа на предприятиях железных дорог	27 000 ✓
3.	Добыча угля	86 500 ✓
4.	Строительство заводов и портов	69 000 65
5.	Лесозаготовки	59 000 ✓
6.	Добыча руд	46 000 ✓
7.	Строительство казарм	36 000 ✓
8.	Работа на военных заводах	4 000 ✓
9.	Работа на гражданских заводах	16 500 16 500
10.	Добыча нефти	6 500 ✓
	ВСЕГО:	500 000

Общая направленность в первую очередь на Дальний Восток очевидна. Все же это первый стратегический эшелон обороны на востоке. В нем было занято 340 000 человек, вместе с теми кто строил БАМ. Во втором стратегическом эшелоне, охватывающем Иркутскую область, Красноярский и Алтайский края, а также Бурятию, было занято 100 000 человек. Укрепление Дальнего Востока предусматривалось не только экономическое, но и военное — пятая часть от всего количества пленных была занята в этой сфере.

Просматривая довоенные постановления ГОКО, складывается впечатление, что постановление 9898 се было логическим завершением этой цепи постановлений, направленных на развитие дальневосточного региона. Принимая эти решения Сталин уже тогда подразумевал использование военнопленных японцев в качестве рабочей силы для их выполнения. В исходе войны он не сомневался. В уверенности и дальновидности ему здесь не откажешь. Однако такое впечатление обманчиво, ибо на момент принятия решения по военнопленным японской армии эти постановления могли послужить лишь поводом, а не главной причиной.

Какие факторы могли повлиять на Сталина для того, чтобы он смог принять такое решение о судьбе японских солдат и офицеров, сегодня трудно сказать. Думается, на первый план можно поставить внутреннее положение в СССР. Последствия войны диктовали необходимость восстановления народного хозяйства. На Дальнем Востоке это было связано с необходимостью укрепления этого региона ввиду того, что он стал «форпостом социализма», то есть вышел на передовые позиции в открывшемся противостоянии СССР и США. Экономическое положение этого региона Советского Союза нельзя было сравнить с положением его европейской части.

Строительство новых заводов, военных баз, устройство на новых местах многочисленных вооруженных сил на Дальнем Востоке требовали больших трудовых ресурсов, рабочей силы. Внутренних резервов у Союза ССР не было, так как население в результате войны сократилось и поэтому выход был найден в использовании дешевого труда военнопленных.

Окончание войны и изменение в отношениях бывших союзников стало доминирующим обстоятельством в ряду внешнеполитических факторов, повлиявших на судьбу японской армии. Этот фактор усиливался неопределенностью статуса послевоенной Японии как государства. Борьба за Японию со своими бывшими союзниками и, следовательно, за влияние в этом регионе земного шара определяла решение Сталина. Военнопленные, познавшие опыт советской жизни, могли стать приверженцами дружбы с СССР в противовес дружбе с США.

Можно было бы назвать в ряду причин и те идеологические стереотипы, возвращенные в Советском Союзе в отношении вины Японии за войну 1904—1905 годов, присутствие ее войск на Дальнем Востоке в годы гражданской войны в России в 1918—1922 годах, за бои у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, за то, что СССР вынужден был содержать около 800 тысяч солдат и офицеров на Дальнем Востоке в годы войны 1941—1945 годов вместо того, чтобы использовать их на советско-германском фронте. Однако все это назвать причинами в полной мере нельзя.

Вопрос о японских военнопленных — это вопрос, который должен был решаться союзниками, участвовавшими в коалиции при разгроме Японии на основе международного права. Сталин предпочел решить его односторонне, и указанные исторические факты были призваны оправдать это его решение.

Основная причина представляет собой переплетение связей из различных сфер жизни. Традиции обращения с военнопленными, задачи экономического восстановления СССР и стремление советского руководства играть ведущую скрипку в мировых делах и, конкретизируя, влиять на судьбу послевоенной Японии привели Сталина к необходимости принять решение о вывозе японских солдат и офицеров в СССР для работ в Сибири и на Дальнем Востоке.

Глава 4.

Система работы с военнопленными

Война — выгодное дело для политиков и государств, которые они представляют. При этом совершенно не играет роли и не имеет никакого значения то политическое положение государства, которое оно занимает в мире, ибо в каждом государстве имеются институты войны. Это касается и тех держав, которые справедливо сражаются на поле брани. Как только они начинают брать верх и не останавливаются на мере разумного подавления агрессора, они тем самым превращаются сами в него. Такова война, в ней побеждает сильнейший и он диктует свои условия. Наличие институтов войны не делает государство ангелом. Эти институты поддерживаются политиками всеми силами и возможностями, которыми располагает государство.

В эти институты как можно больше вовлекается народ. И именно ему отведена роль жертвы в любой войне. Война — это горе для народов всех воюющих сторон, но именно она потому и происходит, что народ воспринимает идею ее проведения от политиков в надежде получить ту часть прибыли, которую они ему посулили. Война действительно прибыльное дело. Правда это касается того государства, его политиков и его институтов войны, которое одержало верх в вооруженной борьбе. Она совершенно неприбыльна для проигравшего. Еще более она неприбыльна для сражающегося на полях войны и собирающего ее кровавый урожай народа, как победившего так и побежденного.

Среди многочисленных прибылей войны мы можем найти такой ее вид как военнопленные. Вернее их рабский, почти бесплатный труд. Во всех войнах мы находим следы ведущие нас к теме их судьбы. Обращение военнопленного в рабство признавалось на Руси естественным правом победителя³⁹. Это право имели не только русские, но и все без исключения победители. Оно отличалось культурой победителя, его социально-экономическими условиями бытия, теми политическими желаниями и настроениями, побу-

дившими его вступить на тропу войны, а также ее последствиями. Позже это право победителя было ограничено. Это ограничение было юридически оформлено Женевской (27 июля 1929 года) и Гаагской (18 октября 1907 года) конвенциями. Что в общем-то не мешало проявлениям национальных традиций и несоблюдению положений указанных конвенций.

Наибольшего развития вопрос о пленных получил в годы второй мировой войны. Только один Советский Союз захватил в плен 4 462 300 солдат и офицеров противника³⁷. Многообразие и частота войн, преследовавших человечество в XIX и XX веках, привели к необходимости иметь специальный аппарат по работе с военнопленными. Россия, как и другие воюющие стороны, накопила некоторый опыт такой работы в ходе первой мировой войны. В эти годы статус пленных неукоснительно соблюдался. В годы гражданской войны в России этот опыт был утерян, и на его место стал опыт работы с военнопленными, основанный на классовой целесообразности. Именно этот принцип СССР взял за основу при организации работы с пленными в годы второй мировой войны.

Прежде чем раскрыть советскую систему работы с военнопленными, хотелось бы заметить одну ее особенность — эта система имела двойное предназначение. Первое — это работа с пленными солдатами и офицерами противника и его союзников, а также работа с иностранными контингентами своих союзников. Здесь старались применять нормы международного права при этом не забывая классовой сущности и политической стороны такой работы.

Второе предназначение этой системы — работа с солдатами и офицерами собственной армии, не избежавшими пленения противником, а также со спецконтингентом — гражданским населением угнанным на работы в Германию или попавшими в немецкие концлагеря. Здесь применялись суровые, жестокие нормы приказа Сталина № 270, датированного 16.08.1941 года и не предназначившимся к опубликованию. Было принято, что «воин Красной Армии в плен не сдается ... сдача в плен — это предательство, измена Родине, карающаяся высшей мерой наказания»³⁸. Гипертрофированное видение Сталина передавалось и закреплялось на

долгие годы в чиновничьих и доверчивых душах и смягчалось лишь в народной массе.

К началу войны Германии с Советским Союзом в Красной Армии не было специального подразделения, которое занималось вопросами плена. С ее началом, с невероятными трудностями по ее организации пришлось столкнуться Штабу тыла Красной Армии. В недрах отдела организации тыла Штаба тыла Красной Армии существовало отделение по делам военнопленных, интернированных и репатриированных. Трудности организации работы усугублялись ее большими масштабами, отсутствием опытных специалистов, их малочисленностью, а также «новизной» для них этой работы. Сюда еще можно добавить высокую маневренность войны, требовавшей немедленного освобождения войск и их тылов от военнопленных.

Несмотря на все трудности, во фронтах и в тыловых военных округах была организована стройная система по эвакуации пленных. Руководство этой системой осуществлял штаб Начальника тыла Красной Армии через начальников тыла фронтов и заместителей командующих войсками по материальному обеспечению военных округов.

Необходимость быстрого и оперативного решения комплекса вопросов, связанных с эвакуацией военнопленных, потребовала также правдивого знания на каждый день войны состояния этапов эвакуации и движения на них военнопленных. Это было достигнуто введением ежедневного донесения о наличии пленных в войсках, в армейских и фронтовых звеньях, о готовности их к вывозу по станции погрузки и о созданных запасах продовольствия и вещевого имущества для этих целей.

Эти отправные данные давали возможность контролировать штабы фронтов и военных округов о выполнении директив начальника тыла Красной Армии и давать указания, как по вопросам эвакуации, так и материального и медико-санитарного обеспечения военнопленных на всех этапах. Также эти данные давали возможность составлять планы вывоза военнопленных из фронтов и обеспечивать своевременную подачу подвижного состава.

За годы войны объем работы с военнопленными значительно увеличился и из небольшого отделения к 29 марта 1945 года вырос Отдел по делам военнопленных, интернированных и репатрированных в Штабе тыла Красной Армии. Этот отдел занимался эвакуацией военнопленных и их учетом. Собственно сам отдел был лишь одной из важных составных частей сложившейся системы работы с военнопленными.

Во главе всей системы стояло Управление уполномоченного СНК СССР по делам военнопленных, интернированных и репатрированных. Ему не подчинялись, но все же выполняли все его указания ГУПВИ НКВД СССР и Отдел штаба тыла Красной Армии. Управление уполномоченного СНК СССР обеспечивало связь по данному вопросу с заинтересованными правительствами других стран и упомянутыми ведомствами в силу того, что такие связи им не разрешались. В свою очередь, все эти учреждения выполняли постановления Государственного Комитета Обороны. На основе постановлений ГОКО и разрабатывались нормативные документы по вопросам содержания и использования военнопленных.

В целом задачи службы тыла Красной Армии и НКВД СССР в части работы с военнопленными на всех этапах войны определялись постановлением СНК СССР № 1780—800сс от 1 июля 1941 года. Указанным постановлением весь комплекс вопросов по организации эвакуации пленных в тыл СССР был возложен на начальника тыла Красной Армии. Специальные вопросы, а также вопросы организации режима содержания военнопленных, их охраны и конвоирования на всех этапах эвакуации из фронта до тыловых лагерей включительно возлагались на НКВД СССР. Деятельность НКВД исключалась только в пределах войскового тыла.

Постановлением СНК СССР на армию были возложены следующие задачи: сбор и немедленное отконвоирование военнопленных в вышестоящее звено; подготовка грунтовых путей для эвакуации военнопленных из войскового тыла в армейскую и фронтовую лагерную сеть; формирование и укомплектование пунктов сбора в войсках и лагерной сети в армиях и фронтах; организация материального и медико-санитарного обеспечения на всех этапах

эвакуации плененных; обеспечение вывоза пленных в тыл страны железнодорожными эшелонами и оборудование эшелонов по сезону; обеспечение отправляемых эшелонов на весь путь следования продовольствием, а также организация питания эшелонов в пути следования горячей пищей через военно-продовольственные пункты и кипятком, а в зимний период топливом; обеспечение продвижения эшелонов на армейских и фронтовых железных дорогах, а также командами сопровождения и медицинским персоналом.

Роль наркомата внутренних дел была весомее в структуре работы с военнопленными. В центре НКВД имел вначале просто управление, которое затем стало главным управлением по делам о военнопленных и интернированных, а также отдел спецлагерей, в последующем получившим название отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД. Последний занимался приемом, проверкой и отправкой либо в лагеря, либо в места высылки на определенный срок лиц, сотрудничавших с администрацией противника на оккупированной территории, побывавших в его лагерях своих военнопленных, а также вывезенных для работ в Германию и других подобных категорий граждан.

В звене фронта органы НКВД были представлены отделом НКВД по делам военнопленных и интернированных при начальниках тыла фронтов. В армии этот отдел имел своего уполномоченного при начальнике тыла армии.

От боевых частей до тыла СССР была организована следующая сеть по эвакуации военнопленных:

а) в войсках — полковые и дивизионные пункты сбора военнопленных (ППСВ и ДПСВ) емкостью на 500 — 1 000 человек;

б) в армиях — приемные пункты военнопленных (ППВ) емкостью на 1 500 человек и сборно-пересыльные пункты (СПП) для спецконтингента;

в) во фронтах — фронтовые сборные пункты военнопленных (ФСПВ) емкостью на 1 500 — 3 000 человек каждый и фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛВ) на 3 000 — 5 000 человек.

Вся эта цепочка замыкалась в тылу СССР на тыловые производственные лагеря для военнопленных и тыловые спецлагеря

Справка
о движении военнопленных японской армии (по состоянию на 29.11.1945 г.)

Наименование округа	Поступило всего с начала операции	Фактически вывезено	Состоит:		
			в округе	в приемно-пересыльных лагерях	в госпиталях
Забайкало-Амурский	219 523	182 757	36 766	32 722	4 044
Дальневосточный	124 980	90 339	34 641	33 641	1 000
Приморский	296 750	180 793	115 957	106 564	9 393
Итого:	641 253	453 889	187 364	172 927	14 437
Состояло на 7.11.45	640 094	431 925	208 169	194 457	13 712

Составлено по: ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 48, л. 24 — переписка по делам военнопленных.

системы НКВД СССР. Во фронтах имелось 620 учреждений подобного типа и в тылу — 430, всего 1050 лагерей, комендатур приемных и сборно-пересыльных пунктов²⁹.

Согласно этой схемы взятые в плен солдаты и офицеры противника немедленно направлялись на полковые и дивизионные пункты сбора. Из полковых и дивизионных пунктов сбора военнопленные также немедленно отправлялись на армейские приемные пункты. Из армейских приемных пунктов военнопленные, после регистрации их по установленным НКВД формам, направлялись во фронтовые приемно-пересыльные лагеря. Из фронтовых приемно-пересыльных лагерей железнодорожными эшелонами военнопленные вывозились в тыловые лагеря НКВД СССР. На этом их невольное путешествие заканчивалось, и начинался основной период пребывания в плену.

Армейская и фронтовая сеть по специальным вопросам и вопросам организации режима содержания, охраны и конвоирования пленных была подчинена ГУПВИ НКВД СССР через находившихся при начальниках тыла в армиях уполномоченных, а во фронте отделы НКВД по делам военнопленных и интернированных.

В оперативном отношении и по всем вопросам, вытекающим из организации эвакуации, дивизионные и полковые пункты сбора, армейские приемные пункты, фронтовые приемно-пересыльные лагеря и при них сборные пункты через командование войск и начальников тыла фронтов и армий подчинялись начальнику тыла Красной Армии. Директивами начальника тыла производилось их формирование, укомплектование имуществом, транспортом, а также материальное и медико-санитарное обеспечение военнопленных на всех этапах эвакуации вплоть до тыловых производственных лагерей НКВД СССР.

К моменту войны на Дальнем Востоке система работы с военнопленными была уже вполне отлажена. Однако это касалось в большей мере европейской части территории СССР. Здесь, на востоке, эту систему приходилось создавать заново по имевшимся и опробованным на практике рецептам.

Глава 5. Вывоз японских солдат и офицеров в лагеря на территории СССР

Руководствуясь требованиями постановления ГОКО № 9898 от 25 августа 1945 года, маршал Василевский издал приказ фронтам, в котором давал указания о сформировании строительных батальонов из военнопленных японской армии и сосредоточении их в пунктах погрузки перед отправкой в лагеря на территории СССР. Этим приказом также предусматривалось сформировать 55 рабочих батальонов из военнопленных для использования их на работах внутри фронтов — на подготовке казарменного фонда к зиме, заготовке топлива, проведении сельскохозяйственных работ⁴¹.

Приказом Василевского предусматривалось обеспечение указанных батальонов транспортом, зимним и летним обмундированием, бельем, постельными принадлежностями, личным бытовым инвентарем и двухмесячным запасом продовольствия за счет трофеев.

В основном вся японская армия к началу сентября 1945 года была сосредоточена в лагерях для военнопленных. «В лагерях устанавливалась нормальная жизнь», — говорилось в одном из донесений тех лет. Однако, отмечалось в документе, в содержании и обращении с военнопленными японцами советских офицеров и бойцов имелись серьезные недостатки: допускалось общение с военнопленными, имелись случаи неправильного и недостойного поведения по отношению к ним, военнопленные оставались без конвоя и охраны, их питание было организовано плохо или совсем не организовано, учет не налажен, не созданы отделы по работе с военнопленными. Только с 28 августа 1945 года работа по выполнению приказа Василевского начала налаживаться.

4 сентября 1945 года, после приказа о сформировании строительных батальонов из пленных Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский отдает приказ фронтам и Тихоокеанскому флоту о немедленной отправке сформированных батальонов в тыловые лагеря НКВД СССР. В общей сложности армия запланировала к отправке на территорию СССР

531.000 человек. Военнопленные, которые находились на Квантунском полуострове, оставались там и использовались на работах фронта.

Во фронтах закипела работа по подготовке батальонов к отправке. Заготавливалось продовольствие для обеспечения пленных в дороге и в местах прибытия, изыскивалось зимнее обмундирование, выделяли автомобили, гужевой транспорт и различный хозяйственно-бытовой инвентарь, который был под рукой.

Однако отправка пленных в СССР на конец августа и сентябрь месяц была не главной задачей для советских войск. Главную задачу выполняла приехавшая из Москвы, так называемая, группа Сабурова. Задача этой группы, выражаясь словами начальника тыла Ставки войск на Дальнем Востоке генерал-полковника Виноградова, состояла в том, чтобы «показать лицо Японии в Маньчжурии»⁴³. Теперь трудно понять, что подразумевал генерал под этими словами, произнося их на совещании офицеров тыла. Зато доподлинно известно, что группа Сабурова была направлена из центра для проведения мероприятий по изучению, выявлению и определению объектов промышленности для их демонтажа и вывоза в СССР, а также для практической организации и руководства этой работой во фронтах. В группу входило около 500 человек. Свою работу группа завершила в ноябре месяце. Основными принципами ее работы были: вывозить как правило японскую собственность, особенно собственность, построенную в период оккупации; вывозить все оборонные предприятия, за исключением предприятий в Порт-Артуре и Корее; определить железнодорожные направления, рельсы на которых предстояло снять; производство мирной продукции оставить в пределах того размера, который был в Маньчжурии до оккупации ее Японией. СНК СССР в октябре 1945 года утвердил список из более чем 90 заводов обязательных к вывозу. Практически было вывезено больше, так как вывозились и те заводы, которые хотя и не вошли в список, но на которых были начаты работы по демонтажу. Собственно говоря, этот список составлялся группой Сабурова в тот момент, когда оборудование заводов уже было погружено на железнодорожные платформы.

В центре за работу этой группы отвечали т.Маленков и т.Микоян. По их указанию войска фронтов после демонтажа и вывоза оборудования должны были проверить не осталось ли следов демонтажа — какого-либо ящика, крышка, надписи или указателя на стене. Цеха убирались под метлу так, чтобы не было видно и следов, что там стояли станки, а если и стояли то чтобы невозможно было выяснить что именно. Необходимо было также проверить железные дороги — не остался ли на них какой-нибудь вагон с оборудованием или какой ящик на станции.

Как видим, в это время, в основном сентябрь—октябрь, в первую очередь вывозились трофеи и демонтированное оборудование заводов под лозунгом — «все ценное забрать». Даже склады Квантунской армии значились в этом списке на вывоз последним пунктом. Поэтому для вывоза военнопленных не хватало вагонов. В СССР пленные отправлялись лучшим порядком, на автомобильном и гужевом транспорте и иногда по железной дороге.

Вот как обстояли дела с перевозкой военнопленных на 1-м Дальневосточном фронте: «по состоянию на 14 сентября войскам фронта сдались в плен 261 450 солдат и офицеров японской армии. В соответствии с указаниями организована работа по формированию строительных и рабочих батальонов военнопленных и отправка их вглубь страны. На 15 сентября 1945 года во всех лагерях в основном закончилось формирование батальонов из числа военнопленных. Сформировано в общей сложности 210 строительных и рабочих батальонов из которых 84 готовы к отправке. Отправка батальонов из лагерей военнопленных пока проходит медленно ... отправлено только 46 батальонов. Из них 20 для хозяйственных нужд фронта и 26 в лагеря НКВД. По железной дороге отправлено 14 батальонов, походным порядком 32.

Основной причиной задержки отправки военнопленных является нехватка транспорта. Из 210 сформированных батальонов, кроме 46 отправленных, к 10 сентября были готовы для отправки еще 38 батальонов военнопленных, но так, как не хватает железнодорожного транспорта, эти батальоны не отправлены. Не достает и автотранспорта — по штату в каждом сформированном бата-

льоне положено иметь 4 автомобиля, а фактически имеется по одной—две машины. Во многих батальонах их вообще нет. Армии не имеют в наличии автомашин для обеспечения батальонов военнопленных, тем более они не в состоянии выделить автотранспорт для перевозки военнопленных»⁴².

Недостаток в транспорте резко сказывался не только на отправке военнопленных в СССР, но и на снабжении их продуктами питания. В двух лагерях близ города Яныцзы было размещено более 30 тысяч человек. Для подвоза продуктов в эти лагеря за 18 километров имелось всего две машины, которых было недостаточно для того, чтобы своевременно обеспечивать подвоз питания. В результате этого происходили частые перебои в обеспечении пленных продуктами. Даже сформированные батальоны не были обеспечены полностью на путь следования к новым местам дислокации — 32 отправленных с фронта батальона получили продовольствия на 10 суток вместо двухмесячного запаса как это было предусмотрено постановлением ГОКО.

Проблемы формирования батальонов были многочисленны, что может говорить о неподготовленности фронтов к выполнению такой задачи. К тому же армия считала недостойным или второстепенным для себя занятием возню с пленными. Это всегда было задачей НКВД СССР. Поэтому и организация работы с военнопленными хромала на обе ноги. НКВД СССР приходилось принимать меры по устранению недостатков, которые допускала армия в организации работы по перевозке пленных. Войну ведомств можно проиллюстрировать одним характерным примером.

В период с 15 по 23 сентября в тыловые лагеря НКВД, расположенные в Хабаровском крае, прибыло 28 000 японских солдат и офицеров. Прибывшие военнопленные не были обеспечены продовольствием, не имели ни зимнего обмундирования, ни постельных принадлежностей. Эшелоны, которые пришли с 1-го Дальневосточного фронта имели в наличии 10—20 дневные запасы круп и немного мясопродуктов. Баржи, пароходы, прибывавшие с 2-го Дальневосточного фронта, по отдельным видам продовольствия вовсе не были обеспечены.

Эшелон, который прибыл в город Комсомольск-на-Амуре и был принят лагерем №18, имел круп на две недели, сала на одну неделю, муки, сахара, мясных консервов вообще никаких запасов не имел. Подобное положение было и с эшелонами, который прибыл в лагерь №1, расположенном на станции Мули по линии Совгавань — Комсомольск.

Данные о наличии и движении
военнопленных японской армии на 15.02.1946 г.

Наименование округа	Поступило с начала операции	Выезжено в тыл страны	Возвращено на родину и убыло по разным причинам	Состоит в лагерях
Забайкало-Амурский	223 556	204 481	9 515	9 560
Дальневосточный	124 990	122 520	—	2 460
Приморский	301 658	212 334	14 247	75 077
Итого:	650 194	539 335	23 762	87 097

Составлено по: ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 3, л. 49.

«Впредь о прибытии эшелонов военнопленных не обеспеченных так, как этого требует решение ГОКО № 9898 буду вынужден доносить товарищу Берия», — писал начальнику тыла Ставки войск на Дальнем Востоке начальник управления НКВД Хабаровского края генерал-лейтенант Долгих⁴⁵. Многие знали что могло произойти после такого донесения. Даже для маршалов оно могло бы сыграть роковую роль в их судьбе, не говоря уже о генералах и офицерах. В силу этого, руководство дальневосточными фронтами адекватно реагировало и старалось исправить положение дел.

Нельзя сказать, что и НКВД СССР был готов принять пленных японских солдат и офицеров, хотя и имел в своем распоряжении четко функционирующую систему работы с военнопленными. На Дальнем Востоке материальной базы для приема полмиллиона японских солдат и офицеров не было. Все приходилось делать по ходу дела. По сравнению с армией, органы НКВД, обладая боль-

шой практикой в области устройства лагерей, смогли быстро отреагировать на новое решение Сталина. Они освобождали лагеря на востоке страны от заключенных, перевозили последних в другие районы, а на их места «вселяли» японских военнопленных. Все же это было неповсеместно — чаще всего пленных вывозили в необустроенный район, где они отрывали для себя землянки и строили бараки. Кое-где сами органы НКВД готовили такие лагерные точки, оборудуя их жильем и «коммунальными услугами» — умывальник, баня, туалет и все на улице.

Как бы там ни было, а к декабрю 1945 года основная масса солдат и офицеров японской армии была вывезена в лагеря НКВД СССР. В декабре шестью рейсами выделенных Дальневосточным речным пароходством двух пароходов были вывезены последние в этом году 42 000 человек из Северной Кореи.

Всего же к 15 февраля 1946 года войсками 1-го и 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов, перестроенных осенью 1945 года в соответствии, Приморский, Дальневосточный и Забайкало-Амурский военные округа было пленено 650 194 человека. К этому моменту 539 335 человек было вывезено в тыловые лагеря НКВД СССР, 23 762 солдат и офицеров японской армии возвращены на родину и «убыло по разным причинам». Еще 82 097 человек находились в лагерях для военнопленных на территории Маньчжурии, точнее на Ляодунском полуострове, временно отошедшем к СССР по договору с Китаем, и в Северной Корее.

Итак, по решению Сталина в СССР должны были завезти то 500 000, то «до 500 000» солдат и офицеров японской армии. Советские вооруженные силы запланировали к вывозу 531 000 человек, а фактически вывезли почти на девять тысяч больше. Таким образом завершилась кампания по приему в плен капитулировавших японских войск. Вскоре за последним японским солдатом хлопнутся двери лагерных ворот и для них настанет жизнь, предписанная приказами и инструкциями НКВД СССР. Впрочем, подобным образом жили все «советские» люди и многие к этому ужасу привыкли. Для японцев это было страшным ударом, многие которого не выдержали в самый первый и последующие годы плена.

Раздел второй

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ПО ИНДОКРИНАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ: СОВЕТИЗАЦИЯ (1945—1949 гг.)

Часть I.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЛЕНА (лето 1945 — конец 1946 года)

Глава 1. Первое знакомство

С первых дней плена японские солдаты и офицеры попали в сферу внимания политических органов Советских Вооруженных Сил. Это внимание усиливалось проявленным интересом к ним со стороны ЦК ВКП(б). Уже в сентябре 1945 года по его решению была организована редакция газеты «Нихон Симбун» (Японская газета), которая выпустила в свет свой первый номер 15 сентября 1945 года. В политических управлениях дальневосточных фронтов, а с сентября военных округов, создавались на базе уже имевшихся специальные отделы по работе среди военнопленных. Задача этих отделов состояла в том, чтобы вести, определяемую ЦК ВКП(б), пропаганду на плененных солдат и офицеров. Координировало выполнение этой задачи, а также определяло содержание

и направленность пропаганды Главное Политическое управление РККА (ГлавПУр). Известно, что это управление в советской политической системе работало на правах отдела ЦК ВКП(б) и обладало большими правами.

Содержание пропаганды, методы и приемы ее проведения были и ранее известны для вновь созданных специальных органов — ведь они занимались ведением пропаганды среди войск и населения противника. В новых условиях работы им было необходимо скорректировать свою деятельность и уяснить с каким контингентом придется иметь дело.

В первое время свою работу спецпропагандисты сосредоточили в лагерях военнопленных, которые находились на территории Маньчжурии. Здесь сложилась необычная ситуация. Так как решение Сталина о вывозе в СССР 500 тысяч военнопленных японцев было совершенно секретным, то советская армия в массе своей не знала о нем. Исключение составляли отдельные ее военнопленные, которым поручалось исполнение этого сталинского решения. При формировании строительных и иных батальонов из числа пленных им не сообщался маршрут их следования и они не теряли надежды на скорое возвращение домой. Позднее, когда тайна стала явью и было трудно объяснить японцам куда же все-таки они едут, пленным говорили, что они едут работать в Советский Союз сроком на один год.

По сути, осенью 1945 года сложилась ситуация мирного взаимодействия двух армий, еще недавно бывших вражескими, а теперь стоявших спокойно отдельно одна от другой в разных лагерях. Японская армия, управляемая своими младшими офицерами, не потеряла национальной окраски и продолжала существовать и функционировать по законам своего внутреннего механизма. Офицеры продолжали отдавать приказания, присваивать очередные воинские звания, отправлять солдат в командировки из гарнизона в гарнизон. Мирное взаимодействие проявилось и в том, что японские офицеры побуждали своих солдат добросовестно работать для Красной Армии из-за того, что она хорошо к ним относится и это может ускорить их возвращение домой⁴⁴.

Структура японской армии не изменилась, она жила теми же подразделениями как и тогда, когда сложила оружие. Более того, существовала на те запасы продовольствия и имущества, которые были у нее до войны. Право, теперь этими запасами как и японской армией в целом распоряжалось советское военное командование. Компетенция этого распоряжения не распространялась непосредственно на военнопленных, а ограничивалась отдачей указаний японским офицерам от которых и зависело их выполнение.

Быт в лагерях был уже советским. Советская лагерная администрация «слишком рано устраивала подъем», заставляла работать пленных ежедневно без выходных, на что они жаловались: «сколько ни работай дня отдыха нет», «просим отдыха». Из-за нехватки продовольствия паек пленных был мал, пищи им не хватало — «думаю, что если улучшить питание, то привьется любовь к работе», — советовал один из них. К тому же не было табака и для полного комфорта ... фонарей.

Как видно, здесь приведены жалобы пленных, показывающие реальное положение в лагерях. Ничего не скажешь, оно было не из легких. К тому же просто невыносимым из-за стремления плененных скорее вернуться домой. Однако жалоб на то, что их пытаются держать в тюрьмах, не кормят и издеваются или уничтожают, не было. Для японцев, знавших как они относились к пленным, это было неожиданным и они такое отношение относили к разряду хороших.

Армейские органы советской пропаганды, находившиеся в Маньчжурии, свою работу среди пленных начали с разъяснения причин и целей вступления Советского Союза в войну с Японией, а также «освободительной» роли Красной Армии при этом. Одновременно «разъяснялась правда о Советском Союзе». Эту работу пропагандисты проводили как собственными силами, так и с помощью подобранного ими актива из среды военнопленных.

Однако, нехватка знатоков японского языка среди офицеров-пропагандистов и отсутствие систематической, последовательной и постоянной работы с пленными не позволяли пробить брешь в монолитном коллективе японской армии. Отдельные осколки отбивались, но армия стояла нерушимо на своих традициях. На

марше в лагерь с работы, и даже будучи в лагере, пленные как и прежде пели свои военные песни и марши в том числе, популярный в то время марш «Айкоку Косин».

Сопротивление советскому давлению выражалось в различных формах. В одном из лагерей, после того как активисты спели на концерте художественной самодеятельности «революционную» песню «Красное Знамя», сочиненную советскими пропагандистами, японские солдаты по приказанию своего офицера и под управлением унтер-офицера запели песню, сочиненную ими самими в плену:

*«На холме колышется
Советское красное знамя
И когда смотришь на него
От досады текут слезы

И сегодня с утра опять
Русские заставили нас работать
Но ничего мы потерпим и подождем
Для возвращения в Японию»⁴⁰.*

После исполнения этой песни один из японских офицеров встал и громко крикнул: «Долой коммунистическую партию Японии!» По нормам советского общества сталинского времени такой поступок, как и само пение квалифицировалось преступлением.

Любопытная история произошла в Дальнем, где работники советизированного японского профсоюза (в СССР профсоюзы рассматривались не иначе как школа коммунизма) попытались сделать попытку прочесть пленным лекцию на тему: «Строительство демократической Японии». Их доклад неоднократно прерывался громкими криками пленных — «Кончай! Хватит! Красная пропаганда». После доклада группа солдат подошла к докладчику и спросила его: «Что, красным стал? Убирайся отсюда немедленно!»

Благополучно покинув территорию лагеря для военнопленных, «лектора» бросились писать отчет о происшедшем советскому командованию. В отчете они отмечали, что «офицерский состав, вос-

питанный в духе уважения и поклонения Императору, настроен реакционно, является противником упразднения императорского строя».

И это действительно было так. Более того значительная часть солдат и почти все офицеры не рассматривали поражение Квантунской армии как полный разгром. Отдельные военнослужащие, говоря словами фельдфебеля Накао Кацуми, мечтали о новой русско-японской войне целью которой видели возвращение Сахалина, Курильских островов и Кореи.

Все же работа советских пропагандистов, несмотря на всю ее неуклюжесть, амбициозность и неорганизованность, приносила свои результаты. В среде пленных начали появляться «демократически настроенные солдаты» и даже целые организации, хотя и малочисленные. Одна из таких возникла в Порт-Артуре. Членами ее были 48 японских матросов и солдат. Они дали ей название «Тайекай». Как правило в начальный период такие организации и группы возникали на основе протеста солдат против безгранично жестокого обращения с ними японских офицеров. На этой основе возникла и эта организация.

Как ни странно, но «Тайекай» оказалась незамеченной советскими пропагандистами и под давлением офицеров распалась. Другим подобным организациям везло больше — их замечали и приобщали к искусству политической агитации и пропаганды. В данном случае это не произошло. «Тайекай» распалась, а ее руководитель матрос Марида подвергся гонениям со стороны офицеров.

Попытки политработников, пользовавшихся скудным на то время арсеналом средств воздействия, провести политическую обработку японской армии встречались враждебно и вызывали реакцию отторжения, что хорошо иллюстрируется приведенными примерами. Однако работа продолжалась.

Общение с пленными политорганами показало, что японская армия не представляет собой деморализованной солдатской массы, сознание которой легко можно было бы изменить. Скорее наоборот, армия осталась как по структуре, так и по ее национальным воинским традициям динамичным, остро реагирующим на

попытки советского проникновения организмом целостность которого определяется воинским укладом выработанным тысячелетней японской историей.

Изучение морального состояния пленных проводилось на всех этапах их пребывания в советском плену. После Маньчжурии продолжалось оно и в лагерях для военнопленных на территории Советского Союза. Продолжалось оно и в лагерях репатриации по дороге домой, а закончилось лишь с убытием японских солдат и офицеров за пределы досягаемости советских политорганов.

С прибытием японских военнопленных в лагеря на территории СССР их настроения изучались более серьезно с тем, чтобы учесть все особенности контингента и определить основные направления проведения пропагандистской кампании. В этих целях среди военнопленных в 1945—1946 годах было проведено большое количество массовых опросов. Набор вопросов в анкетах был обширен, но обязательно касался таких тем как отношение к Императору, к приказу о капитуляции, выяснялось отношение к наступившему в войну Советскому Союзу, изучалось мнение о мощи Красной Армии и в последнюю очередь интересовались жизнью пленных в лагерях, а затем, позже, о жизни перестали и спрашивать.

Для проведения опросов Главным политическим управлением РККА была разработана специальная анкета, которую и использовали в работе по изучению настроений пленных. Такая анкета была распространена политическим управлением 2-го Дальневосточного фронта 6 сентября 1945 года при проведении анкетирования солдат 1-го батальона 366-го пехотного полка 134-й пехотной дивизии. В анкете было несколько вопросов: Каковы причины поражения Японии?; Кто ответственен за поражение Японии?; Что вы думаете о будущем Японии?; Что вы знаете о Советском Союзе и каково ваше мнение о Красной Армии?

Специалистам, проводившим этот опрос, хотелось также выяснить эффективность влияния их работы на солдат противника и они вставили дополнительные вопросы: читали ли вы советские листовки, если читали то где и когда и каково ваше мнение о них.

а также — кто и какую политическую работу проводил в вашей роте, какие лекции проводились за последнее время?⁴⁶

Эту анкету заполнили 193 пленных рядового состава. Заполнение анкет происходило на пересыльном пункте в городе Ленинске. При заполнении анкет присутствовали советские офицеры, которые запрещали японским офицерам подходить к солдатам и оказывать на них какое-бы то ни было воздействие со стороны. Принятые меры позволяют считать, что заполнение анкет проходило в нормальной обстановке, а ответы, данные пленными «в значительной степени отражают настроения опрошенных».

Ответы на специальные вопросы профессионалов не принесли им чувства удовлетворения от проделанной работы. Солдаты ответили, что они не читали ихних листовок, некоторые их даже не видели, а те что видели и читали — не верили им. Такой ответ был вполне закономерен, если учесть, что солдаты относились с недоверием к пропаганде противника и требовалось время для сокрушения этой стены недоверия.

Для этого специалисты, нарушив методологию классового подхода, использовали интеллигентов из среды пленных, а не рабочих и крестьян, как это официально пропагандировалось. Было отмечено, что война на Дальнем Востоке длилась столь недолго, что у японских солдат по существу не было времени, чтобы «проверить убедительность наших аргументов». В этом плане положение было исправлено — Сталин предоставил им достаточно времени для проведения коммунистической индокринации пленных. Именно этим фактором, фактором времени, то есть столь длительным пребыванием японских солдат и офицеров в плену, можно объяснить их определенную податливость советской пропаганде.

О политической работе в подразделении половина опрошенных ответила, что не понимает существа вопроса. Здесь сказалась разница в употребляемых терминах и понятиях. Советский термин «сейдзи ко саку» — политработа — оказался непонятным для них, потому как в японской армии употреблялся термин «сейсин кйонку», означавший моральное воспитание. Другая половина, которая поняла термин, ответила, что у них никто и никакой по-

литической работы не проводил, так как армия находится вне политики, вернее, выполняет волю или политику только Императора.

Все же важно установить, какая же «политическая обработка», используя советский термин, велась в японской армии. По словам самих пленных вся работа по воспитанию проводилась на основе изучения и неуклонного выполнения императорского рескрипта о целях создания армии и ее задачах.

Основным рескриптом был «текусе» — указ Императора, состоявший из пяти пунктов: преданность родине; этикет; храбрость; честность; экономия. Все солдаты обязаны были знать три указа Императора, а именно, указ Императора Мейдзи (Мудухито) о жизни и задачах воинов, его же указ об укреплении духа солдат и преданности Императору, а также указ Императора Тайсе (Иосихито) о войне и поведении солдата на поле боя, об обязанности солдата, как защитника-воина.

По этим указам командиром роты проводились занятия, на которых рассматривались такие проблемы как преданность Императору — это в первую очередь. Затем — уважение и почитание родителей и предков, уважение к старшим, хорошее отношение к подчиненным. Командир роты на занятиях учил своих подчиненных правилам вежливости, простоте и скромности, основам организации армии, правилам соблюдения воинской дисциплины и общественной морали, а также храбрости, отваге и нравственности. Основой нравственности был лозунг: «Солдат — образец своего народа».

Как можно себе представить, основой воспитания японской армии являлась преданность Императору и японской империи или государству. «Офицерам и солдатам постоянно внушалось, что японская армия должна выполнять приказы Императора, что она стоит вне политики, что офицеры и солдаты являются членами одной семьи, в которой офицер — отец, а солдаты — дети», — отмечали политработники¹⁷.

Впрочем они не нашли ничего антисоветского в воспитании японских солдат и офицеров, что однако не помешало им создать миф об усилении антисоветской пропаганды в японской армии.

Безусловно, японская армия не была дружелюбно настроенной по отношению к Советскому Союзу, но видимо для этого было основание. Разгребая завалы исторической лжи, нагроможденных в угоду политической пропаганде и агитации, можно сделать вывод о том, что японская армия не была отмечена печатью антисоветизма, а была строго ограничена национальными традициями и подчинена воле Императора Японии.

Однако вернемся к опросу. На вопрос о причинах поражения Японии ответили 185 человек. Остальные обошли его вниманием. Из тех, кто ответил, более 30 процентов не посчитали необходимым объясняться и подчеркнули, что не знают таких причин. Более 40 процентов посчитали, что военные действия прекращены по приказу Императора. «Действовал по приказу Императора и причин капитуляции не знаю», — таков стереотипный ответ.

Прямое отрицание факта поражения Японии встречается у 15 респондентов. Это меньше тех, кто высказался о систематических бомбардировках метрополии, атомных бомбах и отсталости японской науки как причинах поражения. Все дело как раз в том, что тех кто отрицал поражение Японии и признавал лишь факт прекращения боевых действий, было «неизмеримо большее число», как заметили советские офицеры.

Если обратить внимание на тех, кто не посчитал возможным ответить на первый вопрос или промолчал и принять во внимание замечание офицеров то можно прийти к выводу о том, что 80 процентов опрошенных не признавали факта поражения Японии. Некоторые из них его отрицали напрочь, другие оговаривали сдачу оружия приказом Императора.

Только два человека из всех опрошенных дали «правильный ответ» на первый вопрос — причиной поражения Японии стало вступление в войну Советского Союза. Эта причина занимала последнее место из всех названных. Тем не менее это не повлияло на ее «правильность» в глазах советских офицеров. Тем самым становится очевидной заданная направленность опроса.

В поисках ответственных за поражение Японии советских офицеров ждало еще одно разочарование. Никто из солдат не по-

смел обвинить Императора виновником трагедии страны и почти 60 процентов ответили, что ответственен за такое положение весь японский народ, 33 процента затруднились назвать виновных. Получалось, что «никто не виновен, так как война прекращена по приказу Императора».

О перспективах Японии посчитали нужным ответить 179 солдат и 111 из них не могли себе представить какого-либо будущего Японии. Несмотря на это, около 20 процентов опрошенных рядовых солдат японской армии высказывали «открыто реваншистские взгляды» типа — «Япония обязательно подымется снова». На этом фоне мнение 7 процентов опрошенных, посчитавших что в будущем Япония установит дружественные отношения с СССР и совместно будет обеспечивать мир на Тихом океане, не кажется весомым.

Ответы пленных солдат на вопрос о том, что они знают о Советском Союзе и Красной Армии, советской стороной были названы «примитивными представлениями». Более того, 142 человека ничего не знали о первой стране трудящихся. «СССР — коммунистическое государство», «СССР это такая страна, в которой все легко переносят холод», — основные формулировки ответов. А такой ответ как — «В СССР у власти Сталин. Советский Союз — мировая держава с мощной сухопутной армией», — можно посчитать наиболее полным. В этом можно найти подтверждение тому, что тезис об антисоветизме японской армии, замахнувшейся на невинный Советский Союз, является пропагандистской выдумкой. Если уж говорить о ее враждебности, то корни нужно искать в другом.

Проведение подобных политических опросов позволило советским офицерам сделать определенные выводы. Первый среди них засвидетельствовал политическую незрелость подавляющего большинства опрошенных — «мы сталкиваемся с политической отсталостью и тупым автоматизмом солдат». Определив антиамериканскую направленность пленных, они вместе с тем подчеркивали, что «значительная часть солдат настроена враждебно и против СССР». То, что это не нашло отражения в анкетах, политработники объясняли чувством страха пленных перед репрессиями при установлении фамилии автора.

Проанализировав многочисленные протокольные записи допросов и анкетные опросы японских солдат и офицеров, можно отметить, что весь генеральский и офицерский состав, за ничтожным исключением, и подавляющая часть солдат остались на своих старых позициях. Они отрицали факт поражения Японии в войне и объясняли свое разоружение лишь тем, что выполняли приказ Императора, которому армия обязана была беспрекословно повиноваться. Исходя из этого, большинство пленных не считало себя таковыми, а лишь интернированными. Подпоручик 29-го армейского инженерного полка Сакеи Тосио подтверждает это: «употребление терминов «капитуляция» и «пленный» оскорбляет японцев. Более уместно было бы назвать нас интернированными».

Командир 88-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся на Южном Сахалине, генерал-лейтенант Минэки Тэйтиро и его начальник штаба полковник Судзукэ были категоричнее в своих высказываниях и, пожалуй, не считали себя ни пленными, ни интернированными: «Мы и наши войска только выполняли приказ Императора о прекращении сопротивления, но в плен не сдавались. Если Император вновь прикажет воевать, то мы не задумываясь выполним приказ Императора и начнем войну. Капитулировало правительство, а не армия. Армия лишь выполнила волю Императора»⁴⁹.

Наряду с этими взглядами можно отыскать и те, в которых признается факт поражения Японии. Наиболее характерно и точно их выразил военный советник 7 военного округа войск Манчжоу-Го подполковник Хигути Хидэнори. Он говорил: «мы могли бы продолжать войну с Америкой и Китаем, но 9 августа СССР неожиданно для нас объявил нам войну, что и явилось основной причиной нашей капитуляции перед всеми нашими противниками. Я считаю, что если бы даже не был отдан приказ Императора о прекращении военных действий, мы не выдержали бы ударов Красной Армии и продержались бы не более 4–5 месяцев. Сила ударов Красной Армии обеспечивалась богатейшей техникой, храбростью солдат и большим опытом войны на Западе»⁴⁹.

Исходя из результатов проведенных опросов, органы специальной пропаганды делают окончательное заключение: «японские

самураи разоружены материально, но не духовно. Армия живет старыми империалистическими идеями и большая часть армии предана этим старым идеям». Они также замечают, что «громкая часть пленной солдатской массы политически неграмотна и стоит в стороне от политической жизни». Отсюда они делают несколько неожиданный вывод — «перед нами открывается широкое поле деятельности для пропаганды наших всепобеждающих идей. Плоды умело поставленной пропаганды не заставят себя долго ждать и сторицей окупят наши труды»³⁰. Осталось умело вложить свой «капитал» в виде коммунистических идей и получить скорую прибыль в виде коммунистов, активистов и их сторонников с положительной направленностью к СССР. Такой вывод можно расценить как объявление идеологической войны.

Опросы также показали этим инженерам человеческого сознания, что они натолкнулись на стену японского менталитета, которую им предстояло разрушить и преодолеть. На этот период времени это было весьма проблематично хотя бы потому, что большинство пленных было вывезено на территорию Советского Союза в то время, как весь аппарат спецпропагандистов находился в Маньчжурии.

Период изучения, казавшейся такой знакомой, а оказавшейся на удивление незнакомой японской армии, в основном завершился в 1945 году. Выявив ее сильные и слабые черты советская сторона определилась в задачах, тактике действий и целях всей предстоявшей политической работы. Также оценке подверглись и свои возможности, были выявлены недостатки, оказывавшие негативное влияние на работу политорганов. Курс был взят, впереди открывалось широкое поле для применения методов идеологического терроризма. Война продолжилась.

Глава 2.

Положение военнопленных в лагерях в начальном периоде плена

Вначале несколько примеров, взятых из архивных документов. «Большая часть личного состава размещена в землянках, которые были построены еще до войны и в большинстве пришли в негодность, угрожая обвалами. Землянки сырые, темные с двумя и трехъярусными нарами. Скученность размещения людей является основной причиной постоянного наличия вшивости». Это по размещению. Теперь несколько слов о питании, вернее о результатах его. «Медосмотром, произведенным в конце февраля 1946 года, установлено, что количество бойцов и сержантов, убывших в весе, ежемесячно увеличивается. Если в январе насчитывалось убывших в весе 9,9% бойцов и сержантов, то в феврале стало 33,2%, а в 582 стрелковом полку оно достигло 49,1%. В результате упадка упитанности и ослабления организма стала увеличиваться заболеваемость»³¹.

Как видно из приведенных примеров, речь идет не о лагерях японских военнопленных в СССР, а о советских войсках, которые были выведены из Маньчжурии. Кстати, процесс вывода войск после войны на территорию Советского Союза шел параллельно процессу ввоза в советские лагеря японских военнопленных. Такая мрачная картина была нарисована советским командованием 6-й гвардейской танковой армии, вернувшейся из Порт-Артура в Забайкалье. Трудно себе даже представить, что солдат побежденной армии могли разместить в лучших условиях.

Так оно и случилось. На первом этапе, как раз в первую зиму, бараки, в которых размещались военнопленные японские солдаты, в большей своей части не были подготовлены к зимним условиям и температура в них была «очень низкая», если не сказать, что такая же, как на улице. Возможно чуть теплее. Пленные спали не раздеваясь, тем самым согревая друг друга. «Скученность» была обычным явлением для лагерей. Не менее характерной чертой для лагерей периода первой зимы была почти полная «вшивость».

Борьба с этим явлением могла вестись при наличии дезактивационных камер и бань, но первых не было вовсе, а вторые оказались непригодными, с низкой пропускной способностью, местами отсутствовали вовсе. Думать о том, что военнопленным выдавали постельное белье, как-то уже само собой не приходится. Вся эта картина происходила на фоне явно враждебного отношения к японским военнопленным со стороны лагерной администрации, конвойников и хозяйственных органов, которые использовали труд пленных и должны были заботиться о них.

Особенно напряженным годом работы с военнопленными был 1945 год. Для приема и размещения поступивших в этом году пленных в системе НКВД СССР было организовано 123 новых лагеря, из которых 55 предназначались для размещения японцев. Кроме того, для обслуживания военнопленных японской армии органам НКВД были переданы восемь военных госпиталей. В Приморском, Хабаровском, Красноярском, Алтайском краях, Читинской, Иркутской, Восточно — Казахстанской, Южно — Казахстанской и Джамбульской областях, в Бурят — Монгольской АССР и Узбекской ССР были организованы отделы и отделения НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ). В Приморском и Хабаровском краях в таких отделах работало по 44 человека.

Здесь надо заметить, что существовало три типа лагерей. Первый — это лагеря для военнопленных НКВД СССР, которые и охранялись, и управлялись, и снабжались этим наркоматом. Вторым типом — производственные лагеря, которые только охранялись и управлялись органами НКВД, а обеспечивались и снабжались теми хозяйственными организациями и предприятиями, которые использовали труд пленных. Третий тип — отдельные рабочие батальоны военнопленных системы министерства вооруженных сил, распределенные между дальневосточными военными округами и подчинявшиеся им. Их жизнедеятельностью занимались военные. Надо отметить, что эти различия не внесли какой-либо существенной разницы в положение военнопленных во всех этих лагерях.

Воспоминания Ивана Ефимовича Панова, бывшего начальника отдела антифашистской пропаганды 22 лагеря НКВД в г. Оха,

что на Северном Сахалине, весьма красочно рисуют, как этот период жизни военнопленных, так и отношение к ним. «Японские военнопленные, а их было вначале около тысячи человек, попали в Оху на пароходе. В одном из цехов рыбзавода», — вспоминает И. Панов, — «была устроена зона, охрану которой осуществляли пограничники. Позже их заменил батальон конвойных войск. Старшим в зоне среди пленных был капитан Нуоми. С первого же взгляда на него становилось ясно, что этот человек привык приказывать и повелевать. Позже я узнал о том, что он закончил Токийский университет и Императорскую академию.

— Нашим людям приходится спать на полу, — сказал он мне, — отсутствуют элементарные удобства. Охрана занимается мародерством, обменивая хлеб на вещи военнопленных.

Выслушав претензии офицера, я обещал со временем навести должный порядок. Первое же, что было сделано — общее построение охраны с акцентом на недопустимости каких-либо обменов с военнопленными. Насколько я помню, подобные случаи не повторялись. Затем мы устроили помывку в городских банях со стиркой белья и подстрижкой. Со временем налаживались бытовые условия, но с большим трудом — хозяйственники не хотели идти нам навстречу.

Согласно решению правительства пленные должны были работать на промышленных предприятиях, шахтах, лесозаготовках, руководство которых, в свою очередь, занималось созданием лагерей и соответствующих условий проживания. Для нашего лагеря таким предприятием стало объединение «Дальнефть». Нельзя сказать, что они совсем ничего не сделали для приема военнопленных, но недоработок было уж очень много. Именно это стало причиной низкой производительности труда.

Согласитесь сами, о какой работе можно говорить, если не было даже досок для нар и пленные спали на полу. Необорудованные пищеблоки, отсутствие привычной пищи, сложный климат, бытовая неустроенность тяжело действовали на психику военнопленных и они часто болели.

Дислокация лагерей для японских военнопленных в СССР
(по состоянию на сентябрь 1945 года)

№ п.п.	Номер лагеря	Количество военнопленных	Пункт дислокации
1.	1	30 000	г. Комсомольск-на-Амуре
2.	2	20 000	г. Советская Гавань
3.	3	10 000	ст. Райчиха
4.	4	35 000	ст. Известковая
5.	5	35 000	г. Комсомольск-на-Амуре (ст. Мули)
6.	6	15 000	п. Красная Заря (Читинская обл.)
7.	7	45 000	Тайшет
8.	8	10 000	п. Ново-Гришино (Иркутская обл.)
9.	9	10 000	п. Находка (Приморский край)
10.	10	4 000	п. Тетюха
11.	11	12 000	п. Сучан
12.	12	13 000	п. Артем
13.	13	6 000	г. Владивосток
14.	14	9 000	г. Ворошилов-Уссурийский
15.	15	12 000	п. Иман
16.	16	6 000	г. Хабаровск
17.	17	12 000	п. Хор
18.	18	15 000	г. Комсомольск-на-Амуре
19.	19	18 000	г. Райчихинск
20.	20	6 000	г. Благовещенск
21.	21	4 500	г. Николаевск-на-Амуре
22.	22	3 500	г. Оха
23.	23	5 000	п. Букача

№ п.п.	Номер лагеря	Количество военнопленных	Пункт дислокации
24.	24	19 000	г. Чита
25.	25	6 000	г. Сретенск
26.	26	3 000	г. Андрижан
27.		нет данных	
28.	28	4 000	ст. Днида (Вост.-Сиб. ж. д.)
29.	29	3 000	п. Пахта-Аральск (Казахская ССР)
30.	30	12 000	г. Улан-Удэ
31.	31	15 000	г. Черемхово
32.	32	24 000	г. Иркутск
33.	33	6 000	г. Абакан
34.	34	14 000	г. Красноярск
35.		нет данных	
36.	36	14 000	г. Барнаул
37.	37	3 500	г. Балхаш
38.		нет данных	
39.	39	3 000	п. Джезказган
40.	40	9 250	г. Алма-Ата
41.		нет данных	
42.	42	3 500	г. Чимкент
43.	43	5 000	г. Талды-Курган
44.	44	3 000	г. Коканд
45.	45	5 000	г. Беговат (ст. Хилково)
46.	46	7 000	г. Ташкент
47.	47	6 000	г. Джамбул
48.		нет данных	
49.	99	штрафной	г. Караганда
50.	объект № 30	для генералов и старших офицеров	г. Чита

№ п.п.	Номер лагеря	Количество военнопленных	Пункт дислокации
51.	объект № 45	для генералов и старших офицеров	г. Хабаровск
52.	288	10 500	Фархадская ГЭС
53.	330	5 500	г. Акмолинск
54.	347	6 000	г. Лениногорск
55.	365	нет данных	
56.	386	3 200	г. Ташкент
57.	372	1 000	г. Ангрэн
58.	438	4 000	г. Ангрэн
59.	387	1 300	п. Фергана
60.	360	2 000	п. Чирчик
61.	503	18 700	г. Кемерово
62.	525	10 000	г. Прокопьевск

В конце 1945 года в силу указанных причин производительность труда военнопленных была очень низкой и составляла лишь 13 процентов от нормы. Зная, что на партийном активе города в их адрес будет звучать критика, начальство послало в нефтяной техникум меня с наказом тихонько сидеть где-нибудь в углу и по возможности не попадаться никому на глаза. Предположения наши оправдались — критики было с верхом.

Например, Е. Шевцов, начальник «Дальнефти» требовал применения мер физического воздействия по отношению к военнопленным. его поддержал А. Попов, первый секретарь Охинского райкома ВКП(б) и первый секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) Д. Мельник, заявивший буквально следующее: «Это просто безобразие, что военнопленные плохо работают. Мы их должны заставить и свести счеты за сожженных Лазо, Сибирцева и другие их злодеяния в гражданскую войну».

— Как я не прятался, но меня заметили и потребовали выступить. Терять было нечего. Суть выступления состояла в том, что я обрисовал причины низкой производительности и предупредил, что если мы пойдем по пути физического воздействия, то в конце концов депортировать будет просто некого. От имени командования лагеря я заявил, что не допустим геноцида по отношению к военнопленным.

Уже в перерыве ко мне подошел прокурор города и заявил, что я скомпрометировал выступление руководителей и за это придется ответить. Утром меня отвезли к начальнику местного НКВД, где судьба моя была предрешена. Спасла меня директива Главного управления по делам военнопленных и интернированных о недопустимости геноцида, которую я предусмотрительно захватил с собой.

И без того нелегкое положение пленных усугубляли случаи недодачи продуктов питания и его плохого качества, не соответствовавшего традиционному рациону японцев. В пораженной голодом стране Советов трудно было ожидать хорошего питания для военнопленных. Однако произошло так, что получаемые ими нормы пайка были выше, чем это имел рядовой советский гражданин.

Отсюда исходит неизбежное следствие — советские офицеры и солдаты пополняли свой паек и паек своих семей за счет военнопленных. Это вызывало нехватку продуктов для последних. Японские офицеры не желали делить трудности в питании вместе с солдатами и требовали себе полную норму. Когда же им не шли навстречу, они делали то же, что делали советские офицеры — голод не тетка. Японским солдатам приходилось довольствоваться тем, что им оставалось.

Плохое питание, плохое отношение, плохие бытовые условия сопровождалось и дополнялись активной, интенсивной эксплуатацией военнопленных. Их рабочий день длился по 12—14 часов, выходных дней им не предоставляли, зачастую им приходилось больше добираться до рабочего места, чем работать. В силу этого производительность труда военнопленных на первом этапе составляла 10—15% от планового задания.

Несмотря на огромные организаторские усилия предпринятые органами НКВД СССР по устройству военнопленных, оставалось еще много работы над дальнейшим упорядочением их трудового использования и сохранения физического состояния. Основным вопросом в начальный период плена являлся вопрос сохранения физического состояния военнопленных в лагерях, так как, начиная с октября 1945 года, оно катастрофически ухудшалось.

Распоряжения рекомендательного характера, отмечавшие директивы НКВД СССР в сентябре, в ноябре меняют тон и уже похожи на приказания. Решение задачи физического сохранения военнопленных и недопущения среди них смертности НКВД СССР видело в том, чтобы:

«1. Общежития отопить и соответственно оборудовать с тем, чтобы в них было чисто, тепло и уютно.

2. Четко организовать противо-эпидемическую службу, для чего иметь достаточной пропускной способности бани, прачечные, дез-камеры и создать эпидфонд.

3. Обеспечить национальный режим питания и доведение положенных норм питания до каждого военнопленного.

4. Вывод на наружные работы производить только одетых и обутых по сезону»⁵².

Этого явно было недостаточно и в лагерях появились не первые, но участвовавшие случаи смертности среди пленных японских солдат и офицеров. Запылали костры смерти — по незнанию администрация некоторых лагерей разрешала трупы умерших сжигать, что соответствовало национальным обычаям японцев. НКВД СССР пришлось срочно разъяснять, что захоронение трупов военнопленных японцев необходимо производить путем предания земле, что соответствовало бы международным нормам.

В конце ноября, с наступлением в дальневосточных регионах холодов, заболеваний и смертность среди пленных резко увеличилась и приобрели повсеместный характер. Сказалась неприспособленность японцев к суровому климату Дальнего Востока и Сибири. В некоторых лагерных отделениях и отдельных рабочих батальонах (ОРБ) за первую зиму погибло от 30 до 50 процентов во-

еннопленных, находившихся в них. В частности, в 511-м рабочем батальоне из одной тысячи пленных умерло 616 человек, в 512-м — из такого же количества пленных умерло 302 человека. В последнем случае динамика смертности выглядит так: декабрь 1945 года — умерло 111 человек; январь 1946 года — умерло 103 человека; февраль 1946 года — умерло 58 человек; март 1946 года — умерло 22 человека; апрель 1946 года — умерло 7 человек; май 1946 года — умер 1 человек²³. В целом же за 1945—1946 годы на территории СССР умерло 30125 человек²⁴.

В большой мере этому способствовало неудовлетворительное размещение пленных в лагерях. В срочном порядке НКВД СССР требовал от начальников управлений лагерей для военнопленных японцев окончательно решить вопрос нормального размещения и содержания пленных, обеспечить поддержание температуры в жилых помещениях не ниже 18 градусов тепла, принять меры по недопущению обморожений.

Предлагалось, используя властные функции партийных и советских органов, обязать директоров предприятий и строек немедленно обеспечить лагеря стройматериалами и инструментами, необходимыми для окончания всех работ по приспособлению и ремонту лагерных помещений. Предусматривалось все лагеря и лагерные отделения, неподготовленные к нормальному содержанию пленных в зимних условиях закрывать, а их контингент переводить в другие лагеря, где имелись необходимые для размещения условия.

Все же трудно было сделать то, для чего было мало возможностей. Несмотря на принимаемые руководством НКВД СССР меры, физическое состояние военнопленных продолжало ухудшаться. Основные причины заболеваемости и смертности в лагерях были следующие:

— плохие жилищно-бытовые условия, неподготовленность лагерей к зиме, перебои с топливом;

— неудовлетворительная организация труда и быта, в результате чего имели место обсыпания военнопленных и лишение их дополнительного питания из-за так называемого невыполнения норм;

— нарушение санитарно-гигиенических условий и нечеткое выполнение основных приказов и директив НКВД, направленных на оздоровление и сохранение физического состояния военнопленных;

— перебои в питании, отсутствие необходимого ассортимента продуктов, неудовлетворительное приготовление пищи и расхищение продовольствия, предназначавшегося для пленным.

Паяк для пленным был достаточен, если он доходил до пленного, но очень часто получалось иначе — страна Советов голодала и жила по карточкам, военнопленные не могли не разделить ее судьбу. «Хищение продовольствия является большим злом лагерной жизни, с которым необходимо бороться самым беспощадным образом», — говорил заместитель министра внутренних дел генерал-полковник В. Чернышов²⁰.

Правительство строго спрашивало с НКВД за состояние дел в работе с военнопленными и предупредило его руководство о том, что содержание и трудовое использование пленным «дело очень важное и что нужно за этим делом следить». Оказалось, что единственным органом в стране, отвечавшим перед правительством было НКВД, позже преобразованное в Министерство внутренних дел. Именно ему предстояло провести в жизнь политику правительства, направленную на максимальное использование труда военнопленных.

Экономическая выгода эксплуатации пленным — одна сторона вопроса о пленным — была очевидной. К примеру, можно отметить, что за 1945 год при сумме заработка 2.200 млн. рублей военнопленными было произведено ценностей в производстве и капитальных работах примерно на сумму около 7 миллиардов рублей. Эта цифра при условии лучшего использования военнопленных могла быть увеличена до 10 млрд. рублей в год, что было бы «весьма серьезным вкладом в дело выполнения 4-й Сталинской пятилетки».

«... Армия военнопленных, работающая в ведущих отраслях хозяйства, должна быть использована по-настоящему и наше государство должно получить большую экономическую выгоду от использования труда военнопленных. Правильным использовани-

ем военнопленных мы будем создавать и строить нашу социалистическую экономику», — отмечал Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Круглов на совещании, посвященном задачам работы с военнопленными, которое проходило в Москве 21 марта 1946 года. Кстати, рассмотрение этого вопроса на совещании началось в 22 часа 30 минут и продолжалось до глубокой ночи. Политическая сторона вопроса о пленных в понимании министра заключалась в том, чтобы сохранить качество здоровой рабочей силы, которую МВД давало на предприятия, так как через некоторое время, в результате неправильного использования, оно резко ухудшалось. Тем самым пленные выпадали из производственного цикла, не участвовали в выполнении планов, что наносило вред социалистической экономике и требовало дополнительных затрат на восстановление их работоспособности.

Таким образом, получалось, что «дело с военнопленными щекотливое» — необходимо было и сохранить их и выжать из них максимум экономической выгоды. Как позже можно будет убедиться, позиция МВД сильно отличалась от позиции партийных органов в вопросе о политической работе с военнопленными.

Исходя из задач производственного использования военнопленных, и из того, что иметь с ними дело предстояло в ближайшие три года, МВД СССР приходилось менять отношение к пленным и проявлять большую заботу о них. Подвиги во взглядах можно проследить по высказываниям министра внутренних дел.

«Привозимое продовольствие иногда не доходит до военнопленного, разворовывается и нерационально используется. Надо взять под строжайший контроль это дело».

«Если человек разут и раздет его нельзя посылать зимой на работу».

«Надо восполнить недостаток витаминов сбором дикорастущих».

В отношении госпиталей — «нами было дано указание о загрузке спецгоспиталей на 150 процентов. Почему бы на двух койках не расположить трех военнопленных. Если не хватает коек, положить на полу между койками».

«Если военнопленному надо на работу идти к 8 часам, то не надо его поднимать в 5 часов, пусть дольше лежит, ведь вы знаете, что чем больше человек лежит, тем меньше ему надо есть».

Такой примитивизм исходил из того, что для работы, направленной на улучшение положения пленных, не было средств. Приходилось исходить из того, что могли изыскать из местных ресурсов, которых в обилии не было. Поэтому, все меры сводились примерно к таким высказываниям, к тому, чтобы просто не бросить пленных в беде, не оставить их одних в борьбе за выживание.

Все свелось к наведению порядка в распределении продуктов, рабочего времени, рациональному сочетанию физической эксплуатации пленных и их физического состояния, изъятию из администрации лагерей «всех, кто не соответствует своему предназначению», сокращению численности администрации лагерей путем замены низших должностей (истопников, портных, конюхов, шоферов, сапожников, парикмахеров и т. п.) лагерного аппарата пленными. Это приводило к облегчению их участи и открывало перспективы на будущее.

Однако результаты зимовки в таких условиях жизнедеятельности пленных были неутешительны. Из общего числа завезенных в СССР японских военнопленных 20 процентов или пятая их часть вышла из строя. Уровень смертности среди них составил примерно 7 процентов, а количество ослабленных и больных было вдвое больше и достигло почти 14 процентов от оставшихся в живых. Наибольшие потери понесли лагеря, которые были расположены в Читинской, Иркутской и Кемеровской областях, Приморском, Хабаровском и Красноярском краях, а также Бурят — Монгольской АССР.

Такое положение не могло не вызвать озабоченности со стороны советского правительства. Обсудив создавшуюся обстановку в лагерях, Совет Министров Союза ССР принимает постановление за номером 828-338 сс от 13 апреля 1946 года, в котором наметил ряд мер направленных на ее исправление. В частности было принято решение избавиться от больных и с этой целью вывезти из лагерей МВД в Корею 20 000 человек, а завести взамен 22 000 физически здоровых, годных к тяжелому труду пленных.

Другим направлением работы по оздоровлению обстановки была передислокация из Сибири и Дальнего Востока в Среднюю Азию 50.000 японских военнопленных из лагерей и лагерных отделений не обеспечивавших нормальных условий размещения, содержания, бытового устройства и трудового использования пленных и ввиду этого подлежавших ликвидации.

Требования правительства, руководства МВД СССР возымели свое воздействие и привели к улучшению содержания пленных, более взвешенному отношению к ним во время их трудового использования. Принятые меры позволили провести вторую зимовку пленных без столь трагических последствий для них, которые имели место в первую зиму.

Только путем включения в работу по организации быта военнопленных как центральных так и, главным образом, местных органов МВД СССР, в результате огромного нажима на хозяйственные организации, которые хотели получить военнопленных в качестве рабочей силы, но не имели возможности их принять, в конечном счете удалось вопрос с размещением, а в последующем и с трудовым использованием военнопленных разрешить более или менее удовлетворительно.

Глава 3.

Деятельность политорганов по усилению своего влияния на пленных в лагерях

Конечно, в подобных условиях, характерных для начального периода плена, и речи не могло идти о какой-либо политико-воспитательной работе среди пленных японских солдат и офицеров. Тем не менее структуры для такой работы существовали и они не могли бездействовать. Еще в сентябре 1945 года, с началом выпуска газеты «Нихон Симбун», можно считать, началась политическая работа среди пленных. Редакция газеты, в соответствии с директивой о ее создании, выявляла расположение лагерей, количество в них военнопленных с тем, чтобы определить необходимый тираж, распределить его и выслать адресатам. Однако, на местах в первые месяцы плена, никакой политической работы не велось. Это легко объясняется — не было кадров политработников, знавших японский язык. К тому же, в системе МВД вообще отсутствовал политаппарат по работе среди военнопленных.

«Дзоданкай»

С возвращением отделов по работе среди военнопленных из Маньчжурии, политическая работа начала принимать более осмысленный, организованный и планомерный характер. Прибывшие политработники уже имели некоторый опыт работы с военнопленными, накопленный в лагерях на территории Маньчжурии. К тому же, особенности контингента для них были известны. Работу они начали с выявления «прогрессивных элементов» посредством «дзоданкай» — собеседований. Индивидуальные беседы способствовали уточнению политических взглядов военнопленных, а также вовлечению выявленных прогрессистов в политическую работу.

«Прогрессивные элементы» помогали политработникам создавать газетные витрины, вывешивали по их указанию газеты, де-

ляли подшивки газеты «Нихон Симбун», подбирали чтецов для коллективных чтений этой газеты по взводам и отделениям, а также осуществляли подбор редакторов и корреспондентов для стенных газет и организацию их выпуска. Постепенно круг их обязанностей расширялся. Они стали выделять художников для написания плакатов и лозунгов как на политические, так и на производственные, бытовые темы, подбирать инициаторов художественной самодеятельности, создавать концертные группы, шахматно-шахматные кружки и организовывать другие виды досуга.

Собственно говоря, этим и ограничивалась вся политико-воспитательная работа в лагерях военнопленных в первом полугодии 1946 года. К тому же она была возможна только в тех лагерях, где были переводчики и политработники, а где они отсутствовали, то никакой работы среди пленных не проводилось и они продолжали жить своей непростой жизнью. В некоторых случаях такая жизнь была возможной вплоть до репатриации. В таких лагерях, с момента прибытия военнопленных и до дня их убытия на родину, политическая работа не имела идеологического оттенка и определялась конечной целью — обеспечить выполнение производственных планов и соблюдение правил техники безопасности.

В лагерном отделении в Уфе работа по мобилизации пленных на поднятие производительности труда и соблюдение техники безопасности при выполнении работ проводилась главным образом через командира японского батальона — майора японской армии и двух переводчиков из числа пленных. Все политическое влияние на военнопленных политработники осуществляли через этих переводчиков. Судя по тому, что они не узнали за два года их имен, то можно говорить, что такого влияния не было. Точнее говоря, это влияние ограничивалось присутствием политработников при чтении газеты «Нихон Симбун». Как следствие, информация о настроениях военнопленных была крайне ограниченной. «Японцы-переводчики обычно сообщали, что военнопленные хорошо реагируют на мероприятия внешней политики Советского Союза, а также, что военнопленные часто задают вопрос о времени их возвращения на родину. Сами переводчики никаких политических вопро-

сов никогда не задавали», — сообщалось в донесении о политической работе среди военнопленных⁵⁶.

С другой стороны, в лагерях, где политработники твердо сидели в седле, знали языки и ясно усвоили свои задачи, их работа приносила весомые результаты. К примеру, в лагере на станции Яблоновая в Читинской области, в ноябре 1946 года из 947 человек в числе демократически настроенных числилось 640 пленных, из которых 18 были корреспондентами газеты «Нихон Симбун», которые за 2,5 месяца послали в редакцию 46 статей и заметок. Кроме них 200 человек входили в число корреспондентов рукописных газет, которые вывешивались на стене. В число активистов также входили 60 чтецов — организаторов коллективных чтений газеты для японских военнопленных «Нихон Симбун»⁵⁷.

Результатом начального периода развертывания кампании политической индокринации военнопленных было то, что советские «политработники руками самих же военнопленных из прогрессивно настроенных элементов начали политико-воспитательную работу среди основной массы военнопленных японцев»⁵⁸. Это признание самих политработников.

От Всесоюзной Лиги японских военнопленных в СССР к «Томонокай»

Хотя политработникам и удалось привлечь некоторых военнопленных на свою сторону, все же проводимая активом работа не носила отпечатка профессионализма, постоянства и не давала ощутимых результатов. К тому же все эти инициативы советской стороны и актива легко подавлялись японским командованием. Правда, это несколько не смущало советское командование и оно продолжало осуществлять политическое давление на военнопленных.

Развертывание политической работы среди военнопленных давало и положительные для советской стороны результаты. Находясь в вакууме информации и стремясь получить хотя бы какие-либо вести о положении в Японии, военнопленные в силу этого

начали проявлять интерес к тем формам информирования, которые проводил актив в лагерях. Политработники, зная это, информацию подавали в своем вкусе и навязывали военнопленным свою точку зрения. Со временем случилось то, что должно было случиться: в сознании военнопленных возникли новые категории мышления, которые заменили прежние. Этим можно объяснить успех советской пропаганды в целом.

На данном же этапе успех был настолько незначителен, что о проведении какой-либо серьезной политико-воспитательной работы среди военнопленных говорить не приходилось. Тем не менее, в лагерях, расположенных в Хабаровском крае, и которые находились под влиянием политического аппарата политуправления Забайкало-Амурского военного округа среди военнопленных начали создаваться различные группы «сторонников тех демократических преобразований, которые имеют место в Японии и о которых пленные узнают через нашу газету», — писал редактор «Нихон Симбун» майор Коваленко своему начальству в Москве 6 апреля 1946 года.

«В лагерях уже стихийно началось движение сторонников демократизации и начинают создаваться различные группы по-разному именующие себя, вроде «сторонники демократизации Японии» или «Демократическая лига», или «Антимилитаристская группа», — отмечал майор Коваленко и продолжал, — «Цели и задачи, которые ставят перед собой эти группы, заключаются в том, чтобы: 1) объединить солдат и офицеров — сторонников демократического фронта; 2) поддержать единый демократический фронт и установление демократического правительства в Японии; 3) начать борьбу с милитаристской идеологией и реакционно настроенными элементами среди японских военнопленных»³⁸.

Исходя из этого не трудно себе представить намерения политработников. Учитывая сложившееся положение, они считали необходимым «всячески поддержать и возглавить такое движение, направив его в надлежащее, желательное для нас русло». Для этого редактор предлагал создать «Демократическую лигу японских солдат и офицеров». Чтобы показать некую правдоподобность ее

возникновения, предлагалось всю работу по созданию такой лиги провести руками самих японцев и в первую очередь из числа работающих в редакции «Нихон Симбун», «как наиболее подготовленных и демократически настроенных».

Причем, дело в долгий ящик г. Коваленко откладывать не желал и предлагал немедленно создать из наиболее демократических элементов инициативную группу с тем, чтобы начать через газету кампанию по созданию «Демократической лиги японских солдат и офицеров».

Своими намерениями он поделился с работниками отдела по делам военнопленных управления МВД по Хабаровскому краю, которые не только поддержали эту инициативу, но и подобрали «подходящие» кандидатуры из числа генералов, офицеров и солдат в руководящий состав предполагаемой лиги. С получением из Москвы указаний о создании лиги, предусматривалось начать подготовку ее манифеста, устава и приступить к созданию организационной структуры.

Грандиозным планам создания Всесоюзной Лиги японских военнопленных не суждено было сбыться — Москва их не одобрила. Тем не менее, для придания цельности и целеустремленности возникшему в среде военнопленных интересу к жизни в Советском Союзе, к происходящим событиям в Японии и международным событиям, советским командованием было решено создать кружки друзей газеты «Нихон Симбун», которые назывались «Томонокай». Кружки создавались на базе стихийно возникавших в лагерях различных объединений военнопленных. Правда, для создания «Томонокай» использовались только просоветски настроенные группировки.

Вся работа по созданию этих кружков, естественно, проводилась через «Нихон Симбун». Это соответствовало ленинскому утверждению, которым руководствовались политработники, о том, что газета является не только коллективным пропагандистом и агитатором, но также и коллективным организатором. Таким образом, газета была поставлена в центр организации среди военнопленных «демократически настроенного актива», а точнее ска-

зять просоветски настроенного актива. Позже эта работа вылилась в так называемое «демократическое движение военнопленных японцев». Движение за создание «Томонокай» ограничивалось границами Хабаровского края и Читинской области, где к осени 1946 года были созданы такие группы почти во всех лагерях.

В обращении к военнопленным, помещенном в газете в мае 1946 года, редактор газеты Коваленко писал, что кружки «Томонокай» «ставят своей целью дать возможность читателям «Нихон Симбун» с помощью газеты разобраться в событиях, происходящих на родине и во всем мире, знакомить пробуждающиеся от милитаризма массы военнопленных с демократическим движением на родине для подготовки их к участию в жизни новой демократической Японии»⁶¹.

Говоря о задачах кружков, т.Коваленко призывал на страницах газеты «широко развернуть просветительскую работу в лагерях для популяризации демократических идей и одновременно бороться со всякими проявлениями милитаристской идеологии и происками реакционных элементов». Для осуществления этих задач газета рекомендовала кружкам организовать в лагерях регулярные коллективные читки «Нихон Симбун» и разбор прочитанного, проводить собеседования, лекции и доклады на материалах газеты по отдельным вопросам внутривосточного положения в Японии, руководить выпуском стенных газет в лагерях, устраивать вечера самодеятельности, ширить корреспондентскую сеть и собирать материалы для газеты. Собственно говоря, предложения газеты неслучайным образом совпадали с задачами политработников в лагерях, которые и проводили работу по организации кружков «Томонокай» и руководили деятельностью его актива.

«Демократизация лагерной жизни»

Одновременно советским командованием в лагерях инициировался процесс расслоения всей массы военнопленных, который заключался в отделении рядовых солдат от офицеров, ликвидации традиционных воинских порядков и установлении «демократичес-

кой дисциплины». Актив «Томонокай», почувствовав поддержку с советской стороны, выражавшуюся в прямом давлении на офицеров в случае их сопротивления внедряемым формам жизни в лагерях, начал отход от привычных норм воинских отношений в японской армии и выступил за демократизацию лагерной жизни, имевшей целью установление «сознательной демократической дисциплины».

Возникновение этого движения достаточно хорошо описывается в одном из документов тех лет: «Прогрессивные элементы не могли уже мириться с сохранением старой милитаристской дисциплины, с существующими воинскими порядками по типу бывшей японской армии. Движение за установление сознательной демократической дисциплины началось на первых порах в отдельных, наиболее передовых, лагерях и отдельных рабочих батальонах, где был создан крепкий демократический актив. Вскоре это движение распространилось почти на все лагеря и рабочие батальоны по Хабаровскому краю и Читинской области. Оно было направлено против реакционного офицерства, занимавшего ... командные посты и противившегося всякому проявлению демократических идей»⁶¹.

Такое движение газета «Нихон Симбун» называла борьбой «демократически направленных элементов в лагерях с офицерами-реакционерами». Перипетии этой борьбы находили свое отражение на страницах газеты. В газету поступали письма от военнопленных, в которых сообщалось о различных мероприятиях по демократизации лагерной жизни, об отмене традиционных поклонов, об отказе от пяти самурайских лозунгов, произносимых хором после вечерней поверки, о смещении реакционных офицеров с их постов, об упразднении офицерских и других званий в ряде лагерей, о снятии с себя знаков различия и отказе от отдавания воинского приветствия офицерам. Учитывая пропагандистский характер газеты, надо сказать, что многое из перечисленного фабриковалось редакцией и желаемое выдавалось за действительное. Единичные факты выдавались за массовые и тем самым создавалось впечатление настоящей массовой борьбы, хотя все ограничи-

валось в начальном периоде двумя лагерями — 16-м в Хабаровске и 5-м в Комсомольске-на-Амуре.

Эту политику, проводимую советским командованием, понимали и японские офицеры, которые под ее давлением подавали петиции с просьбой снять их с офицерских должностей и заменить wybranными командирами из числа солдат. Подобным образом поступил подпоручик Симокорияма Симичи, который обратился к русскому командиру батальона с просьбой снять его с должности командира роты, мотивируя свое решение тем, что «сейчас солдаты зачитываются «Нихон Симбун», где проводится линия на расхождение с офицерством, и мы поэтому не пользуемся у солдат былым авторитетом»¹⁰². Кстати, подпоручик не относился к числу фанатичных сторонников японских воинских традиций и на митинге, устроенном в порту Маока по поводу репатриации на родину, он говорил: «За время нашего плена мы поняли, что социалистическое государство является самым демократическим государством в мире»... Он знал, что надо говорить в таких случаях, ибо лучше есть домашние пироги, чем хлебать лагерную похлебку.

Политическая активность военнопленных к концу 1946 года постепенно увеличивалась, а география ее проявления расширялась. Это позволило на базе кружков «Томонокай» создать в соответствии с указаниями политорганов группы демократического актива. Эти группы также как и до них кружки друзей газеты «Нихон Симбун» были разобщены. Отсутствовала какая-либо связь между демократическим активом различных лагерей. Это приводило к тому, что успех одних групп не становился достоянием других. На повестку дня вставал вопрос укрепления движения военнопленных и, следовательно, усиления деятельности политорганов.

Глава 4.

Политическая борьба в лагерях

Усилия советской стороны по овладению умами военнопленных проходили на фоне идеологического противостояния двух позиций. Если позиция советской стороны основывалась на результатах второй мировой войны и интерпретировалась в чисто классовом аспекте, то позиция японских офицеров и солдат имела в своей основе выработанные веками национальные устои японского общества. Их столкновение было неизбежно. Пользуясь правом победителя в решении дальнейшей судьбы Японии, Советский Союз выступал за скорейшее проведение демилитаризации страны восходящего солнца, наказание японских военных преступников и проведение государственного переустройства Японии. Государственное переустройство, в котором не находилось места Императору, должно было проходить на фоне демократического преобразования японской общественной жизни. В итоге преобразований, с советской точки зрения, Япония должна была стать дружественной страной народной демократии с народным правительством, руководимым партией рабочего класса.

Подобная форма демократии в те годы устанавливалась Сталиным в странах Восточной Европы с помощью советских войск. В данном случае военнопленным предстояло выполнить задуманную им роль армии политического вторжения, которая должна была захватить лидирующие высоты на политическом олимпе японского общества и установить демократию советского типа чем и достигалось бы дружественное отношение к СССР и СССР к Японии. Политработникам предстояло организовать и воспитать эту армию.

Прямо противоположной советской была позиция японских солдат и офицеров. Абсолютное большинство военнопленных были настроены воинственно и не хотели признавать факта капитуляции Японии. Командный состав внушал солдатам, что нужно чувствовать себя не на положении военнопленных, а солдатами

Квантунской армии, которая по мнению офицеров и многих солдат имела славные традиции и не потерпела поражения, а выполнила приказ Императора о прекращении боевых действий. Рядовые солдаты, не говоря уж об офицерах, открыто выражали негативное отношение к русским и свое недовольство пленом. Император для каждого японца был священен и они не видели без него будущего Японии. Военнопленные не разделяли утверждений советской пропаганды о том, что вся проводимая Императором и японским правительством политика была агрессивной. «Японский народ боролся за счастье и место на земле. Это его право на свободу, а не захватническая политика» — говорили они.

Вполне понятно, что политработникам нужно было в корне ломать все эти взгляды и настроения, противопоставляя им «убедительные примеры позорного разгрома Квантунской армии и агрессивность характера войны, которую вела империалистическая Япония против объединенных наций». Очевидно, что коренная ломка не могла проходить без сопротивления ей со стороны приверженцев японских традиций. С самого начала вмешательства политработников во внутреннюю жизнь пленных и проявления стремления внедрить в их среду чужеродное им тело коммунистического идола, эта работа встречалась с ожесточенным сопротивлением со стороны самих пленных.

Следуя своим принципам, советские пропагандисты разделили всю массу военнопленных на три части: реакционную, прогрессивную или демократически настроенную и колеблющуюся. Хотя, как уже отмечалось, к моменту прибытия в лагери и позже все военнопленные представляли собой довольно единую по своим политическим настроениям массу.

Характеризуя политические настроения японских солдат и офицеров, начальник отделения по работе среди военнопленных отдела специальной пропаганды политического управления войск Дальнего Востока (ОСП ПУ ВДВ) майор В.Ефименко отмечал, что «офицерский состав — составлял и составляет собою реакционно настроенную часть военнопленных. В подавляющем большинстве это непримиримые враги Советского Союза. Из них: старший

офицерский состав — кадровые военные — профессионалы — наиболее реакционно настроенная часть офицерского состава ... старшие офицеры являются ярыми сторонниками сохранения в неприкосновенности всех устоев японской армии, непримиримыми врагами любого проявления демократизма и организаторами реакционной, реваншистской пропаганды среди военнопленных.

Младшие офицеры — в основном интеллигенты, призванные из запаса и имеющие гражданскую профессию. Они настроены реакционно, но в отдельных случаях выдвинули из своей среды участников и даже инициаторов демократического движения среди военнопленных. Как, например, подпоручик Мунаката, работающий при редакции газеты «Нихон Симбун» и еще 29 младших офицеров, закончивших курсы агитационного актива в г. Чите ...

Унтер-офицеры — в большинстве выходцы из закиточных слоев населения (купечества, торговцев) за исключением небольшой прослойки рабочих, крестьян и интеллигенции. Большая часть из них является сторонниками сохранения в неприкосновенности всех порядков японской армии и продолжают оставаться верными помощниками своих офицеров»⁶³.

Из солдат к этой реакционной группировке политорганы в первую очередь относили тех из них, кто был призван в армию до 1944 года. Таких было 50% от всего их количества. Другая половина солдатской массы считалась наиболее податливой к пропаганде. Хотя в целом ставка была сделана на всю солдатскую массу

Это понимали и японские офицеры. Они стремились сохранить среди солдат «милитаристическую идеологию», т.е. верность японской духовной воинской культуре, сохранить среди солдат высокий уровень воинской дисциплины, выражаясь советскими терминами тех лет — «их рабское повиновение офицерам, как это было в японской армии до ее капитуляции». Офицеры, по мнению советских политработников, «препятствовали разоблачению лживой пропаганды против Советского Союза, прививаемой японскими милитаристическими идеологами целыми десятилетиями, прививали вражду и ненависть к Советскому Союзу, поддерживали реваншистские настроения, не предоставляли возможности солда-

там изучать Советский Союз, препятствовали выполнению военнопленными производственных заданий»⁶⁴.

Политработникам хотелось, чтобы пленные полюбили Советский Союз, однако это трудно было сделать. Единственно возможным средством которое могло «раскрыть глаза» военнопленным на жизнь в СССР с их точки зрения, была пропаганда коммунистической идеологии и работа по изменению отношения к пленным со стороны лагерной администрации и улучшению их бытовых условий жизни. В 1946 году всего этого не было, следовательно, и не было условий для возникновения «любви» к Советскому Союзу. К тому же японским офицерам не нужно было ходить далеко за примерами, все примеры были под рукой: и невыносимый труд, и холод, и голод, и смерть товарищей, и многое другое.

К тем пленным, которые не понимали происходящего вокруг них, офицеры применяли меры. Меры эти были весьма разнообразны. Во-первых, надо заметить, что офицеры, да и вообще сторонники японских традиций, до второй половины 1946 года вели борьбу не столько со своими солдатами, сколько с советскими пропагандистами и подпавшими под их влияние отдельными военнопленными. В это время офицеры открыто вели эту борьбу даже в присутствии советской администрации, так как последняя была заинтересована лишь в одном — в выполнении производственных заданий и пропагандой не занимались. Пропагандой занимались специальные кадры политработников, которых, как известно, на всех не хватало. Некоторые формы и методы борьбы офицеров с «покрасневшими» солдатами носили и скрытый от советской администрации характер.

Во-вторых, пропагандистская деятельность политработников не распространялась на все лагеря военнопленных. В тех лагерях, где она велась, до второй половины 1946 года каких-либо особых успехов не отмечалось. В других же местах, собственно говоря, и борьбы не было. За первые полтора года плена в большинстве лагерей военнопленные не слышали ни одного доклада и даже не читали газету «Нихон Симбун». Более того, можно привести пример, как один из пленных, Ито Мусодзиро, с полномочиями от ко-

маководания лагеря, разъезжал по отделениям лагеря и проповедовал «демократию под руководством императора». За что и был арестован.

В этот период офицеры уничтожали газету «Нихон Симбун» и не давали ее читать своим солдатам, говоря, что на ее страницах публикуется клевета на события, происходящие в Японии. Они старались выпускать свои стенные газеты, контролировать их содержание и выбрасывали из них неудобные для них статьи и заметки.

Свою позицию офицеры выражали в издаваемых ими приказах. Командир 518-го ОРБ выступил перед офицерами с требованием к ним «... удержать солдат в своем повиновении, уберечь их от разлагающего влияния коммунистической пропаганды, сохранить среди солдат железную дисциплину любыми средствами и доставить в Японию сильную духом и боеспособную воинскую часть»⁶⁵. Чувствуется, что в это время именно они были хозяевами положения, хотя уже определенно ощущается давление пропаганды.

Командир батальона во втором лагерном отделении 24 лагеря военнопленных МВД издал приказ, в котором говорилось, что «...мы должны возвратиться в Японию имея здравую душу, в противном случае наша судьба будет печальной. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты должны выполнять свою задачу, чтобы не подпасть под влияние пропагандистов, распространяющих разные ошибочные взгляды, свойственные советской стране. Если кто-либо будет противодействовать моему мнению, то с такими людьми я буду разделяться по-своему»⁶⁶.

Первая половина 1946 года знаменуется тем, что японский командный состав делает предупреждения тем из солдат, которые выкалывали свой интерес к газете «Нихон Симбун» или оказывали какие-либо несанкционированные услуги советскому командованию. Приказы, инструкции и высказывания типа «тот, кто является коммунистом или членом «Томонокай», домой не поедет, а если и поедет, то в пути будет выброшен в море» — выраженные в данном случае старшиной Хараува из 23 лагеря, были обычны для этого времени.

Нарушителей этих приказов ждала ответственность. Для первого периода она ограничивалась бойкотом, хорошей палочной трепкой, посылкой на тяжелые работы, гауптвахтой и откомандированием в другой лагерь. В 5-м лагере командир батальона Отами, собрав командиров рот и взводов, распорядился послать демократически настроенных солдат на самые тяжелые работы, пренебрегать жалобами таких солдат. В случае, если начальник лагеря будет спрашивать, почему не выполняется производственный план, отвечать ему, что с выполнением плана туго из-за демократов.

Давление с советской стороны усиливалось так же, как усиливалось и сопротивление этому давлению. Это имело один выход, хотя в двух противоположных формах — демократы начали по подсказке пропагандистов и интуитивно, с тем чтобы меньше терпеть от командиров, сплачиваться в демократические группы. С другой стороны, для того чтобы усилить свое влияние и свою платформу, сторонники сохранения японских устоев в среде военнопленных также начали создавать свои группы. К этому их подтолкнуло и начавшееся противодействие им со стороны советской администрации. Это обстоятельство привело к изменению тактики действий «реакционеров».

Многие из них, ранее ведшие открытую борьбу против советской пропаганды, начали реагировать на изменяющуюся обстановку, приспособляться, «маскироваться, притворяться демократами, а некоторые стали проникать и в демократические группы и в скрытом виде изнутри вести подрывную работу». В конце 1946 года на базе «Томонокай» началось создание демократических групп. Никаких директив японские командиры не получали, так как создание таких групп выдавалось за инициативу. Однако, когда капитан Нагатами запретил создание такой группы в батальоне, мотивируя это тем, что со стороны советского командования нет официального разрешения на создание демгрупп, он был отнесен в разряд антисоветчиков и реакционеров и смещен с должности.

В 19-м лагере «реакционеры» создали свою группу. Эта группа требовала сохранения старых воинских устоев. Члены этой груп-

пы читали для солдат лекции типа «О морали солдата японской армии», разучивали и пели японские военные песни. Реакционность этой группы заключалась также в том, что она ратовала за уничтожение демократических групп. Судьба ее была ясна. По организованному сотрудниками газеты «Нихон Симбун» обращению военнопленных, в котором они призывали «всех военнопленных к борьбе с реакционерами и требовали от советского командования отстранения реакционеров от занимаемых ими должностей и изъятия их из лагеря». Эта группа была ликвидирована. Здесь, замечу, начинают проглядываться черты, контуры той политики, которую проводили в лагерях политработники. На этом же этапе они вербовали активистов и разжигали огонь их борьбы со своими соотечественниками, не признававшими права доминирования над ними коммунистической идеологии.

Со второй половины 1946 года борьба стала непрерывно нарастать. Процесс расслоения всей массы пленных на «реакционеров» и «демократов» набирал свои обороты. Поляризация усилилась. Однако успех демократов зависел от наличия сильного актива и «правильного» руководства им со стороны советских инструкторов. Где этого не было, демократически настроенные солдаты не решались открыто выступать против своих офицеров и «даже наиболее активные демократы не вели повседневной работы».

Одним из результатов этой борьбы явилось ее ожесточение со стороны советского командования. Теперь реакционным считалось не только стремление сохранить старые порядки или нелестные выпады против главного рупора пропаганды, но все высказывания, действия, не соответствовавшие классовой идеологии. Все японское предавалось забвению, возносилась компартия Японии и все события оценивались по методике марксизма. Началась тотальная идеологизация мышления пленных, их действий. Только верность провозглашенному демократическому движению могла оставить пленных на некоторое время в покое.

В общем, конечно, в среде военнопленных мало что изменилось. Особенно в тех лагерях, которые были удалены от центров идеологической работы. Проиллюстрировать это можно на приме-

ре того, какие команды прибывали в декабре 1946 года в Находку для репатриации: «особенно сильно в политическом отношении подготовлены военнопленные, прибывшие из лагерей, дислоцированных на территории Хабаровского края. Явную противоположность представляют контингенты репатриантов, прибывающие из Иркутской области. Военнопленные в лагерях, расположенных в районе г. Тайшет, находились в качестве тех же солдат, какими они были в составе бывшей Квантунской армии, до дней ее капитуляции»⁶⁷. И таких лагерей было большинство. В тоже время, появились лагеря, в которых старые воинские устои хотя до конца и не были сломаны, однако влияние актива в которых было определяющим. Это также результат: несмотря на сопротивление, в первую очередь офицеров, в среде военнопленных не только начали внедряться, а и начали действовать порядки, устанавливаемые советской стороной.

Глава 5.

Создание системы политорганов.

Их задачи и формы работы

Создавать заново ничего не приходилось. Все необходимые элементы системы политического воздействия имелись в лице отделов специальной пропаганды. Необходимо было провести реорганизацию этих отделов и углубить или расширить всю структуру до низовых звеньев, то есть до самих батальонов военнопленных.

Вполне понятно, что с прибытием из Маньчжурии отделов спецпропаганды им пришлось главное внимание уделить организационной стороне политической работы среди военнопленных — расстановке кадров, доведении до политаппарата лагерей директив и руководящих документов, выработке форм и методов политической работы и доведения газеты «Нихон Симбун» до «солдат военнопленных». В число первоочередных задач политработники также зачислили «борьбу за создание нормальной лагерно-бытовой обстановки». Как ни странно, эту борьбу они планировали вести с «реакционным японским офицерством», которое, по их мнению, сознательно ухудшало положение с целью возбуждения у солдат ненависти к СССР. Интересно. Если исходить из этого, то можно сказать, что советская сторона предоставила офицерам хорошие возможности для этого.

Для организации и руководства политической работой среди военнопленных в составе политических органов войск Дальнего Востока был создан специальный аппарат. Во всех отдельных рабочих батальонах и лагерях были назначены владевшие японским языком инструктора по агитационно-массовой работе среди пленных, действовавшие под руководством заместителей начальников лагерей по политчасти. Это кадры низового звена, их качество желало быть лучшим. Большинство инструкторов не обладали данными, которыми должен был обладать инструктор. Если взять, к примеру, инструкторский состав ОРБ Приморского военного округа, то из 20 инструкторов только двое владели японским языком

удовлетворительно, 14 закончили десятимесячные курсы при политическом управлении Забайкальского военного округа, а 4 человека языком не владели. Такие инструктора вынуждены были проводить работу через переводчиков из числа пленных, которые «в основном являются бывшими разведчиками и искажают в провокаторских целях любое заявление и приказание советских офицеров»⁸⁸. В тех случаях, когда не было «бывших разведчиков» инструкторам, плохо или совсем не владеющим языком, приходилось читать лекции «по написанному русскими буквами тексту».

«Это, конечно, скучные и в большинстве случаев просто непонятные для слушателей лекции.»... — признавались специалисты и добавляли, — «лучше если лекцию читает подготовленный активист-японец». Что ж, и такое бывало.

В среднее звено аппарата входили отделы специальной пропаганды дальневосточных военных округов — Забайкальского, Приморского и Дальневосточного. В их составе были созданы отделения по работе среди военнопленных. Несмотря на это, вся работа проводилась и возлагалась на отдел в целом. Центральным органом аппарата был отдел спецпропаганды политического управления войск Дальнего Востока в Хабаровске. Он являлся руководящим и организующим органом, отвечавшим за всю проводимую среди военнопленных политическую работу перед управлением спецпропаганды Главного политического управления армии и флота, находившемся в Москве.

К центральным органам относились и две газеты советского командования, издававшиеся на японском языке для военнопленных и японского гражданского населения. Главная из них — «Нихон Симбун» — была организована в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и указания начальника ГлавПУ СА и ВМФ от 7 сентября 1945 года. Размещалась эта газета в Хабаровске и выходила в свет три раза в неделю. Редакция ее состояла из офицеров — спецпропагандистов и до 40 японских военнопленных. Эта газета в обязательном, «добровольно-принудительном», порядке распространялась среди военнопленных и была средством идеологического влияния на них.

До сентября 1946 года газета печаталась неупотребительным в Японии шрифтом, слишком крупного кегля, имела неудовлетворительную верстку. Ввиду отсутствия собственной цинкографии мало помещала снимков и рисунков, в результате чего выглядела серой и неприглядной для пленных. С сентября 1946 года газета перешла на новые шрифты, привезенные из демонтированной в Маньчжурии японской типографии. С переводом на новый шрифт объем газеты увеличился на треть, значительно улучшилась верстка, газета приобрела более привычный японскому глазу внешний вид, стала живее и красочнее благодаря увеличенному числу иллюстраций.

Другая газета менее известна. Выпускалась она политическим управлением ДВО с октября 1945 года по 1947 год в г.Южно-Сахалинске и имела название «Сенсенмей» (Новая жизнь). Регион ее распространения был в основном на Сахалине, так как она была предназначена в первую очередь для японского гражданского населения, но изредка попадала и в другие регионы. В состав ее редакции входили как офицеры-специпропагандисты, так и японские корреспонденты из газеты «Тохара симбун» и других японских газет, издававшихся на Сахалине до августа 1945 года.

В общей сложности непосредственно в политическую работу среди военнопленных и японского гражданского населения на Южном Сахалине, Ляодунском полуострове и в Северной Корее было задействовано свыше 250 офицеров специальной пропаганды. Именно их усилиями в первую очередь была налажена система и механизм политического влияния на военнопленных.

Цели, задачи и формы политической работы среди военнопленных в начальном периоде их пребывания в СССР были определены директивами Главного политического управления Красной Армии и Флота № 17 от 17 июня 1945 года и № 310 от 27 сентября 1945 года. В них указывалось, что политорганам необходимо приложить усилия с тем, чтобы осуществить «полное преодоление влияния милитаристской идеологии и реакционных элементов среди военнопленных». Конечная цель этого преодоления — «воспитание из военнопленных убежденных антифашистов».

Конечной целью всего пребывания японских солдат в советском плену, политработники видели в обеспечении «надлежащего роста числа военнопленных — активных сторонников укрепления дружеского отношения своего народа к СССР и демократических преобразований в Японии». И, как бы сопутствующей этим целям, объявлялась необходимость мобилизации посредством агитации и пропаганды пленных на «добросовестный и честный труд» в условиях плена.

В соответствии заявленными целям предусматривалось решить некоторые задачи. Их содержание мы можем почерпнуть из достоверного источника, а именно доклада начальника отделения по работе среди военнопленных отдела специальной пропаганды политического управления войск Дальнего Востока майора В. Ефименко. Этот доклад был сделан им в ноябре 1947 года на совещании офицеров спецпропаганды войск Дальнего Востока, на котором подводились итоги их работы в начальном периоде и ставились очередные задачи. Основным содержанием политической работы была «пропаганда правды о Советском Союзе и Советской Армии». Для этого осуществлялось «разъяснение источников силы и могущества СССР — социалистического государства рабочих и крестьян. Ознакомление военнопленных с жизнью народов СССР, его государственным и политическим устройством, с задачами и ходом выполнения пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР»⁶⁶.

«Правда» о Советском Союзе представляла СССР как великое социалистическое государство, которое является оплотом мира, безопасности и свободы народов, вождем мирового демократического лагеря. В духе принятой идеологии пленным разъяснялась внешняя политика СССР, как последовательного борца за прочный и длительный мир, за всемерное укрепление дружественного сотрудничества всех миролюбивых народов. При этом говорилось, что «советская внешняя политика отвергает принцип мести по отношению к побежденным народам».

Разъяснение изменений в международном положении в результате второй мировой войны, говоря словами секретаря ЦК

ВКП(б) Жданова, осуществлялось в русле того, что все «лучше выделяются два основных направления в послевоенной международной политике, соответствующие разделению политических сил, действующих на мировой арене, на два основных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический с другой стороны»⁷⁰.

При этом никаких сомнений не возникало в отношении того, что «это разделение характеризуется укреплением сил демократии и ослаблением сил международной реакции». Вдохновителями международного блока реакции являлись англо-саксонские державы, внешняя политика которых была направлена на срыв международного сотрудничества наций и к разжиганию новой войны. Исходя из этого, перед пленными раскрывалась необходимость укрепления международного лагеря демократии.

Нужно подчеркнуть, что в начальном периоде, хотя и говорится о необходимости демократического переустройства Японии, все же пропаганда была направлена на размывание основ японского мировоззрения. «Путем целеустремленной и длительной пропаганды до сознания военнопленных доводилось правильное представление о разбойничьих войнах японских милитаристов, о роли в этих войнах так называемой «императорской армии», служившей орудием грабежа и закабаления народов Азии, о преступных антисоветских планах японской военщины» и о многом другом⁷¹.

Со второй половины 1946 года началось «информирование военнопленных о современном внутривнутриполитическом и экономическом положении в Японии, о борьбе демократических сил японского народа против реакции, о предательской политике правых социалистов в Японии, которые пошли на стовор с реакцией, о реакционной политике американских оккупационных властей»⁷². Подобное «информирование» в этот период преследовало цель объяснить пленным, что развитие искренне доброжелательного отношения к СССР отвечает жизненным интересам японского народа, а их пребывание в Сибири и особенно их добросовестный труд в условиях советского плена содействует как укреплению дружест-

венных отношений между СССР и Японией, так и укрепление лагеря демократии. В этот период пленные никак не могли понять этого, но прекрасно понимали другое — их работа в плену неблагоприятно сказывается на них самих так как не ускоряет их возвращение домой.

С тем, чтобы убедить пленных в своей правоте, политработники использовали различные формы политической агитации и пропаганды. В начальном периоде были возможны лишь простейшие из них, о которых уже шла речь. С течением времени эти возможности расширялись. Для этого периода были наиболее характерными индивидуальные и групповые читки газет «Нихон Симбун» и «Сенсенмей», а также различных брошюр на политические темы, изданные редакциями этих газет.

Наглядная агитация на территории лагерей ограничивалась доуингами и антринами газеты «Нихон Симбун». Военнопленные также впервые узнали, что такое стенная газета и рукописный журнал. Статьи в этих газетах и журналах подвергались цензуре как со стороны политработников, так и со стороны японских офицеров.

Кроме индивидуальных и групповых бесед широко практиковались вечера вопросов и ответов. Вопросы пленных показали, что они не понимали в достаточной степени всей премудрости пропагандируемых им социалистических ценностей и для них наиболее важным были вопросы возвращения домой и информация о том, как обстоят дела на родине. Посредством лекций и докладов политработники и их активисты из среды пленных разъясняли суть происходящих событий не только дома, но и в мире и в СССР. Эта информация была подвержена строгой политической ориентации на коммунистические идеи классового устройства общества и доминирования в нем диктатуры пролетариата.

По мере усиления советского влияния в среде военнопленных и создания в лагерях так называемого демократического движения, советские политорганы пришли к выводу о необходимости использования более сложных форм политической работы.

Глава 6. Начало репатриации — начало активной политической работы

Размеренная жизнь японской армии, пребывавшей в плену на территории СССР была потрясена в конце 1946 года, когда советское правительство пришло к выводу о необходимости начала репатриации японских военнопленных. 16 ноября 1946 года первая партия репатриантов прибыла в 380-й транзитный лагерь в бухте Находка. Этот лагерь был расположен на месте лагеря МВД № 9, который являлся этапным для советских заключенных, следовавших в Магаданскую область. Прибывшие 6 823 военнопленных были размещены в основном в палатках, так как по существу лагерь репатриации только формировался. Сбои в питании, в подвозе воды, дров и угля были привычны для этого периода времени.

Офицеру Гринбланту предстала печальная картина, когда он прибыл в составе группы работников редакции газеты «Нихон Симбун» в лагерь для выполнения задач политического обеспечения репатриации. В своем докладе он писал о жизни в лагере: «Приходящие с работы военнопленные выстраиваются в длинные очереди, чтобы утолить жажду. Приходилось видеть, как военнопленные пьют воду из луж. Частая нехватка воды является причиной значительного запоздания в приготовлении пищи. Привозимая в бензоцистернах вода имеет затхлый вкус и отдает бензином. Дрова и уголь завозятся нерегулярно, с перебоями. Военнопленные, чтобы согреться, ломают в палатках нары и используют их на топливо. Положенная военнопленным норма питания по разным причинам не всегда полностью доходит до едока»⁷⁵.

Такое положение военнопленных не удовлетворяло, но все, чем они могли выразить свое негодование в условиях лагеря, так это высмеять в своих песнях, исполняемых местным ансамблем, лагерное начальство, а также высокие цены на махорку на рынке в Находке.

Все же прибывшего офицера беспокоили не столько условия жизни военнопленных, сколько их политические настроения. Репатрианты первой очереди произвели на него удручающее впечатление. По его словам, это были «махровые реакционеры, такие, как известный своей активной антисоветской деятельностью капитан Азута», прибывший во главе группы военнопленных из г. Имата. Еще один, знакомый Фрибланту по Хабаровску военнопленный, капитан Окудайра Такая, до лагеря репатриации работал в колхозе — в результате его работы какая-либо деятельность в колхозе была приостановлена из-за того, что Такая привел в негодность весь сельскохозяйственный инвентарь. Еще большее возмущение у офицера вызвал тот факт, что прибывшие из г.Артема военнопленные, работавшие там в угольных шахтах, распространены в антисоветском духе ... советскими гражданами, репатрированными из Германии и нелояльно настроенными к советской власти. Капитан Исикура, унтер-офицер Овада, поручик Екояма далеко не исчерпывали список тех, кого по мнению прибывшего советского офицера «никоим образом нельзя было репатриировать в первую очередь».

Почему? Какие критерии служили тем мериллом по которому делили военнопленных? Ответ на этот вопрос находишь в том, как и на какие группы подразделились военнопленные при формировании списков репатриантов. В первую группу вошли все демократически настроенные пленные, которые непременно подлежали отправке в первую очередь «для обеспечения демократического влияния среди репатриантов». В лагере демократически настроенных оказалось 66 человек. В основном это были читатели «Нихон Симбун», которые заметного влияния на массу военнопленных не оказывали.

Во вторую группу вошли все военнопленные, известные своими активными реакционными действиями и антисоветскими высказываниями. Эту группу предусматривалось непременно оставить в лагере для более детального их ознакомления с жизнью в СССР и изменении прежних взглядов на Советский Союз, иначе говоря для перевоспитания. Третья группа была представлена ре-

акционерами — «главарями и зачинщиками, которые подлежали особой изоляции».

Особенно активно проявляла себя реакционная группировка во 2-м лагерном отделении на «Рыбстрое», которую возглавляли подпоручик Фудзита и унтер-офицер Мицую Наохидзу. По словам советского офицера-политработника, эти «яркие реакционеры вели активную антисоветскую пропаганду среди военнопленных, доходя до прямых угроз физически уничтожить демократов»⁷⁴. Они распространяли «слухи» о том, что Макартур требует возвращения всех военнопленных и что только советское правительство умышленно задерживает репатриацию. Они внушали пленным мысль о том, что Советский Союз имеет план уничтожения пленных — «с помощью непосильной работы и плохого питания довести японских военнопленных до истощения и смерти». По их словам, в соответствии с этим планом многих японцев уже не стало.

Еще худшее впечатление производили военнопленные, прибывавшие из лагерей от № 11 до № 15. «В результате порочной практики местного лагерного начальства, для репатриации в первую очередь были собраны самые худшие, не нужные во всех отношениях элементы... За исключением группы, прибывшей из 16-го лагерного управления Хабаровского края, среди военнопленных, поступивших из лагерей Приморского края — Имана, Сучана, Воронилова, Артема, почти не оказалось демократов»⁷⁵.

Оказалось, что почти все демократически настроенные военнопленные были в лагерях «отсеяны». Вместо них были присланы «самые махровые реакционеры. Даже в Хабаровской группе, из особо опекаемого политработниками 16 лагеря, в которой из 937 человек имелось 50 человек активных демократов и около 300 «подходящих людей», ухитрились прислать антисоветски настроенных активных реакционеров», — возмущался по этому поводу офицер Гринблант.

Этот факт показывает, что масштабы политического влияния на военнопленных были ограничены лишь теми регионами, где были размещены центры органов пропаганды. Наиболее действенным из них оказался центр, размещенный в Хабаровске и

представленный не только отделом специальной пропаганды полуправления войск на Дальнем Востоке и редакцией газеты «Нихон Симбун», но и радиоредакцией вещавшей на Японию, и политотделом УВД Хабаровского края. В других местах это влияние не ощущалось, и поэтому местным «реакционерам» не составило труда отстранить от репатриации демократически настроенных пленных и активистов.

Задача, которая была поставлена политработникам, заключалась в том, чтобы учитывая «исключительную важность репатриации первой очереди и то пристальное внимание, которое уделяется этому мероприятию в американских и японских кругах, не допустить в Японию ... реакционно и антисоветски настроенных военнопленных»⁷⁵. В этих целях были составлены списки по категориям «П», «О», «Р». В соответствии с ними в категорию «П» — послать, вошли все демократически настроенные военнопленные, которые «непрерывно подлежали отправке в первую очередь, для обеспечения демократического влияния среди репатриантов». В категорию «О» — оставить, вошли все военнопленные, «известные своими активными реакционными действиями и антисоветскими высказываниями». К категории «Р» — реакционеры, были отнесены все «главари и зачинщики, которые подлежали особой изоляции». В составленный список репатриантов после просева вошло 5000 человек.

Особое внимание было уделено расстановке демократов по группам. Каждой группе были подобраны начальник группы и его заместитель из числа наиболее демократических офицеров, бывших известными своим доброжелательным отношением к СССР. Особенно колоритной оказалась подобранная фигура главы всей репатрируемой партии капитана Сибата Кенитиро. Колорит его заключался не в том, что ему было 60 лет и он был офицером запаса, а в том, что ему был специально сшит новый костюм и придан отличный внешний вид. Тем самым как-бы говорилось — смотрите, даже старики выдержали условия плена в Советском Союзе, что уж тут говорить о более молодых. Более молодых пленных помывли в бане и переодели в приличное обмундирование, дабы не везти российских вшей в Японию.

Политработники учитывали также, что посылаемая группа из 40 японок-медсестер будет представлять из себя эффектный материал для пафоса на сенсацию газетчиков и журналистов. Поэтому в лагере они были окружены особым вниманием. Они жили в лучшем помещении, им было выдано новое обмундирование. С ними проводились особые беседы о положении в Японии, о месте женщин в Советском Союзе.

Третьего декабря 1946 года, в день, когда за репатриантами прибыли японские пароходы, на территории лагеря был организован митинг. На митинге присутствовали все 5000 репатриантов. Книжки с речью, подготовленной и проверенной политработниками, обратился начальник лагеря подполковник Ефимов. Вот эта речь:

«Господа офицеры, унтер-офицеры и солдаты бывшей японской армии! От имени советского командования и народов Великой советской страны приветствую и поздравляю Вас с днем отбытия из Великого Советского Союза на родину. В течение полутора лет вашего пребывания у нас, советское правительство, несмотря на трудности, которые переживала наша страна в первый послевоенный год после победоносного завершения Великой Отечественной войны народами Советского Союза, проявляло неустанную заботу о материальном обеспечении и хорошем приеме японских военнопленных. В ответ на заботу Советского правительства большинство из Вас честным и добросовестным трудом старались отблагодарить Советский Союз и его народы за теплый прием и за то внимание, которым они окружали вас. Пользуясь случаем, когда первая очередь репатрируемых возвращается на родину, позвольте выразить от имени советского командования и народов Советского Союза искреннюю благодарность за ваш честный труд и высказать уверенность в том, что вы будете активными участниками строительства будущей демократической Японии, содействуя дальнейшему развитию дружественных, добрососедских отношений между нашими странами в борьбе за мир во всем мире»⁷⁷.

С ответным словом выступил капитан Сибата. После этого солдат Курита преподнес начальнику лагеря шесть книг с подпи-

слями военнопленных под текстом благодарственного письма, который как и все речи был составлен под руководством политработников. После вручения благодарственного письма еще выступил солдат Бандо Кацудзиро — демократ из Хабаровской группы и политработник Шаров, который, пожелав пленным счастливого пути и радостной встречи с родными в Японии, закрыл митинг. Вместе с тем, радость проводов и будущей встречи была омрачена тем, что выданные пленным премиальные деньги в общей сумме 56 тысяч рублей за неделю до репатриации при осмотре были отобраны таможенниками.

С началом репатриации стало ясно, что для политработников открывается еще одно направление их деятельности — политическое обеспечение всей репатриационной компании и включение ее в систему политического давления на пленных. Начальник Главного политического управления Вооруженных Сил СССР в связи с этим издал директиву № 07 от 13 декабря 1946 года. Эта директива являлась не только толчком для политической работы с пленными, а была использована политработниками для развертывания своей деятельности в больших масштабах, чем прежде. Кроме этой директивы, ГлавПУр совместно с политотделом Управления репатриации, разработали и направили 10 декабря 1946 года в ЦК ВКП(б) проект постановления ЦК о политико-просветительской работе с репатрируемыми японцами. Проект находился в отделе внешней политики ЦК ВКП(б) и ожидалось, что в феврале он будет представлен на утверждение Секретариата ЦК. Однако руководство партии на данный момент решило ограничиться изданной начальником ГлавПУра директивой и не стало заниматься созданием какой-либо организации по типу «Свободная Германия». В то же время такое решение не значит, что руководство партии ограничилось лишь этими мерами. Оно принимает глобальное решение, в сферу которого вовлекалась и работа среди военнопленных.

В 1947 году ЦК ВКП(б) ставит перед политическими органами задачу по подготовке и проведению идеологической войны против США и его союзников. Потенциально в их число была зачислена и

Япония, хотя схватки и битвы за влияние на ее политику продолжались до 1956 года. Завершились они после очевидного факта вовлечения Японии в сферу интересов США и заключения между двумя странами договора об обороне.

После сверх совершенно секретного решения о разворачивании идеологической войны против Запада, политработники на местах получили полную поддержку своих инициатив и взялись за работу засучив рукава. С этого времени деятельность политорганов активизируется, а работа по политическому перевоспитанию японских военнопленных приобретает совершенно определенную направленность. В ходе этой работы начали отрабатываться и проверяться на эффективность приемы и методы идеологической войны, а сама политическая работа становится ее составной частью.

Заметим, что в декабре 1946 года речь еще шла только о директиве. Директива устанавливала, что в процессе осуществления репатриации армейские политорганы будут оказывать активную помощь отделам по делам репатриации в организации «политико-воспитательной работы» среди репатрируемых. В их числе подразумевались как военнопленные, так и гражданское население. Главное политическое управление определило цель, которую должны были достичь политработники на местах — «всей политико-воспитательной работой с репатрируемыми добиваться того, чтобы репатрируемые по возвращении в Японию сыграли положительную роль в деле укрепления симпатий японского народа к Советскому Союзу и в демократическом движении страны»⁷⁹.

В связи с этим намечались пути достижения этой цели. Было бы интересно узнать эти пути непосредственно из документа. В частности предлагалось:

«1. Организовать массово-политическую работу в лагерях и в пути следования среди репатрируемых японцев, систематически пропагандировать правду о Советском Союзе, разъяснить ведущую роль СССР в деле установления прочного послевоенного мира; показывать последовательную борьбу СССР за мир между народами Дальнего Востока, а также информировать репатрируе-

мых о внутривойсковом положении Японии. Массово-политическую работу проводить путем организации докладов, бесед, громкой читки газет, радиовещания, вечеров вопросов и ответов, демонстраций кинокартин, выставок о Советском Союзе.

2. Создать в лагерях для репатрируемых, рабочих батальонах и ротах из числа военнопленных, демократически настроенных и наиболее подготовленных пленных, антифашистский актив. Привлекать этот актив в качестве чтецов, агитаторов и беседчиков среди японских военнопленных и гражданского японского населения.

3. Для обслуживания военнопленных и интернированных в каждый лагерь выделить по две кинопередвижки, оборудовать радиоузлы, радиофицировать общественные помещения лагерей (клубы, комнаты отдыха, столовые и т. д.), организовать демонстрацию кинофильмов, трансляцию советских радиопередач на Японию.

4. Создать в каждом лагере библиотеку-читальню, снабдить библиотеку лагеря необходимым количеством газет «Нихон Симбун» и «Сенсеймай».

5. Начальникам Политических управлений округов обеспечить подбор подготовленных и проверенных кадров для работы в лагерях по репатриации японцев из Советского Союза⁷⁹.

О выполнении этой директивы политорганы обязаны были докладывать в Главное политическое управление ежемесячно, что повышало их ответственность и заставляло искать все новые и новые пути влияния на пленных. В частности, предусматривалось создание в лагерях репатриации антифашистских школ. В эту школу намечалось набирать от 800 до 1000 человек, проверенных и рекомендованных к зачислению слушателями школы органами МВД⁸⁰.

Однако в широком смысле задача состояла в том, чтобы использовать начавшуюся репатриацию для активизации всей деятельности в области политического перевоспитания военнопленных. Сам процесс репатриации послужил сигналом для политработников, извещавшим, что время играет не в их пользу. В связи с

этим на повестку дня стал вопрос о радикальном усилении политической работы, проводимой с военнопленными.

К этому подталкивали результаты политической работы начального периода плена. Мы имеем возможность узнать оценку японской стороной политической работы с пленными. Предварительные выводы по первой партии репатриантов сводились к следующему:

«1. В первую партию репатриантов не вошли лица, получившие специальную подготовку.

2. Политическая обработка военнопленных советскими властями неэффективна, так как значительная часть репатриантов вернулась антисоветски настроенной»²¹.

Вместе с тем, американские и японские специалисты отмечали, что «известная часть репатриантов хорошо отзывалась об отношении к ним со стороны представителей органов советской власти и местного населения, подчеркивал, что военнопленные получают продовольственный паек больший, чем местное население».

Если дополнить эту, во многом объективную, картину приобретенным знанием о том, как формировалась эта партия, то можно сказать, что действительно общая эффективность пропаганды, проводимой политработниками, была не столь высока. Однако, в тех лагерях, где наблюдалась их активность, так утверждать нельзя. Это выражалось в стремлении пленных достать и прочесть газеты «Нихон Симбун» и «Сенсеймей», а также издаваемые редакциями этих газет брошюры.

Высказывания военнопленных в просоветском духе также служили для политработников сигналом к тому, что в их среде начали происходить изменения — у многих солдат начали «открываться глаза». «Мы впервые здесь, в России, увидели собственными глазами как живут советские трудящиеся. Я думаю, что только благодаря революции русские сумели победить такого сильного противника как Германия», — пытался увязать в логическую связку свои размышления военнопленный Кавамура.

«Возвратившись в Японию мы будем устраивать свою жизнь по примеру Советского Союза. Мы будем бороться с теми, кто рас-

пространяет антисоветскую ложь, будем рассказывать всем об истинном положении рабочих и крестьян в СССР», — искал сразу применения своим приобретенным знаниям Тадао Хиродзава. «Мы должны учиться у советских людей в построении новой Японии», — высказывался Акира Идо. Такого рода высказываний становилось все больше, и они служили бальзамом для политработников и побуждали их к активности.

Глава 7. Новый курс в политической работе с пленными

Квантунская армия вошла в СССР со своей идеологией капитуляции, выраженной в верности приказу Императора. Лишенная центрального руководства, но управляемая по отдельным частям и не лишенная духовного стержня, она продолжала существовать и жить по своим законам. В то же время, длительное пребывание в плену привело к тому, что в солдатской среде зародились требования равноправных отношений между солдатами и офицерами. Офицеры не допускали подобного вольнодумства. Это противоречие было замечено офицерами спецпропаганды и использовано в развертывании политической работы. Поиск форм влияния привел к мысли о создании в среде военнопленных демократического движения, в котором бы практиковалось множество способов политического влияния на военнопленных.

С первых дней и до конца первой половины 1946 года, политическая работа среди военнопленных носила разъяснительный характер. Со второй половины 1946 года начинает изменяться характер политической работы — он приобретает черты вербовки колеблющейся части пленных на свою сторону с тем, чтобы создать базу для широкого вовлечения массы военнопленных в миссию, проводимую комиссарами от идеологии.

От информации к целенаправленной пропаганде, от разобщенных и самостоятельно функционирующих центров пропаганды к объединению усилий и созданию цельной системы политической работы с военнопленными — такова формула периода первого знакомства и «пробования на зуб» всей массы пленных. Если ЦК ВКП(б), давая разрешение на издание газеты «Нихон Симбун» в сентябре 1945 года, определял политику в отношении военнопленных как подачу информации о СССР, то с приездом из Маньчжурии отделов специальной пропаганды, инициативно, снизу,

т. е. в силу своей заданности, запрограммированности на идеологическую обработку войск и населения противника, эти органы начинают кампанию по изменению взглядов военнопленных.

Особая роль в инициации процесса политической обработки военнопленных в соответствии с коммунистическим мировоззрением принадлежит редактору газеты «Нихон Симбун» Коваленко. Из всего аппарата отделов специальной пропаганды он один реально, с начала плена, знал ситуацию с политическими взглядами военнопленных и ситуацию в лагерях. Другие только входили в курс дела, занимая вновь образованные штаты отделов и отделений по работе с военнопленными при политических управлениях военных округов.

С декабря 1946 года решением ЦК ВКП(б) в системе МВД СССР и, в частности, в лагерных управлениях создаются политические отделы с теми же задачами, что и у военных политработников. Взаимодействие этих органов осуществлялось как в центре, так и на местах. Такое решение должно было уменьшить сопротивление администрации лагерей диктату политработников.

Фактически 1946 год стал годом выработки целостной политики в отношении военнопленных — определялись цели, задачи, структура, кадры. К концу года эта работа была завершена. В начале года работа среди военнопленных практически не велась и проводилась «с бухты барахты». Она ограничивалась изучением политико-морального состояния пленных, чтением лекций, газеты, если это допускали офицеры. Постепенно эта работа начала приобретать определенный смысл и очертания, т. е. она проходила путь к высшей идее, которая заключалась в том, чтобы использовать пленных, их разум, для идеологического проникновения в японское общество.

К концу года политработники уже нашли пути достижения этой цели. Главный из них был в создании на базе групп «Томонакай» и других, обязательно демократических, групп, а также закрепления достигнутых результатов в развертывании так называемого демократического движения. Путь к нему лежал через введение в среде пленных сознательной демократической дисципли-

ны, отстранение офицеров от руководства подразделениями и вручение бразд правления этими подразделениями в руки демократического актива. К этому надо добавить активизацию всех форм пропагандистской деятельности и подчинение всех сторон жизни пленных насаждаемым догматам.

Такие сложные задачи переустройства всей лагерной жизни не были понятны начальникам лагерей и администрации предприятий, на которых работали пленные. Их вполне устраивало то, что японские офицеры были во главе своих батальонов и отвечали как за дисциплину в подразделениях, так и за производительность труда своих подчиненных. В исканиях и потугах политработников утвердить свои порядки администрация не видела ничего полезного и, более того, заявляла, что политические мероприятия разлагают дисциплину в батальонах военнопленных. Кроме неприятия новаций со стороны лагерной администрации, политработникам необходимо было еще преодолеть и сопротивление со стороны японских офицеров. Лишь одной пропаганде это было явно не под силу и на помощь пропагандисты решили призвать весь опыт системы политических репрессий, проводившихся в Советском Союзе.

Первым делом о сложившемся положении было доложено в Управление специальной пропаганды ГлавПУ СА и ВМФ. Редактор «Нихон Симбун» писал в адрес московского начальства, что «создается опасность, что японские военнопленные могут возвратиться в Японию с незатронутой или с едва затронутой милитаристской и фашистской идеологией, окажутся Робинзонами, отставшими от событий, и будут представлять собой наиболее реакционную часть японской нации. Нет никакого сомнения в том, что в этом случае большая часть военнопленных после их возвращения в Японию может оказаться в лагере реакции. На японских военнопленных может воздействовать только сильная, хорошо продуманная и аргументированная пропаганда, так как система лагерей и рабочих батальонов, а также их внутренняя организация по существу ничем не отличается от внутренней организации существовавшей в японской армии до ее капитуляции. Японский офицер

по-прежнему является господином положения, солдат во всем повинуется своим офицерам, влияние офицеров на солдат исключительно велико»⁶².

Особо майор Коваленко подчеркивал, что в таких условиях «очень трудно, почти невозможно распропагандировать бывшую Квантунскую армию». Местное руководство не могло изменить обстановку в лагерях без помощи Москвы. Для того, чтобы решить эту проблему, начальник политуправления Забайкало-Амурского военного округа обратился к начальнику ГлавПУ СА и ВМФ генералу Шикину. Его донесение вышло из-под пера майора Коваленко. В этом донесении генерал Зыков отмечал: «Опыт политической работы, проводимой в течение 11 месяцев в лагерях японских военнопленных, расположенных в Хабаровском крае и Читинской области, показывает, что в политико-моральном состоянии японских военнопленных за последнее время произошли серьезные изменения. Под влиянием газеты «Нихон Симбун» и в результате пропагандистско-просветительской работы изо дня в день растет число прогрессивных, демократически настроенных солдат и офицеров, чрезвычайно вырос, особенно в солдатской массе, интерес к демократическим идеям. Факт роста демократического движения в лагерях, стихийное возникновение различных демократических кружков и организаций военнопленных свидетельствует о том, что в массе японских солдат и офицеров совершается поворот в сторону демократии, происходит постепенное высвобождение их из-под влияния милитаристов»⁶³.

Фактом, свидетельствующим об изменениях в политических настроениях военнопленных, являются данные анонимных политических анкет, которые часто практиковались отделами спецпропаганды политорганов в 1946 году. В ОРБ № 522, находившемся на станции Куйбышевка-Восточная, на вопрос об отношении к Советскому Союзу до капитуляции Японии и спустя год после этого, примерно 2/3 опрошенных ответили, что их мнение изменилось в положительную сторону. В 527-м ОРБ, дислоцировавшемся в Хабаровске, 68% опрошенных подтвердили, «что они раньше были обмануты антисоветской клеветой»⁶⁴.

Все же не это было главным в обращении в ГлавПУ СА и ВМФ. Продолжая описывать сложившееся положение в среде японских военнопленных, начальник ПУ ЗАВО генерал Зыков писал: «Однако существенным тормозом в деле развертывания политической работы среди военнопленных, популяризации демократических идей, является противодействие, оказываемое нашей пропаганде со стороны реакционно-монархических элементов, особенно со стороны милитаристически настроенной части японского офицерства. Реакционно-милитаристическое офицерство, пользуясь своим командным положением над солдатами, благодаря сохраненной в лагерях иерархии японской армии, обладает весьма сильными позициями во многих лагерях. Сохраняя в почти неизменном виде деспотическую воинскую дисциплину японской армии, требующую от солдата рабского, слепого повиновения, реакционное офицерство прилагает все силы к тому, чтобы утвердить под своим влиянием солдатскую массу.

Действуя методами запугивания и угроз, зачастую прибегая к рукоприкладству, офицеры всячески препятствуют чтению газеты «Нихон Симбун» солдатами, сеют к ней недоверие, ведут разнузданную антисоветскую пропаганду. В ряде лагерей число офицеров-милитаристов столь велико, что им без особого труда удается подавлять все попытки протеста со стороны солдат, беспрепятственно вести шовинистическую, антисоветскую пропаганду, воспитывать солдат в прежнем агрессивном, милитаристическом духе. Разоблачение антисоветской клеветы и борьба с происками реакционеров и милитаристической идеологией, которую ведут демократически настроенные элементы из числа, главным образом, солдат-военнопленных, крайне затруднена в силу действующей в лагерях японской воинской дисциплинарной системы».

Определив главную причину слабого эффекта пропаганды, как-то неловко было самому попросить об ее устранении. Обязательно было сослаться на «просьбы трудящихся». Генерал продолжал: «Следует отметить массовое недовольство сохранением в лагерях японских воинских порядков и произволом, чинимым офицерами, со стороны японских солдат-военнопленных. Недоволь-

ство это столь сильно, что во многих лагерях оно выливается в форму движения, выдвигающего основным требованием ограничение бесконтрольной власти офицеров, демократизацию существующей воинской дисциплины».

И, наконец, очередь дошла до изложения плана действий. Ввиду сложившихся обстоятельств и в целях дальнейшего развертывания политической работы среди японских военнопленных «возникает настоятельная необходимость отделить японский офицерский состав в специальных лагерях от солдатской массы военнопленных, поставив взамен офицеров во главе существующих в лагерях подразделений энергичных, пользующихся авторитетом руководителей из числа демократически настроенных солдат, способных обеспечить необходимую сознательную трудовую дисциплину взамен палочной милитаристической дисциплины, существующей ныне и препятствующей процессу демократизации японских военнопленных.

От такого рода замены командного состава производительность труда военнопленных нисколько не пострадает, а в некоторых лагерях даже увеличится, ибо, по имеющимся сведениям, в настоящее время нередки случаи саботирования выполнения производственных заданий со стороны ряда подразделений, руководимых реакционным офицерством». Таков был план и ожидаемый результат от его реализации.

Начальник ГлавПУ СА и ВМФ согласился с этим планом и обратился к министру внутренних дел с просьбой реализовать его. Однако и на высоком уровне произошло то, что обычно происходило и на местном уровне — МВД не было заинтересовано в каких-либо изменениях. Вот что ответил генерал Чернышов начальнику ГлавПУ СА и ВМФ: «Существующий в лагерях МВД СССР для японских военнопленных порядок, при котором сохраняются строевые подразделения во главе с младшими японскими офицерами — установлен постановлением ГОКО в 1945 году при организации лагерей для японских военнопленных.

Старший офицерский состав содержится в отдельных лагерях. С точки зрения обеспечения производительности труда, со-

хранения нормального физического состояния военнопленных и поддержания среди них дисциплины, этот порядок себя оправдал. Наиболее реакционно проявляющие себя среди солдат младшие офицеры из лагерей изымаются.

В целях усиления политической работы среди военнопленных, в том числе и японцев, при политотделе Главного управления МВД СССР по делам военнопленных и интернированных, согласно решению ЦК ВКП(б) создан отдел по антифашистской работе, а при лагерях — политотделы, на которые возложено проведение политической работы среди военнопленных⁶⁰.

Итак, почувствовав некоторые успехи в деле политической организации военнопленных и только в некоторых лагерях МВД и ОГБ МВС на территории Хабаровского края, и в некоторой степени Читинской области, политические органы пришли к логическому выводу о том, что без устранения офицеров и изменения взаимоотношений в лагерях достичь реальных результатов в проводимой политической работе невозможно.

Часть II.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ. 1947 ГОД

Глава 1.

Сопротивление в плену

Результаты первого периода плена позволили советскому руководству сделать вывод о том, что «наиболее реакционно настроенная часть японских офицеров и солдат в противовес нашим мероприятиям ведет враждебную нам агитацию, которая, надо полагать, находит свой отклик в среде наиболее отсталой части японских военнопленных». Невероятно, но факт — в условиях плена масса военнопленных солдат и офицеров не сломилась духом, а наоборот, оказывает сопротивление усиленным враждебным им, но стремящегося показать себя дружеским, советского правительства обернуть их в пролетарскую веру.

Самое невероятное, что это происходит на территории Советского Союза, где в силу наличия репрессивного аппарата НКВД всякое сопротивление было бессмысленно. Факт же остается фактом — сопротивление было. Молчаливое вначале, с продолжением плена оно приобретало формы, диктуемые жизнью. Сами формы были различны и видоизменялись от простых критических обсуждений советской действительности, что квалифицировалось как антисоветские выступления, до создания всевозможных группировок пленных, групповым и одиночным побегам, внедрению офицеров в так называемое демократическое движение в лагерях с целью снижения его эффективности. Организационно оформленного движения сопротивления, которое бы охватывало все лагеря, военнопленные создать не могли. Сделать это не позволяла обстановка. Однако наличие множества очагов сопротивления говорит о его масштабности.

Антисоветские выступления, выраженные в форме личного мнения в те годы, да в общем и во все годы существования советского государства, сурово карались. Не было и не могло существовать какого-либо другого мнения, высказывания и просто слов, которые не отвечали бы генеральной линии партии Ленина-Сталина. В советском обществе вы могли иметь свое мнение, но только то, что совпадало с политикой партии. За этим строго следили как партийные, так и карательные органы. Существовал и народный контроль, в том смысле, что в обществе был воспитан такой стереотип поведения, который не терпел плохих слов в адрес всего советского. Новое мнение, слово, термин в безмолвии советского общества звучало как эхо в горах. Оно выбивалось из общего хора советской пропаганды и заставляло обращать на себя внимание.

Судите сами, можно ли назвать реакционными высказывания поручика Комине Ичиро, командира роты, взятого в плен в городе Чаньчунь, о том, что вскоре он поедет домой и «ему не нужно демократическое движение». Или поручика Фунахаси Ивао, участника боев в Северном Китае в 1944—45 годах, награжденного орденом «Дзихо» и взятого в плен в г.Синьдзинь (Чаньчунь) — «проводившего антисоветскую пропаганду, высказываясь, что нет нигде такой бедной страны, как Советский Союз, где как ни в одной другой стране есть много воров». Рассуждения поручика Хата Сигехару о превосходстве демократии США над демократией в СССР и его вывод о том, что низкая демократия является свидетельством того, что в СССР нет настоящей свободы и справедливости, о которой так много говорят и, что все это обман и невежество, — также отнесенные к разряду антисоветской пропаганды.

Поручику Абе Кунисабуро, плененному на Курильских островах, бросилось в глаза, «что в Советском Союзе нет социалистической собственности, что в Советском Союзе отсутствует свободная торговля, что советская промышленность не производит минимума товаров, необходимых для населения, что в силу слабой экономики Советский Союз не может расцвести»⁸⁶. Подпоручик Асада Масао был категоричнее — «Бедному государству нечего соваться в международные дела». Подпоручик Куме Мицую среди офице-

ров делился мнением о том, что материал, публикуемый в газете «Нихон Симбун» о действительном положении в СССР — лживый. Очевидность такого подтверждается тем, как успешно выполнялся пятилетний план, и как в результате этого пополнялись полки магазинов предметами первой необходимости — полки были полупусты. К тому же люди, жившие в царской России, говорили ему, что раньше и жизнь была лучше.

Список реакционно настроенных японских военнопленных продолжают капитан Андо Сюдзи, капитан Эндо, поручики Иосинага, Хамадаэки, Канада, подпоручики Койдо, Кисида, Куроки, Цунода, прапорщик Тасиура, переводчик Хидака, Цатанабэ, старшина Маруяма, старшие сержанты Эдзакэ, Маяма, Мацуо, Сато, Фуноцу, Накасита из Тайшетского лагеря.

Реалистичный взгляд пленных на советскую действительность оказался не по душе начальнику управления репатриации генералу Голикову и он отмечает, что «отправка этой реакционной части солдат и офицеров в Японию в первую очередь не является необходимостью и даже может быть направлена нам во вред»⁸⁷. По его мнению, «отсев» наиболее реакционной части пленных необходимо было производить в лагерях МВД и направлять эту часть в лагери репатриации в последнюю очередь. Такая мера позволила бы проводить более длительную воспитательную работу с ними.

Глава 2.
Враг японского народа —
военнопленный особой категории.
Репрессии

Идеологическую нетерпимость в советском обществе можно объяснить неприятием идей, противоречащих главной идее коммунистической партии и навязанной ею при помощи государственного механизма народу. Есть множество идей противных человечеству. Все они ведут за собой действия, которые общество отвергло и не приемлет для своего развития. Здесь важно заметить, сама идея не наказуема — наказуемы действия, совершенные под ее влиянием. В области же политической борьбы доминирующая идея, или, иными словами, навязанная обществу идея, привлекает для своего утверждения любые способы, в том числе и насильственные. Такая ситуация характерна для любого вида диктатур. Свободное существование, борьба идей без насилия, утверждение их на основе общепринятого закона, в том числе нравственного, скажем не закона, а стержня жизнедеятельности общества, для диктатуры противопоказано.

В СССР было репрессировано за иносказания, за несоответствующие общепринятому стереотипу коммунистической идейности речи 3,5 миллиона человек, из которых 700 тысяч было расстреляно. Они были репрессированы не за действия, тем более политические действия по поводу отстаивания своих взглядов, а за неосторожно высказанные слова, противоречившие коммунистическому мировоззрению.

Во многом население СССР и японские военнопленные, их положение, было схожим — они находились в замкнутой среде, свободный поток информации отсутствовал, новости им подавались лишь отмерянными идеологической ложкой цензуры, для них не допускалась ни малейшая возможность проявления иного мнения. Если оно существовало — оно тут же преследовалось, подав-

лялось, а люди, явившиеся его носителями, репрессировались. И, в конце концов, идеологическое воздействие на военнопленных, в том числе и с помощью репрессий, осуществлялось тем же аппаратом, который работал со своим населением.

На опыте идеологической обработки японских военнопленных можно представить себе положение, в котором находилось советское общество. Железный занавес, доминирующая идея марксизма — коммунизм, партия, проводящая эту идею, репрессивный аппарат в виде НКВД с его лагерями, подавляющие любую «анти-советскую» идею, мнение, взгляд и преследующие даже за сомнения в истинности насаждаемой идеи. Мир разделен на наших и на ваших, своих и чужих. Отсюда и ярлыки — не наш, значит изменник родины и враг народа. Наш — значит истинный ленинец-сталинец. Так и у военнопленных — участник демократического движения в лагерях — «наш» человек, не участник, а тем более противник «демократов» — реакционер и более того — «враг японского народа». Кстати, военнопленным здесь повезло больше — в случае с ними дело до расстрела не доходило.

Репрессии были составной частью внутренней политики Сталина. При чем, большей частью они носили характер превентивного террора и были средством поддержания в массе народа всеобщего страха и «революционной» бдительности. Репрессиям подвергалось все и вся, что не соответствовало генеральной линии партии и ее вождя. К примеру, какую угрозу советскому строю представляли простые, пусть не похожие на остальные высказывания новобранца Советской Армии Дедыка Ивана Степановича, осужденного судом военного трибунала к 15 годам лишения свободы. Только за «родственные отношения», то есть за то, что отец рядового Грушака Иосифа Яковлевича, с оружием в руках отстаивал свои национальные убеждения в лесах Западной Украины, сын был приговорен к высшей мере наказания — к расстрелу⁸⁶. Они не соответствовали выработанным партийными органами нормам поведения советского человека, и поэтому их судьба была предопределена.

Система репрессивных мер распространила свое действие и на лагерь японских военнопленных. С первых дней плена прово-

длалась фильтрация пленных на предмет поиска военных преступников. С 1947 года по настоянию политорганов репрессии начали применяться для борьбы с сопротивлением пленным проводимой индокринации.

В директиве МВД СССР № Д—250 от 25 октября 1946 года говорится о противодействии «враждебных элементов» антифашистскому движению в лагерях военнопленных. Для ликвидации этого противодействия министр внутренних дел предлагал усилить агентурно-оперативную работу по выявлению и ликвидации «фашистских террористических групп и отдельных враждебно настроенных военнопленных», оказавших противодействие антифашистской работе в любой форме. Предусматривалось также улучшить саму антифашистскую работу, «направляя проверенных антифашистов на выявление и разоблачение враждебно настроенных элементов, которые препятствуют проведению агитационно-массовых мероприятий»⁶³. Чтобы перевести эти указания в практическую область, предлагалось разработать конкретные мероприятия по выявлению и пресечению «фашистских групп и отдельных фашистов». Однако, этого явно было недостаточно для того, чтобы преодолеть это противодействие.

Для преодоления идеологического, морального и психологического сопротивления пленным необходимо было предпринять решительную атаку на стержень армии — воинскую дисциплину и ее приверженцев, главным образом, офицеров и старых солдат. «Военнопленные особой категории» — именно так их именовали в официальных документах МВД СССР. К этой категории относили всех военнопленных без различий в воинском звании, всех, кто был сторонником японских воинских порядков, кто имел царя, т. е. императора в голове и не позволял себе сомневаться в его лучезарности. Такие пленные советскую пропаганду и рассматривали как пропаганду. Они разъясняли солдатам ее непорядочность и политический характер. Понятно, что первый удар должен был быть нанесен именно по этой категории военнопленных.

Инициатива армейских политических работников по изоляции «военнопленных особой категории» поставила МВД СССР в за-

труднительное положение — оно не имело в своем распоряжении готовых лагерей с особым режимом содержания. Безусловно, МВД занималось поиском среди военнопленных военных преступников, шпионов, работников военных миссий, лиц, служивших в полиции и жандармерии, и совершивших преступления против СССР и местного населения Маньчжурии. При этом, взгляды этих лиц МВД как-то не интересовали и в его лагерях, в отличие от ОРБ, находившихся в ведении армии, не занимались политическим сыском, хотя талант к этой работе и был, но не было достаточного количества знатоков японского языка.

Такое положение было нетерпимо для военных органов политической работы. Им удалось с помощью ЦК ВКП(б) убедить министра внутренних дел в необходимости изоляции военнопленных особой категории. В феврале 1947 года он издает директиву за № 0300, в которой предлагает отстранить от руководства солдатами всех офицеров, заменить их демократически настроенным активом. Помимо этого, вызвать всех антисоветски и реакционно настроенных военнопленных и изолировать их в лагерях особого режима. Тем самым узаконивалась работа по проведению чисток среди военнопленных по политическим мотивам. Теперь за несторожно сказанное слово любой из пленных становился не только реакционером, но и мог попасть в режимный лагерь, не говоря уже о том, если он открыто выражал свое недовольство существующим положением. Привычная для советских граждан система политического сыска теперь распространилась и на японских военнопленных и продолжала действовать в течение всего периода пребывания их в СССР.

Обвинением служили даже не действия, а слова, простые слова и личное мнение. К примеру, капитан Фузикава, врач, как пишется в одном из донесений, доказывал в узком кругу, что японская культура — самая высокая в мире, а японская медицина — самая лучшая в мире, противопоставляя «лучшую» японскую систему советской. Безусловно, были приняты меры по его изоляции от массы военнопленных, видимо за нескромность. Такая же участь постигла и офицера Тадаима, который «проводил среди военноп-

ленных антисоветскую работу, клеветал на советскую систему, защищал японский милитаризм, императорский строй и в целом капитализм как идеальную систему». Целый букет преступлений. За это ему была прямая дорога в 14-е лагерное отделение 99-го лагеря МВД в Караганде.

Трения между армейскими политработниками и репрессивными органами МВД наблюдаются и в вопросе о том, кто подпадает под категорию «самураев». За основу, допускавшую применение репрессивных мер, политработники брали любые проявления в поведении военнопленных, не соответствовавшие норме, в том числе и высказывания. В то же время, органы МВД смотрели на этот вопрос несколько иначе. Подход МВД был выражен в письме начальника оперативного (чекистского) отдела 14-го лагеря, адресованного армейским политработникам Приморского военного округа. В частности, он сообщал, что «нами ... в реальный лагерь направляются только те лица, которые изобличаются как военные преступники, подлежащие суду военного трибунала», и остальным же должны применяться меры административного воздействия⁶⁰. Правда в этом правиле было много исключений.

Приказ 0300 предусматривал также изъятие из лагерей советских солдат и офицеров, которые скомпрометировали себя в отношениях с военнопленными и совершивших другие должностные преступления. Кстати в Приморье таких было изъято 23 офицера, 17 сержантов и 47 рядовых⁶¹. Изымались они за воровство, поборы и побой военнопленных. Однако не только за это. Самых политработников чистили по «политическим» мотивам. В этом отношении показательна судьба офицера Зусина. «О полной потери политической бдительности со стороны инструктора 553-го ОРБ младшего лейтенанта Зусина», — писали о своем товарище политработники, — «показывает нижеследующий факт. Военнопленные, разгружая советский пароход, прибывший из Японии, принесли в батальон газеты, но т. Зусин не обращал на это никакого внимания. И лишь после того, как один из активистов сказал т. Зусину о том, что газеты, читаемые военнопленными, изданы в Японии, они были собраны и оставлены в комнате антифашистского

комитета. Члены АФК продолжали чтение этих газет. Сам т. Зусин этому факту не придал никакого значения, а даже наоборот, сказал: «Пусть читают, лучше поймут международную обстановку»⁹⁹. Беспринципная позиция офицера была не по нраву высокому руководству. К тому же у т. Зусина «не было лиц для лагерей МВД». Как следствие, офицер был исключен из рядов ВКП(б) и уволен из вооруженных сил.

1947 год стал годом организационного оформления репрессивной системы и годом начала активной ее деятельности. С получением приказа 0300, кстати, его действие было распространено и на лагеря и ОРБ МВС, началась планомерная и последовательная работа по проверке всех пленных, занимавших какие-либо посты в батальонах и, естественно, началась замена и изоляция тех из них, кто занимался «активной реакционной деятельностью». В июле 1947 года из ОРБ Дальневосточного военного округа было изолировано 96 японских офицеров¹⁰⁰. В период кампании по проведению чисток с 24 ноября по 18 декабря 1947 года в ОРБ Приморского военного округа было выявлено и изолировано 350 «замаскировавшихся реакционеров, занимавшихся открытой реакционной и антисоветской деятельностью»¹⁰¹. В их числе было 188 кадровых офицеров. Если поручик Куба Тадео был арестован за то, что являлся сотрудником японской военной миссии и закончил разведшколу в Харбине, то военнопленный Нисида Сосаку — за то, что был сыном «крупного помещика, имевшего 50 га земли и ряд заводов». Получается, что состава преступления у них нет и не было, и если еще можно понять за что арестован первый из них, то почему второй — трудно. Впрочем, понятно — он был классовым врагом.

Это было начало. Работа же продолжалась. В первом квартале 1948 года комиссией политуправления войск на Дальнем Востоке был проверен состав военнопленных, занимавших административные должности. В результате этой работы было выявлено 572 человека, «проводивших подрывную работу». Из этого количества 365 человек были отправлены в режимный лагерь МВД. Однако, уже в июне 1948 года, пришлось еще арестовать 96 чело-

век, а в сентябре оперуполномоченными ОПВИ УМВД Приморского края было арестовано 123 «реакционно настроенных военнопленных, которые как не подлежащие репатриации» были отправлены в особо режимный лагерь МВД №16. Та же участь постигла еще 248 военнопленных, арестованных в октябре 1948 года. За годы репатриации в 380-м транзитном лагере было задержано и отправлено в режимные лагеря 665 человек.

Как обычно, после таких донесений добавлялась фраза, что после чистки политико-моральное состояние в лагерях и ОРБ значительно улучшилось или, что чистка плодотворно сказалась на усилении политической работы среди военнопленных и на расширении демократического движения. И это правда, как правдой является и то, что снесенная голова вырастала вновь, что «эта работа еще далеко не закончена». Все же не так легко было выкорчевать из сознания людей их вековые традиции и принять им «заразу большевизма», как любил выражаться по поводу работы с военнопленными вождь мирового пролетариата товарищ Ленин.

Работа по изоляции противников советского строя не ослабевала до последнего дня плена. На заключительном этапе советское правительство в феврале 1949 года приняло решение завершить вылавливание реакционных военнопленных и оставить в лагерях только тех лиц, на которых имелись компрометирующие материалы. В ходе проверки было выявлено и освобождено из режимных лагерей 1 664 ни в чем неповинных военнопленных. Упорядочилась и система этих лагерей — ликвидировались малочисленные, а их обитатели сосредоточивались в одном месте. Таких мест было немало. Окончательно сложившаяся система режимных лагерей представляла собой разбросанную по всей территории Советского Союза паутину. Всего осталось 12 лагерей с военнопленными особой категории, наряду с 4 тюрьмами с осужденными пленными. Во всех этих лагерях до последнего дня плена находилось около 10 тысяч человек, на которых было собрано достаточное количество компрометирующих материалов и которые ожидали суда военного трибунала. Для более чем семи тысяч лиц особой категории август 1950 года оказался счастливым — собранные на

них материалы оказались недостаточно компрометирующими. Остальные «реакционеры» были приговорены военными трибуналами к различным срокам лишения свободы.

Принятые советским правительством меры по политической индокринации японских военнопленных имели свой успех среди определенной их части. Это произошло и благодаря тем насильственным приемам идеологической борьбы, которые применялись в лагерях.

Глава 3.

Японская воинская дисциплина — основа устойчивости армии

Именно так считали японские офицеры находясь в плену. Они видели свою задачу в поддержании уже не высокого уровня боевой готовности, а в усилении моральной устойчивости войск, их верности японским воинским традициям. Конечной целью их усилий было желание вернуть в Японию морально здоровых солдат. В связи с этим, становится понятным их сопротивление советским усилиям по политическому перевоспитанию пленных.

Особенность воинской дисциплины в японской армии тех лет заключалась в том, что офицер в ней выступал как олицетворение императорской власти. Сам же Император для каждого японца — это олицетворение Бога на Земле. Поэтому сила офицеров, поддерживаемая высоким авторитетом Императора, была неограниченной несмотря на то, что по существу армии как таковой не существовало, а разрозненные ее подразделения находились в плену. К тому же советская администрация лагерей, в отличие от политических работников, была заинтересована в фанатичном повиновении японских солдат своим офицерам и поддержании ими дисциплины в батальонах. Тем самым оно возлагало всю ответственность за выполнение производственных заданий на японских офицеров.

Палка в руках японского офицера в лагере была неотъемлемым элементом, а ее применение на построениях или поверхах было обычным явлением. Офицеры, несмотря на то, что они находились в плену, носили знаки воинского различия и заставляли носить их и своих подчиненных. Солдат, проявлявших недовольство существующим положением, вызывали к себе в штаб на беседу, в ходе которой необходимые нормы солдатского поведения внедрялись с помощью физического воздействия.

Больше всего доставалось тем, кто занимал просоветскую позицию. Военнопленный солдат Сакаи Кийоси рассказывал, что

«отношение офицеров японской армии к нам, солдатам, несколько не изменилось даже в советских лагерях. Особенно жестоко обращался с нами старшина Каваками Сигэо, имевший тесную связь с реакционно настроенным офицерством лагеря ... Солдат, обнаруживших тяготение ко всему новому, увиденному в СССР, зверски пытали, лишали нормы питания, давали самую тяжелую работу. Фамилии подобных солдат заносились в записные книжки японских офицеров. Русские офицеры, получая извращенную информацию о демократически настроенных солдатах от офицеров бывшей японской армии, поддерживали все это»⁹⁵.

Подобное происходило повсеместно. Комбат Икеда заподозренных в сочувствии к коммунизму солдат доводил до изнурения, а затем со связанными руками ставил у столба на ночь. По свидетельству солдата Такай, многие из них умирали, во всяком случае, как он утверждал 28 человек умерли. Подобный вид наказания получил название «Асацуки ни инору» (молиться Богу на рассвете). В другом лагере, расположенном в г. Чкалов, был наказан солдат Мимоями. Его со связанными руками привязали к столбу за шею. В таком положении он простоял двое суток и только после вмешательства замполита батальона от этого наказания он был освобожден и посажен в карцер. К сожалению, Мимоями не выдержал такого наказания и унижения и решил бежать. При попытке к бегству он был застрелен часовым. У него нашли письмо, в котором он сам просил убить его..⁹⁶

В 1946—1947 годах японским офицерам удавалось держать свои подразделения и солдат в повиновении. Приведенные примеры жестокого обращения с подчиненными свидетельствуют о том, что для этого им приходилось принимать неординарные меры. Однако, такое явление не прошло мимо внимания советских политработников, и они решили использовать его в своих целях. На страницах газеты «Нихон Симбун» началась пропагандистская кампания по дискредитации японских офицеров и порядков, поддерживаемых ими. Так как для газеты нужен был материал, то его организовывали на местах в виде коллективных писем и заявлений. Выслушав рассказы солдат о житье-бытье, политработники

составляли или помогали составлять такие письма. Это легко узнать хотя бы по стилистике письма. Вот, к примеру, письмо, написанное 1496 военнопленными, вернее подписанное ими. В письме они пишут: «Офицеры бывшей японской армии, находившиеся вместе с нами в 51-м лагерном пункте 22-го лагерного отделения 7-го лагерного управления (проще говоря лагеря МВД №7 в г. Тайшете), относились к нам также, как и до капитуляции. То же рабское повиновение им, унижения и оскорбления, избиения. В нас всячески поддерживали сознание нашего ничтожества перед офицерами японской армии». Чего же они хотели? «Мы военнопленные, ... просим устранить перечисленные выше безобразия, освободить солдат из-под офицерского ига и ускорить демократическое движение среди солдат и офицеров, возненавидевших старый императорский строй и изуверскую систему милитаристской японской военщины».

Столь жестокий режим отношений в плененной японской армии, безусловно, не был необходим. Он был определен историческими традициями. Однако, появление особых жестокостей было вызвано попытками политического влияния на военнопленных и желанием офицеров оградить своих подчиненных от процесса советизации. Они понимали, что под лозунгами демократизации лагерной жизни проводится политическая переориентация солдат.

Нельзя сказать, что японские офицеры не допускали и мысли о смягчении лагерной дисциплины. На это они имели свою точку зрения, которая была отличной от той, которой придерживались политработники. Если политработники хотели сознательно демократическую дисциплину построить на советских стандартах, то офицеры как раз этому противились и старались сохранить элемент национального в дисциплине и в жизни солдат.

Глава 4.

Антисоветские группировки военнопленных

По имеющимся в МВД СССР материалам было установлено, что среди военнопленных «реакционно настроенный элемент проводит в законспирированной форме враждебную работу, направленную против СССР. Это относилось к пленным немцам и румынам. Так, среди пленных офицеров — немцев проводилась работа по подбору преданных и способных военных кадров, готовых участвовать в восстановлении германской армии. Подбор таких кадров преследовал цель по возвращению из плена на родину использовать их для подрывной деятельности, направленной против советских оккупационных войск, находящихся в Германии.

Среди военнопленных румын «профашистский элемент» проводил активную антисоветскую деятельность путем распространения листовок, содержание которых было направлено против СССР и румынского демократического правительства. Кроме этого, методом угроз офицеры заставляли военнопленных выйти из антифашистского движения.

Спустя некоторое время, подобные явления были вскрыты и в среде японских военнопленных. Инициаторами и руководителями враждебной работы были опять же офицеры. «Питая надежду на возникновение новой войны между СССР и англо-саксами, они рассчитывают, что Германия и Япония будут принимать активное участие в этой войне на стороне англо-американского блока»⁵⁷.

Исходя из этого кадровые офицеры проводили идеологическую обработку военнопленных и, в первую очередь, молодых офицеров, усиленно пропагандируя среди них идею реванша и борьбы за возвращение старого порядка в Японии. Для этого руководители офицерских группировок привлекали на свою сторону и других пленных. Маскируя свою деятельность и используя возможности лагеря они создавали различного рода кружки по изучению истории, религии, иностранных языков и т. п.

Кетцумей Дан

В апреле 1947 года специально созданная бригада отдела специальной пропаганды политического управления Забайкало-Амурского военного округа во главе с майором Базилевичем и старшим лейтенантом Пуциным, а также трех японцев-активистов по приказу начальника политуправления была откомандирована из Хабаровска в Находку для работы в лагере репатриации. Перед бригадой ставилась задача помимо оказания помощи командованию лагеря в организации и проведения политической работы среди пленных, также и выявления реакционно-настроенных «элементов».

По прибытии в лагерь бригада подобрала из числа активистов группу, которая должна была посредством групповых и индивидуальных бесед выявлять актив и реакционеров среди прибывавших эшелонах с репатриантами. В обязанности этой группы также входило определение степени политической подготовки прибывших в лагерь «контингентов».

Усилиями этой группы, среди прибывших из 1-го лагерного отделения 128-го лагеря МВД в г. Барнауле военнопленных, была выявлена группа «Кетцумей Дан» (Кровавая месть). Свою историю эта группа начинает с августа 1946 года, когда в этом лагерном отделении был организован кружок «Сюэцзин». Члены этого кружка начали читать для пленных лекции, — рассказывал руководитель демократической группы 126-й роты Судзун Сидзун, — эти лекции слушали немногие и они не имели успеха. Вся работа этого кружка, кроме лекции, ограничивалась изучением статей, помещенных в газете «Нихон Симбун». Вскоре кружок сменил свое название на «Синдзинкай» и стал демократической группой. В составе этой группы было 13 человек.

Однако она не имела большого влияния среди военнопленных и не пользовалась их поддержкой. Офицеры по отношению к этой группе занимали нейтральную позицию, остальные пленные предпочитали играть в карты.

Перелом в общественной жизни лагеря произошел в январе 1947 года, когда командир батальона подпоручик Судзуки был отстранен от должности и на его место был назначен солдат Хаяси Минору — старший демократической группы «Синдзинкай». Приехавший из Новосибирска советский офицер отстранил от должностей вместе с комбатом и всех командиров рот, а на их место были поставлены солдаты, безусловно активисты.

После этого создалась благоприятная обстановка для развертывания демократического движения. Новый комбат и одновременно местный партийный руководитель в первую очередь повел борьбу с любителями игры в карты. Он потребовал от ефрейтора Мураками Исаму прекратить азартные игры. Нереализованный свой азарт Мураками направил на создание из своих единомышленников группы «Кетцумей Дан» в противовес демократической группе. Однако в начале идейный руководитель группы Моривака Такеичи выдвинул лозунг демократизации жизни в лагере и сотрудничества с красными демократами.

Ситуация продолжала развиваться в данном русле. По рассказам Накацукаса Акира, руководителя демактива 124-ой роты (командир роты Нада Гити), в январе месяце офицеры лагеря были откомандированы, а на их место прибыли офицеры из 5-го лагеря. Подобная ротация объясняется тем, что еще не был отлажен механизм изоляции снимаемых с должностей офицеров. Этот вопрос был разрешен лишь в феврале 1947 года. На этом этапе считалось, что подобная замена своих на чужих офицеров приведет к снижению их роли в жизни военнопленных.

Офицеры, вернее часть из прибывших офицеров, оказались старыми зубрами Квантунской армии. Они сразу же взяли под свое влияние группу «Кетцумей Дан» и стали направлять ее на противодействие группе «Синдзинкай». Члены группы Мураками Исаму поддержали офицеров и повели борьбу с непопулярными демократами. Направляемые майором Сато Ёсабуро, они начали ратовать за сохранение дисциплины, т. е. беспрекословного выполнения приказа японского офицера, за развал демгруппы. Они срывали лозунги, плакаты, газеты, запрещали солдатам вступать

в состав демгруппы, запугивали актив, и нередко избивали его. Многие члены группы «Кетцумей Дан» имели на руках татуировку иероглифа «кровь». Такой же знак был у них и на портсигарах.

Разборки с группой Мураками носили на себе одновременно отпечаток японских обычаев и практики партийной критики в СССР. Их началу послужил случай, произошедший 27 апреля 1947 года. В то время в 380-м транзитном лагере ощущался недостаток воды. У единственного колодца, вода которого предназначалась для мытья посуды и других бытовых нужд, собиралось большое количество военнопленных. Солдат Кадзихара, прибывший из 128-го лагеря, приказал одному из солдат дать ему котелок. Получив отказ Кадзихара грубо толкнул солдата и взял из его рук котелок, заявив при этом: «Нужно повиноваться, когда говорит активист». Солдат, у которого отобрали котелок, пришел к членам совета актива и заявил о происшедшем. Оказалось, что Кадзихара не тот активист и не входит в круг демократов, следовательно, с ним нужно разобраться.

Для этого актив вызвал комбата рядового Хаяси Минору и предложил ему обсудить поступок Кадзихара с тем, чтобы разоблачить его перед военнопленными, как человека не имеющего никакого отношения к демократическому активу. Собрав солдат своего батальона, Хаяси Минору резко осудил этот поступок и все действия группы «Кетцумей Дан». Критика поступка переросла в критику группы. О солдате Кадзихара забыли и назначили на руководителя группы Мураками Исаму.

Того опыта, что был у советских коммунистов, у военнопленных не было и, покинув практику партийной критики, общее собрание перешло к японским традициям. Оно заставило Мураками признать свои ошибки, написать «клятвенное письмо» и скрепить свои слова кровью, поставив кровавый отпечаток. Что и было сделано — Мураками отрубил себе палец и поклялся бороться за освобождение рабочих масс, за создание новой демократической Японии.

Эта клятва, залитая кровью Мураками, хранится в Центральном архиве Министерства обороны России, что расположен в г. Подольске. Вот ее текст:

«Я, Мураками, на протяжении своей 20-ти летней трудовой жизни был наполнен решимости отдать свою жизнь делу человечества, памятуя о том, что долг каждого мужчины — спасение масс. Обо всем этом я и разъяснял членам своей группы. Однако, вопреки своей воле, опьяненные юношескими бессознательными порывами, члены группы часто совершали неправильные действия, которые сейчас и обсуждаются массой. Я не могу выразить всю тяжесть своего душевного недуга и всей горечи своего раскаяния.

Безусловно, черная тень позора лежит на моей совести. Я неправильно руководил своей группой. Признавая это, я извиняюсь перед массой, ибо я глубоко осознал всю ошибочность своих действий, во мне пробудилось чувство большой ответственности перед лицом масс.

Кровью своей скрепляю я свою клятву. Клянусь, что члены группы встанут на путь истины и будут настоящими патриотами — борцами за построение новой Японии.

Господину Хаяси Минору Мураками Исаму. 30 апреля 1947 года»⁹⁹.

Этой группе еще повезло. 12 мая она уехала домой, за исключением старшего унтер-офицера Мориваси Такенчи и младшего унтер-офицера Коноэ Сигеси, которые опергруппой МГБ СССР были оставлены в лагере для проверки. Суть этого дела докладывалась в ЦК ВКП(б) 10 сентября 1947 года. Проверки по этому делу проводились вплоть до 1949 года.

Дело врачей

История с группой «Кетцумей Дан» продолжилась в апреле 1949 года, когда антифашистским комитетом 4-го лагерного отделения 53-го лагеря было перехвачено письмо, написанное врачом этого отделения подпоручиком Фудзии Таку и адресованное старшему врачу отделения капитану Кохината Кадаэю. В этом письме Фудзии писал, что «я действую так, как было условлено с вами», и что «сейчас антифашистский комитет усиленно проводит работу

по проверке моей принадлежности к террористической группе «Кетдумей Дан», и он предупреждает Кохината, чтобы тот был осторожен в своих действиях и никому не рассказывал об этом письме⁹¹.

После перехвата этого послания в лагере немедленно было проведено расследование, в результате которого было установлено, что часть лиц, принадлежащих к этой организации находятся и в других лагерных отделениях. У самого капитана Кохината 15 апреля 1949 года в оправе роговых очков были обнаружены бумаги, в которых были записаны фамилии умерших пленных и здесь же был список на 25 человек, входивших в эту организацию в Барнауле. В этот список были занесены фамилии большинства врачей 53-го лагеря: сам Кохината, Фудзиси, Кубо, Ямагучи, Коно, Хедо, Сибата. В записях нашли также наименования железнодорожных станций от Харбина до Барнаула и даты проезда этих станций. Текст был написан очень мелко красными чернилами на папиросной бумаге.

16 апреля об этом факте командование поставило в известность оперативно-чекистский отдел 53-го лагеря. Кохината в тот же день был арестован и допрошен. В результате проведенного следствия было установлено, что он является «крупным шпионом японской разведки», который создал террористическую фашистскую группу, целью которой была организация саботажа на производстве, терроризация демактива и убийство его руководителей, а также убийство советских офицеров из числа администрации.

Кроме Кохината было арестовано еще 12 человек, входивших в состав этой группы. Следствие установило, что находясь в 53-м лагере с осени 1948 года, эта группа активно не действовала, а готовилась развернуть свою работу по возвращении в Японию, чтобы там расправиться со всеми активными участниками демократического движения в лагерях. Все арестованные были изолированы в режимную зону лагеря, в которой помимо них находилось еще более ста человек.

Группа генерала Цуцуми

С появлением в лагерях «фашистских террористических организаций», групп и листовок, призывавших военнопленных быть верными «захватническим идеям японского империализма», — одна из них была написана военнопленным Фудисадо под диктовку командира роты капитана Накагава¹⁰⁰. МВД предложило администрации лагерей усилить агентурно-оперативную работу по своевременному вскрытию таких групп. Подобная настойчивость приносила свои плоды. Агентурным путем, проще говоря — по доносу, в августе 1947 года была выявлена группа офицеров японской армии, которую возглавлял генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки. В свое время он был командующим северной группировкой войск на Курильских островах. В эту группу входили генерал-майор Сато Масаджи, до плена командир 74-й пехотной бригады и участник экспедиции в Сибирь в 1919 году, полковник Янасака, майор Сундзи Мицура, капитан Сицдо и поручики Какути и Кисучи.

Благодаря усилиям неизвестного «доброжелателя», сегодня мы можем узнать цели и задачи этой группы, которые заключались в подборе из числа военнопленных японцев надежных людей с помощью которых, после возвращения в Японию, предполагалось развернуть работу за восстановление старой Японии. В задачу группы входило также препятствование распространению среди военнопленных коммунистических идей и воспитание военнопленных солдат и офицеров в духе преданности Императору.

На собраниях этой группы, проходивших под видом чтения лекций, генерал Цуцуми в одном из своих выступлений говорил, обращаясь к присутствующим: «Япония должна быть милитаристской. Милитаризм в Японии возник с давних пор и мы должны восстановить древнейшие традиции и принять участие в организации Японии, как самой сильной державы в мире. Для создания превосходства необходимо, чтобы искусство, философия и религия были пропитаны духом милитаризма». Полковник Янасака добавил: «Идеал нашей новой Японии — восстановление всего того, что бы-

ло. Бог нам, его детям, давно указал, что мы должны построить новую Японию. Читая приказ Императора, мы должны свои души уподоблять его душе»¹⁰¹.

Не только словами заканчивалось дело в других случаях. Офицер Анеко Иосио во время работы на шахте в Караганде избил главного инженера шахты Кенсбаева и десятника Каненова, задевше-го честь его мундира своим некорректным поведением. Фельдфебель Кадикава с 40 своими единомышленниками не нашел другого способа прекращения «красной пропаганды», как ворваться в помещение, где проводилось совещание демократического актива и нанести побои 7 военнопленным-активистам. В результате налета командиру батальона ефрейтору Аземита Набуси была проломлена голова и повреждена рука. Руководитель актива солдат Кузуме Тарихита и другие отделались легкими ранениями.

Доносы активистов

Подобные случаи дали понять органам МВД, что центр борьбы находится не в поисках шпионов и разведчиков, а в области идеологии, в свержении вековых идеалов и представлений о поведении солдат и офицеров японской армии. Свойственным этому ведомству способом, предлагалось улучшить политику-массовую работу среди военнопленных, «направляя проверенных антифашистов на выявление и разоблачение враждебно настроенных элементов, которые препятствуют проведению агитационно-массовой работы».

Побуждение к доносительству со стороны репрессивных органов в СССР было обычным явлением. Ржавчина страха и подозрительности, рвения в поисках врагов во всех и во всем, удушливая атмосфера ночных арестов, тщательных допросов и напряженности распространилась и в лагерях японских военнопленных. Доносы стали неотъемлемым элементом жизни в лагерях. Примерно это выглядело так: «В собственноручном заявлении, поданном оперативному работнику, Иосизаки сообщает: военнопленный Сугахара Кикию хотя и вошел в демократическую группу, в

действительности он настоящий милитарист. Несомненно дней назад Сугахара говорил мне, что он вступил в группу для того, чтобы познакомиться с ее работой, а впоследствии настоящих демократов уничтожить. Он говорил также, что мы должны уничтожить демократию и восстановить в Японии милитаризм¹⁰⁹.

Разные причины побуждали военнопленных идти на мнимое сотрудничество с оперчеккистскими работниками. Главное место среди всех причин занимает идеологическая. Не многие понимали сущности политической игры в советскую демократию и предлагаемого им нового светлого учения. Они были дезориентированы, видимо, как Иосизаки. Но были военнопленные, которые, добившись некоторого признания со стороны советского командования в силу их приверженности коммунистическим идеям, стали вершить суд над своими товарищами.

Если на первых порах разоблачение реакционных элементов носило более или менее стихийный характер, то с расширением демократического движения в лагерях оно стало одной из главных задач для актива, который, по признанию советской стороны, «по собственной инициативе деятельно помогал в этом отношении» лагерной администрации и оперативным органам МВД в лагерях. Одновременно актив по каждому случаю разоблачения вражеских элементов проводил разъяснительную работу в массах. Усилиями актива были раскрыты группы подпоручика Сигэо Хамада, Мацуо Фудзита, «Цисакүра» (Кровавая вишня) во главе с Дайдэо и Кондо, а также группа Уэяма. В 380-м лагере репатриации в течении 1949 года с помощью актива оперативные органы МВД изъяли и изолировали 116 человек.

Прибывшие на различные курсы демократического актива военнопленные, опрашивались на предмет политико-морального состояния лагерей, из которых они прибыли. Это выглядело примитивно, вроде как — солдат Тейдзима заявил, что руководитель демгруппы лагеря лейтенант Кобаяси, «окончивший университет, убежденный идеалист и реакционер». В совокупности такая информация раскрывала состояние работы в лагере и позволяла делать выводы и принимать решительные меры. Зачастую, в опросе

активистов принимали участие особо доверенные военнопленные, как Судо Норимити, который был в числе 40 активистов при редакции газеты «Нихон Симбун». Он был прикомандирован Хабаровским ОПВИ на курсы преподавателем, а затем стал их руководителем. Военнопленные Нисида Сосаку, Имаи Кацутоси, Сагато, Морото и другие не соответствовали, понимаемому Судо, уровню политического самосознания.

Непримиримость активистов и их политическая индокринация зашли так далеко, что последние отказывались ехать домой на одном корабле с офицерами, которые ранее с их помощью были отправлены в режимные лагеря. Члены антифашистского комитета во главе со старшим унтер-офицером Сайто Содзи попросили отставить их отправку из-за этого до следующего парохода.

«Общество друзей народа»

В 568-м ОРБ офицеры Хасимото и Хариути создали группу «Общество друзей народа», в которую входило 30 офицеров. Офицеры хорошо организовали производственный процесс в батальоне. Все они сами ходили на работу и добивались выполнения норм. Однако это не устраивало политработников, так как офицеры не разделяли их взглядов. Они говорили: «Мы военнопленные. Мы не можем сопротивляться вооруженным советским солдатам. Если мы будем хорошо работать, то советское командование быстрее возвратит нас на родину»¹⁰³. Офицеры игнорировали пропагандистскую работу и препятствовали развитию демдвижения среди солдат. Когда активисты, окончившие курсы деактивации начали вести политработу среди масс, члены «Общества» встретили их в штюки. Апеллируя к массам, они говорили: «Лозунг уничтожения императорской системы в Японии еще не время выдвигать», «Шумиха политической пропаганды вредит производственной работе» и т. д.

Пронинструментированные на курсах активисты знали, что им нужно делать в таких случаях. С их помощью политработники расправились с офицерами — им «удалось разоблачить этих лжедемократов и вывести батальон из-под их влияния».

«Лжедемократы»

Одной из форм сопротивления офицеры считали руководство демократическим активом. Они допускали возможность существования демократических групп при условии, что они будут их возглавлять и контролировать. Им не составляло труда, используя свой авторитет, возглавить группу. В тех местах, куда политработникам было трудно добраться, это движение не имело ничего общего с той пропагандой, которая велась через газету «Нихон Симбун». В лагерях №7 (Тайшет), № 508 и 525 (Анжерка, Кемеровской области), № 32 (Иркутск) дело обстояло именно так.

Такие руководители демократического актива и демократических курсов лагерей сознательно подрывали авторитет «Нихон Симбун», не доводили до масс особо важные номера этой газеты, умышленно тормозили движение за создание антифашистских комитетов, мотивируя это тем, что «АФК нужны только в тех лагерях, где еще не проведена антимилицаристская борьба. Мы создадим у себя другую систему, — говорил военнопленный Окамото, — а «Нихон Симбун» издается для других лагерей и для нас она совершенно не нужна». В условиях советской системы создание какой-либо иной системы не предусматривалось.

Несмотря на то, что командир 556-го батальона капитан Нагатаки из-за этого был смещен со своего поста, его линию продолжил руководитель демгруппы 2-ой роты этого батальона Накагава Такаси. Последний проводил явно антисоветскую пропаганду — во время читки газеты советского командования в одной группе военнопленных, он так резюмировал статью о Курильских островах: «Курильские острова принадлежат Японии и будут ей принадлежать». Другой «демократ» из этого батальона, Тамоцу, в день рождения Императора — 29 апреля — организовал среди военнопленных принесение присяги Императору, как это уже было в этом батальоне в 1946 году.

Непримиримые

Наиболее ярко их позиции, взгляды и характер выражены военнопленным Танако Тосио. Не чувствуя ни тени страха в беседе с политработником, он заявил: «За 4 года жизни в СССР я ни разу не читал газет, ни брошюр, ни художественной литературы. Я ненавижу всех тех, кто говорит, что нужно свергнуть императорскую систему. До пленения все японцы были одинаковы в смысле уровня их политических убеждений. Сейчас же, некоторая часть японцев изменила свои политические взгляды и кричит: «Тенно сей да-то» (долгой императора). Я считаю таких людей предателями, потому, что они изменили свои взгляды и предали Императора. А всех участвующих в демократическом движении я считаю собаками и убежден, что они участвуют в демократическом движении только для того, чтобы скорее вернуться домой.

— Меня здесь, по вине некоторых демократов, считают реакционером и советская администрация не отпускает меня на родину. Если я только вернусь на родину, то я буду избивать этих демократов и, разумеется, в тюрьму не попаду, потому, что такими действиями я буду защищать Императора, а тех, кто защищает Императора, американцы в тюрьму не сажают. Однако, если и посадят меня в тюрьму, то я буду доволен, так как рад пострадать за Императора!»

Когда военнопленному Танака сказали, что глупо так рисковать своей жизнью ради Императора, который является марионеткой в руках американцев и врагом японского народа, он ответил, что это ему неизвестно и он все равно считает для себя честью умереть за Императора, который является необходимостью для Японии.

«Я ненавижу русских не как людей а как представителей Советского Союза.... Среди русских большинство плохих людей. Они тащат с производства государственное имущество и затем продают его. Все ругаются матом. Я уверен в том, что японская система превосходит социалистическую систему государственного устрой-

йства и считаю, что нет необходимости производить в Японии какие-либо политические изменения...

Видя заранее, что меня советская администрация не отправит в Японию, я послал с ранее вернувшимися товарищами из Ташкента обрезки своих ногтей с тем, чтобы они передали моей матери и сказали ей, что «твой сын боролся и погиб за Императора». Но когда я точно узнаю, что советская администрация не отправит меня на родину, тогда я с лозунгом «Да здравствует Император» сделаю себе харакири»¹⁰⁴.

Другие непримиримые были вскрыты в лагере № 6. Это была группа офицеров, которая действительно имела название «Непримиримые». В нее входили подполковник Эгучи Кадзуо, майоры Мори Минзо и Сузуки Минору, капитан Таганаяки Ясуичиро, старшие лейтенанты Мацуси и Хори. Преступность этой группы заключалась в том, что она «восхваляет императорский строй Японии и ее захватническую политику, проповедует реваншистские идеи и неизбежность войны между СССР с одной стороны и Англией и Америкой, с другой».

Аналогичные по характеру «враждебной деятельности реакционные группы» были вскрыты в целом ряде других лагерей МВД и ОРБ. Естественно, что советская сторона, имея репрессивную систему, не могла терпеть такого положения и принимала меры к ликвидации таких и подобных ей групп и изоляции отдельных пленных.

Глава 5. Организационное укрепление и дальнейшее развитие демократического движения

Функционеры

Использование репрессивных мер осуществлялось в целях устранения препятствий и создания условий для масштабных политических мероприятий в среде военнопленных. Спецполитработники стремились расширить сеть активистов из самих военнопленных и тем самым создать из разрозненных антимилитаристских групп широкое демократическое движение. Право, сами активисты недопонимали того, что факт выхода из среды японской военной корпоративности не означал, что они переставали быть военнопленными.

К началу 1947 года положение сложилось таким образом, что это движение развивалось в замкнутом цикле как внутрилагерное. Оно не имело связей с группами активистов в других лагерях. Разобщенность и отсутствие таких связей не способствовали развитию движения и расширению политического влияния на военнопленных. Успехи одних лагерей не становились достоянием других, ошибки, допущенные в одних лагерях, не предупреждались и повторялись в других.

Естественным образом перед советским командованием встала задача закрепить достигнутые активом в прошедшем 1946 году успехи и устранить все то, что мешало дальнейшему развитию демократического движения. В первую очередь рост движения всецело обуславливался развертыванием политической работы среди военнопленных.

Для усиления политической работы было произведено укрепление инструкторского состава лагерей. Туда направлялись офицеры, прошедшие языковую подготовку, и изымались неблагона-

дежные и непрофессионалы. Создание политотделов в лагерях МВД не только расширило сеть политических органов, но также способствовало организационному укреплению политической работы. Советская сторона предпринимала усилия для создания подобных аппаратов по политической работе и в самой массе пленных.

Это было сделано в соответствии с директивой МВД СССР №112 от 7 июня 1947 года¹⁰⁵. В целях повышения организующей роли и обеспечения «деятельного участия» антифашистского актива в проводимой среди пленных политико-воспитательной и культурно-просветительской работе предлагалось создать при политических отделах лагерей группы из числа активистов, «подготовленных для ведения пропагандистской работы». Эти группы предусматривалось держать под рукой в ближайших от политотдела лагерных отделениях. Политотделы лагерей 1-го типа имели право на 10 функционеров, 2-го типа — 5 функционеров. Для них вводились следующие должности: руководитель антифашистского актива; заместитель руководителя по работе среди молодежи; организатор культурно-массовой работы и инструктор кружков политического воспитания. В лагерных отделениях вводились должности руководителя актива, старшего пропагандиста и руководителя художественной самодеятельности.

Директивой определялся и статус функционеров — военнопленные, исполнявшие эти обязанности, содержались в лагерях расконвоированными, т. е. они могли свободно передвигаться по всей территории лагеря. Их питание проводилось по полной форме несмотря на то, что они были освобождены от работ на производстве. В дополнение ко всему им выдавалось денежное вознаграждение за проводимую политическую работу в размере 100 рублей ежемесячно.

В соответствии с директивой устанавливался следующий порядок подбора активистов: «пропагандистская группа подбирается политотделами лагерей, утверждается начальником политотдела и отдается в приказ по управлению лагеря, в котором пропагандистская группа размещена. Руководитель антифашистского актива избирается открытым голосованием на собрании функционеров антифашистской работы лагерного отделения, утвержда-

ется заместителем начальника лагеря по политработе и отдается приказом по Управлению лагеря. Заместитель руководителя антифашистского актива по работе среди молодежи, организатор культурно-массовой работы, инструктор кружков политического воспитания рекомендуются руководителем антифашистского актива, утверждаются заместителем начальника лагеря по политчасти и отдаются приказом по Управлению лагеря»¹⁰⁶. Такой же метод соблюдался и при подборе функционеров другого уровня — в лагерных отделениях.

Эта мера позволила разобщенный демактив сгруппировать вокруг функционеров и объединить его в единый фронт, руководимый советскими политработниками. Тем самым, военнопленные, лишившись руководства своими офицерами, через актив и демократическую дисциплину попали под руководство советских офицеров. В 1947 году, уже в плену, японская армия прекратила свое существование.

Конференции активистов

С весны 1947 года началась кампания по проведению различного уровня конференций демактива. Главная задача этих конференций состояла в том, «чтобы довести до сознания широких масс военнопленных идеи демократии (сталинского толка — В. К.), поднять их политический уровень, идейно вооружить их на борьбу с реакционными элементами, усилить демократическое движение в тех лагерях и рабочих батальонах, где оно еще находится в зачаточном состоянии и поднять его до уровня передовых лагерей и рабочих батальонов, показать военнопленным силу возрастающего демократического движения и ослабления реакционных элементов на остальные массы военнопленных»¹⁰⁷, а также «обменяться опытом работы, выработать план дальнейшей борьбы за массовость демократического движения, выйти из узких рамок лагеря, сделать демократическое движение всеобщим»¹⁰⁸.

Конференции были всего лишь конечной ступенью пропаганды. До их проведения и шла активная работа по популяризации

их целей и решений. Эту пропаганду вела редакция газеты «Нихон Симбун». В соответствии с планами политотделов лагерей МВД по Хабаровскому краю и отдела спецпропаганды политуправления Забайкало-Амурского военного округа газета вела подготовительную работу к созыву этих конференций, разъясняла их задачи и значение в развитии демдвижения. Материалы открывшихся в феврале 1947 года районных конференций демактива лагерей МВД №16 и №17 заняли большое место на полосе газеты в отделе лагерной жизни. Редакция называла этот отдел отделом местной жизни. Думаю, что первое название более точное. Газета помещала дневник конференции, приводила выступления делегатов, резолюции и обращения, принятые участниками конференции.

Особо подчеркивались практические советы активистам. Предлагалось «смелее разоблачать происки реакционеров, использовать оружие критики и самокритики, крепить сознательную демократическую дисциплину, поддерживать и развивать инициативу масс военнопленных в создании демократических ударных и молодежных бригад».

Вслед за районными конференциями, завершившими свою работу, в начале марта начали свою работу краевые конференции демактива лагерей МВД в Хабаровском и Приморском краях и Читинской области. Собственно говоря, этими регионами и было ограничено, так называемое, демократическое лагерное движение.

В период с 29 июля по 5 августа в Хабаровске была проведена краевая конференция демактива лагерей и ОРБ Хабаровского края. На конференции, больше похожей на инструктаж, были собраны вновь избранные функционеры. Таких набралось 152 человека, в том числе 7 из 380-го транзитного лагеря.

В повестке дня были три доклада. Первый — «Без борьбы с фашизмом нет демократии», — это из области идеологии, второй — «О путях демократического преобразования Японии», — это из области теории, и третий, ради которого собственно и собрались, — «Об очередных задачах работы антифашистского актива», — это из области практики. Подготовленные политработниками доклады по этим вопросам читали активисты-вожаки из состава во-

еннопленных, работавших в отделении по работе среди военнопленных, редакции газеты «Нихон Симбун» и политотдела УМВД по Хабаровскому краю: Айсокава, Ватанабэ и Асахара. В обсуждении их докладов выступило 75 человек.

Как обычно, в конце конференции была принята резолюция, дающая не только оценки общеполитических вопросов повестки дня, но и конкретные указания по практической работе. Накануне дня закрытия конференции было проведено пятичасовое совместное совещание функционеров при лагерных управлениях без функционеров лагерных отделений. Это совещание проводилось совместно с начальниками отделений и инструкторами. На нем были уточнены основные задачи демократического актива, рассмотрены вопросы планирования антифашистской работы, подготовки и проведения политических мероприятий в лагерях.

В порядке культурного обслуживания делегатам показали революционное кино типа «Ленин в 18-м году», перед ними сплясал ансамбль погранвойск МВД и художественная самодеятельность лагерей №16 и №18. Их водили на экскурсию в Хабаровский краеведческий музей, в научную библиотеку, детский парк, цирк, пионерлагерь и на стадион «Динамо» посмотреть спортивные соревнования.

Учитывая то, что данное мероприятие в таких широких размерах было проведено впервые и то, что значительная часть делегатов прибыла из таяжных, малообжитых районов — оно произвело на военнопленных глубокое положительное впечатление, которым они делились между собой на рабочем заседании конференции¹⁰⁹ — отмечали политработники.

Цель сбора, очевидно, была достигнута. Подобная конференция руководителей демократического актива лагерей МВД и ОРБ Приморского края прошла во Владивостоке с 18 по 26 августа 1947 года. На конференции присутствовало 140 делегатов. После проведенных конференций политработникам стало ясно, что их работа и пропаганда стали более действенными и, что она вовлекает в свою сферу все большую массу военнопленных. Исходя из этого, был сделан вывод о том, что «перед политаппаратом стоит

задача наиболее оперативного и конкретного руководства работой по демократическому воспитанию военнопленных¹²⁰, и в первую очередь воспитание актива.

Школы по подготовке актива

В первой половине 1947 года, в соответствии с приказом министра во всех лагерях МВД были созданы постоянно-действующие краевые курсы подготовки демантвива, а также краткосрочные курсы при лагерях и политические школы при лагерных отделениях и рабочих батальонах.

Работа Хабаровских краевых курсов предусматривала вооружение активистов знаниями о положении Японии, «правды» о Советском Союзе и ознакомление с вопросами международной политики. Курсантов-активистов обучали будущей деятельности в лагерях. Изучались формы и методы работы по «выращиванию» демантвива из числа военнопленных. Особо подчеркивалась необходимость работы актива по предупреждению «реакционного влияния профашистских элементов», по политическому воспитанию военнопленных, по развертыванию трудового соревнования. Активистов обучали приемам организации работы чтецов, пропагандистов, членов редакционных коллегий, коллективов художественной самодеятельности, объяснили значение этих форм работы в политическом воспитании военнопленных. Рассказывалось как руководить стенной газетой в бараке или лагерном отделении. И, конечно, работа вокруг газеты «Нихон Симбун»: ее значение, как различать пропагандистские статьи и как руководствоваться ими в политработе, как организовать сеть корреспондентов, как организовать статью, письмо, обращение группы военнопленных и т. д.

Кстати, помимо офицеров-политработников лекции слушателям читали наиболее подготовленные и «политически грамотные» военнопленные из демантвива. Сами выпускники курсов готовились занимать в лагерях должности лекторов школ, руководителей кружков художественной самодеятельности, а также быть ру-

ководителями производственного соревнования и ударных бригад. К октябрю 1947 года, за полгода работы, Хабаровские краевые курсы окончило 507 человек. Читинские областные — 512 человек. Кроме того, как уже говорилось, при лагерных управлениях действовали краткосрочные курсы. Только в Хабаровском крае такие курсы закончило 11 284 человека.

В августе 1947 года вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)» на японском языке. Тираж этой книги был распределен по всем лагерям. В связи с выходом «Краткого курса» появились политшколы и кружки, задачей которых было ознакомить военнопленных с героической историей партии большевиков, а цель — научить революционной практике и способу мышления, основанному на марксистско-ленинском видении общественных явлений. На 1 октября 1947 года в лагерях по Хабаровскому краю в политшколах «без отрыва от производства» занималось 16 747 человек, а в кружках — 8 221 человек. Надо заметить, что эти люди не входят в политическую элиту лагерей, они не являются демактивистами, а составляют «демократически настроенный элемент». Принятыми мерами этот «элемент» в количественном отношении к октябрю 1947 года значительно вырос. Если на 1 апреля в лагерях Хабаровского края их «числилось» 17 842 человека, 1 июня — 40 627, то на 1 октября из 95 270 военнопленных 43 794 были демократически настроенными¹¹¹.

Эти показатели говорят о том, что принятыми мерами советскому командованию удалось создать основу для дальнейшего развертывания демократического движения и придать ему массовый характер. Однако, политический уровень демократически настроенных военнопленных был еще низок. Вследствие этого среди некоторой части этой категории пленных происходили колебания, которые «порой используются реакционерами в целях подрыва демократического движения».

Кто они — активисты ?

Можно сразу ответить, что это средство в руках советских политработников, с помощью которого они решали задачи политической индокринации остальных военнопленных. Именно с помощью актива, выдвигаемого демократическими группами и утверждаемого советским командованием, в лагерях было инициировано и проводилось демократическое движение как часть политической работы по перевоспитанию, т.е. изменению привычного образа деятельности и мышления пленных японских солдат и офицеров.

В демгруппы зачислялись демократически настроенные военнопленные только на добровольных началах с обсуждением кандидатур на общем собрании группы, которое открытым голосованием принимало решение о рекомендации советскому командованию претендента в число членов группы. Такой способ приема позволял предотвратить проникновение в группу нежелательных «элементов».

В демактив включались те демократы, которые являлись сторонниками демократических преобразований Японии, питали дружественные чувства к Советскому Союзу, честно относились к труду и вели активную политико-воспитательную работу среди военнопленных, проводили борьбу с реакционными элементами, разоблачали милитаристскую идеологию, участвовали в трудовом соревновании и активно боролись за повышение производительности труда¹¹².

Демократически настроенный элемент только еще стремился это делать и мог изменить свое решение и повернуть в другую сторону. Этот элемент представлял собой сырой материал, из которого необходимо было воспитать активиста. К концу 1947 года в лагерях на Дальнем Востоке, помимо окончивших курсы пленных, числилось 13 287 демократических активиста¹¹³. Руководящий состав демактива в подавляющем большинстве состоял из служащих, интеллигенции, мелких торговцев и предпринимателей, а также небольшого числа рабочих и крестьян. К примеру, на кон-

ференции деактива военнопленных Хабаровского края, проходившей в августе 1947 года, из 150 человек руководителей демдвижения 80 человек были служащими и 35 — «прочими», остальные 35 — рабочие и крестьяне в почти равной пропорции.

В то же время, актив в большинстве своем был представлен рядовыми солдатами и в основном молодежью, которая была движущей силой всего этого процесса в силу того, что легче поддавалась перевоспитанию и более активно включалась в работу, чем более взрослые солдаты. Как ни странно, но подавляющая часть актива была с высшим и средним образованием, в то время как из всей массы пленных 66% имели начальное образование. В Японии тех лет среднее и высшее образование в большинстве своем могли получить только зажиточные слои населения.

Наличие среди актива небольшого количества классовых друзей советского общества — представителей рабочих и крестьян, побудило командование лагерей выдвинуть на краевые и областные курсы, в политшколы и кружки демократически настроенных представителей этих слоев. По отзывам политработников, они более оперативно и значительно активнее втягивали основную массу пленных в движение и, что очень важно, правильнее руководили демгруппами.

Сравнительно большой процент актива представляли военнопленные унтер-офицерского состава. В большинстве своем это были не кадровые унтер-офицеры, а призванные из запаса, которые были менее устойчивы к пропаганде, поддавали под ее влияние и начинали принимать участие в движении.

К движению примыкала и небольшая часть младших офицеров, преимущественно из некадрового состава, а призванных в армию во время войны. В основном это были вчерашние учителя, врачи, инженеры, студенты. Их неустраивала служба в армии. Они не пользовались теми льготами, какими пользовались кадровые офицеры. Их медленно продвигали в званиях, по должностям. Их семьи не обеспечивались наравне с семьями кадровых офицеров. Военная служба, а тем более война не была им по душе, они ожидали скорейшего ее окончания, чтобы скорее вернуться к ра-

боте по специальности. Оказавшись в плену, они долгое время не проявляли себя, но с созданием условий и под влиянием советской пропаганды начали понемногу настраиваться на нужную волну.

Кадровый состав никаким образом не участвовал в движении, был и оставался сторонником классических взглядов на роль армии и обязанности ее солдат и, более того, под любым предлогом старался противодействовать активу.

«Минсююни — домой» (демократия — домой)

Кроме мер организационного порядка на рост деактивизма оказывали влияние и мероприятия общеполитического характера. Такой фактор, как решение советского правительства о возобновлении в 1947 году репатриации, вызывал огромный энтузиазм среди военнопленных. Психологически этот энтузиазм или воодушевление подталкивало пленных к советскому берегу, а приплыв к нему, им не оставалось ничего, кроме как делать то, чего требовали политики и актив. Большая масса пленных была готова сделать все для того, чтобы скорее вернуться домой.

Политработники также не проходили мимо этого фактора и со своей стороны делали все, чтобы использовать этот энтузиазм для еще большего подъема политической и производственной активности пленных. Вместе с тем, в движении появились новые, связанные с репатриацией, черты. Было обнаружено, что часть пленных примкнула к движению ради быстрого возвращения домой. Военнопленные дали им кличку «минсююни — домой». Некоторые руководители актива бросили лозунг: «Путь к родному очагу — через демократию», заявляя пленным — «вас ждут на родине жена, дети и родители, но в первую очередь домой отправляются демократы, так вот выбирайте: или демократия и дом, или старый образ мыслей и лагерь». Неплохой подход, но были и другие — «ну что тебе стоит? Примкни к демократическому движению и всем будет хорошо: и список демократов увеличится, и тебе представится возможность попасть домой». Что ж, для увеличения масштабов движения любые способы были хороши. Приведенные

методы вербовки в демократию показывают, что этот процесс был неоднозначен и нельзя трактовать переход военнопленных на советскую сторону лишь как акт их идейной убежденности.

Большой урон устойчивости пленных к пропаганде нанесло решение правительства о репатриации в 1947 году 12 500 японских офицеров. Их репатриация снизила способность к сопротивлению и лишила организм плененной японской армии его главной опоры. Источник, вокруг которого группировались несогласные с советской политикой военнопленные, был ослаблен. В то же время, было поднято значение пропагандируемых советской стороной идей. В их лице дезорганизованная масса получала легко узнаваемый ориентир и медленно начинала двигаться в его сторону.

Дарания (бюрократы)

Дарания (бюрократы)

Значительная часть актива за период до 1947 года теоретически и практически выросла и превратилась в сведущих во всем активистов. По мере своих сил и способностей, она проводила работу по перевоспитанию основной массы пленных, вовлечению их в движение и привлечению к участию в политических мероприятиях. Однако, там где не хватало опыта, где политическая и теоретическая подготовка были слабыми, активисты применяли знакомые им формы воздействия. И то, что раньше было прерогативой японских офицеров, теперь стало достоянием активистов.

Особенно это проявлялось в борьбе с реакционерами и лжедемократами. Лагерный актив 4-го лагеря «вскрыл» группу реакционеров из пяти человек и в качестве наказания вывел их на мороз. Во втором лагерном отделении 16-го лагеря демократы разоблачили «лжедекрата» и применили такой же способ наказания, а в 527-м рабочем батальоне разоблаченных лжедемократов посадили на голодный пайк и направили на самые тяжелые работы. Теперь «сознательная, демократическая дисциплина» становилась опорой провозглашенного движения к светлому будущему.

Еще одно явление имело место в поведении актива. Суть этого явления заключалась в том, что после устранения офицеров от

командных постов к руководству подразделениями потянулась «мелкобуржуазная интеллигенция, которая щеголяла левой фразой и прикидываясь истинными демократами» пыталась просто освободиться от тяжелого физического труда и отсидеться в плену на теплых местах. Трудно было не воспользоваться таким соблазном. Ведь в действительности для тех пленных, кто становился активистом, плен с того момента заканчивался.

Как правило, представители этой части актива находили такие места в редколлегиях стенных газет, во всевозможных кружках, пробирались в лекторские группы. Однако их «фразы» не подошли ко двору и их стали считать случайными попутчиками, примазавшимися к руководству демдвижением. Японцы их называли «даранан». В силу того, что эта категория актива не могла стать вожаком масс, ее заменили на более активную, на многое способную, из рабочей прослойки часть актива.

Картина демократической жизни дополнялась и другими «крайностями» и несоответствиями заданной норме, выразившимися в попытках создания коммунистических групп, комсомольских организаций, написания программ и уставов демгрупп, на основании которых устанавливался строгий прием в группу, безусловная подчиненность руководителю актива, что препятствовало вовлечению широких масс в движение.

Как бы там ни было, но поезд тронулся и стал набирать ход. Если в 1945 году и в начале 1946 года о демократическом движении и говорить не приходилось, а демократия была представлена небольшой кучкой активистов, то уже к середине 1947 года можно сказать, что движение состоялось и оно стало массовым.

Антифашистские комитеты

В канун нового 1948 года МВД СССР принимает решение о создании антифашистских комитетов (АФК) в лагерях военнопленных. Решение было принято ввиду того, что полугодовой опыт работы освобожденных функционеров показал, что это мероприятие оказало большое положительное влияние на всю политическую рабо-

ту, на рост актива и на усиление общественно-политической активности пленных.

«Достигнутая степень демократизации сознания военнопленных требует дальнейшего расширения организационных рамок, в которых антифашистская общественность военнопленных смогла бы в еще большей мере осуществлять свою организующую и руководящую роль в формировании общественно-политического мнения массы военнопленных по вопросам внешней политики СССР, реагирования на политические события в своих странах и по вопросам жизни и работы в лагерях», — считали в политотделе ГУП-ВИ МВД СССР¹⁴.

Существовавший институт выборных функционеров для решения этих задач уже был недостаточен. К тому же оказалось, что эта форма имеет множество недостатков, самый главный из которых заключался в том, что функционеры становились по образному выражению самих же пленных «офицерами от демократии». В их деятельности преобладали элементы администрирования, они отрывались от остальной массы пленных, замыкались в кругу сравнительно небольших групп.

Эти недостатки политработники объясняли тем, что функционеры не находились под общественным контролем, не отчитывались перед пленными о своей деятельности и не подвергались критике снизу. К тому же такая форма организации актива давала возможность «реакционным элементам» занимать эти посты и проводить антисоветскую работу.

В целях устранения этих недостатков и обеспечения дальнейшего подъема демократического движения, а также повышения роли актива в деле политической индокринации, предлагалось в каждом лагерном отделении создать АФК численностью 5—8 человек.

АФК избирались тайным голосованием на общих собраниях военнопленных или на делегатских собраниях. В свою очередь, избранный АФК из своего состава избирал открытым голосованием председателя, который одновременно являлся и руководителем лагерного актива. Штатные функционеры также не оставались в

стороне — их предусматривали избирать в состав комитета, но и неизбрание их не служило препятствием для дальнейшего выполнения ими своих функций.

Перед АФК ставились задачи руководства работой функционеров и актива, организации и проведения политической и культурно-массовой работы среди пленных, мобилизации общественного мнения пленных на борьбу за добросовестное отношение к труду путем массовой разъяснительной работы и развертывания трудового соревнования, осуществления общественного контроля за работой пищеблока, санитарной части, проявления заботы о сохранении пленных в хорошем физическом состоянии, борьба с членовредительством, самоистощением и симуляцией со стороны пленных, а также оказание всесторонней помощи администрации в создании порядка в лагерном отделении и поддержании в образцовом состоянии жилищного фонда, всех помещений и территорий¹¹⁵.

Для решения названных задач АФК предоставлялись некоторые права. Они могли заслушивать на заседаниях комитета вопросы организации политической и культурно-массовой работы, организации труда и трудового соревнования, вопросы внутрилагерной жизни, заслушивать военнопленных, занимающих административно-хозяйственные должности в целях оказания им помощи и общественного воздействия на них для улучшения их работы. Кроме этого комитетам предоставлялось право давать свои рекомендации и общественные характеристики и даже отводы при назначении пленных на административно-хозяйственные должности и в хозобслужу, а также пленным, предназначенным к репатриации.

Комитеты не реже одного раза в три месяца должны были отчетываться перед общим собранием пленных о проделанной работе. Эта мера обеспечивала возможность корректировки деятельности АФК и, если возникала необходимость, замены его состава. Новое формирование политической армии активистов, как можно будет убедиться, было нешуточным оружием в руках политработников. Деятельность АФК, по мнению авторов директи-

ны, должна была способствовать развитию среди пленных здоровой критики и самокритики, воспитанию их «в подлинно демократическом духе», привитию им навыков «демократических» методов и форм работы. Все это было похоже на деятельность комсомольских и партийных организаций в воинских подразделениях Советской Армии.

Глава 6. Промежуточный результат

Демократически настроенный солдат Тани Фукумаду из 7-й дивизии 204-го полка говорит: «Перенимая демократический опыт у Советского Союза, мы постепенно перестраивали свою жизнь у себя в лагерях. Раньше неограниченные права в лагерях имел офицерский состав. Они командовали всеми нами и одни разрешали все вопросы без нашего участия. Сейчас положение изменилось. Теперь мы, солдаты-демократы, имеем решающий голос. На командные посты мы выдвигаем своих людей из демократов, которые активно борются со всеми противниками демократии. Все вопросы мы решаем демократическим порядком. Офицеры уже потеряли для нас старое значение. Мы уважаем лишь тех офицеров, которые идут вместе с нами и вместе с нами разделяют чаяния японского народа и стремятся к улучшению жизни населения путем преобразования Японии на демократических началах!»¹¹⁸.

Этот рассказ очевидно образно раскрывает те процессы, которые происходили в лагерях. Единственно, что можно сказать, что точка зрения Тани Фукумаду объективно отражает положение вещей в конкретном лагере. Более полную картину можно увидеть, проиллюстрировав ее обобщениями советских политработников. В конце 1947 года они писали о военнопленных: «... это уже далеко не те люди, которые были в бывшей Квантунской армии до их пленения. В их мировоззрении произошли значительные изменения. Они по — иному смотрят и на Советский Союз, и на Японию, но бывшая милитаристская идеология, прививаемая им с детских лет, окончательно не подорвана. Они не все еще высвободились полностью из-под влияния реакционеров, которые, замаскировавшись продолжают, свою деятельность по разложению демократического движения. Они все еще находятся в забитом состоянии, над ними давит косность, неуверенность и политическая отсталость. Они присутствуют на собраниях, митингах, на ве-

черах художественной самодеятельности, на кинокартинах, но воздерживаются от активного участия и высказывания своих взглядов. Они опасаются дать какой-либо повод для преследования их по возвращении на родину»¹¹⁷.

Изоляция офицеров, создание широкой сети курсов дематива, введение института штатных функционеров, антифашистских комитетов, создание политшкол и политкружков, лекториев, проведение конференций дематива, увеличение политической литературы в лагерях, введение обязательных политинформаций и усиление культурно-просветительской работы создали условия для массового вовлечения военнопленных в созданное демдвижение и способствовали усилению их активности.

Можно сказать, что проведение этих мероприятий советским командованием, подорвало влияние японских офицеров на подчиненных им солдат. К концу 1947 года, к концу второго периода плена, офицеры в большинстве лагерей потеряли свою власть над солдатами, лишились своей опоры в массах. Теперь они уже не рисковали открыто выступать против проводимых советской стороной мероприятий по политической индокринации военнопленных.

Тем самым, в указанный период «борьба солдат» против существования в лагерях традиционных японских армейских порядков, воинской дисциплины и против приверженцев этих порядков — офицеров, поддерживаемая и направляемая советским командованием посредством названных мероприятий, увенчалась успехом. В лагерях начала «насаждаться сознательная, демократическая дисциплина», основанная на добровольно-принудительном повиновении солдат власти новых начальников, выбранных самими военнопленными. Степень сознательности определялась степенью восприятия и преданности пропагандируемым политработниками и активом идеям коммунистической теории.

Вместе с тем, нельзя сказать, что офицеры были против демократизации их взаимоотношений с солдатами. Офицеры приняли правила игры и выдвигали на выборные должности своих представителей, которые в силу их авторитета зачастую побежда-

ли демократических представителей, поддерживаемых советской администрацией. По существу, это сводило на нет все замыслы политработников. Противоречие заключалось в том, что офицеры использовали «демократизацию», стараясь уберечь солдат от влияния советской пропаганды в то время, как политработники предусматривали через процесс «демократизации» внедрить в сознание масс идеи советской демократии. Они расценивали новую тактику офицеров как тактику «волков в овечьей шкуре», как проникновение в демдвижение с целью его подрыва изнутри. Никаких компромиссов в возникшей ситуации они не видели, да и в силу особенностей советского общества их быть не могло. «Кто не с нами, тот против нас», — таков был лозунг тех дней.

О реформистской настроенности офицеров свидетельствуют высказывания редактора «Нихон Симбуи» т. Коваленко, который писал: «Будучи отстраненными от командных постов и не чувствуя более поддержки со стороны слепо им повиновавшихся солдат, реакционное офицерство начало менять свою тактику, стало рядиться в тогу демократов, проникать в демократические группы и вести раскольническую деятельность внутри демократических групп, пытаясь направить растущее демократическое движение по реформистскому пути»¹¹⁸. В силу революционной заданности коммунистической идеологии реформистский путь изменения порядка в лагерях был чем-то из области преступного.

К концу второго периода плена поляризация в среде военнопленных усилилась. Демократически настроенная часть пленных имела тенденцию к росту, «особенно там, где уже по-настоящему налажена политическая работа среди них». Движение и рост числа его сторонников было крайне незначительно там, где работа велась слабо и неорганизованно. «Там, где не работаем мы, военнопленные по-прежнему находятся под влиянием реакционного, антисоветски настроенного офицерства», — отмечал начальник отделения по работе среди военнопленных ОСП ПУ ВДВ майор В. Ефименко.

Он же говорил, что реакционная часть, в основном офицеры, продолжает «яростно бороться за сохранение своего влияния на

военнопленных» и в ряде лагерей продолжает занимать командные посты, что облегчает ей задачу удержания в подчинении солдатской массы.

Меж двух огней находилась «колеблющаяся часть» общей массы военнопленных. Эта часть была самая многочисленная. Ее мало интересовали знания об СССР и международном положении, ее главной заботой был один вопрос — когда они вернутся домой. В общем это была уставшая от невзгод плена инертная масса, которую предстояло зарядить энергией коммунистического экстремизма.

Для этого уже имелось определенное, правда еще недостаточное, количество проверенных кадров. Качество этих японских «политработников» было недостаточным. К тому времени они были политически незрелы, не имели опыта организационной работы. В их деятельности господствовало кустарничество, не было достаточной связи с массой военнопленных и умения говорить простым понятным языком. Однако наличие опыта у советских политработников по овладению сознанием масс, и, главное, школ подготовки таких кадров из числа военнопленных, закладывали хорошую основу для устранения этих недостатков и воспитания активных пропагандистов «демократических» идей.

Исходя из этого, совещание политработников отделов спецпропаганды политуправлений военных округов, расположенных на Дальнем Востоке, проходившее в Хабаровске в ноябре 1947 года, ставило задачу усиления работы с демактивом и повышения его идейно-теоритического уровня. Особо обращалось внимание на то, чтобы вовлекать в число актива и в качестве его руководителей, в первую очередь привлекались военнопленные из числа рабочих и крестьян.

Сложившаяся в лагерях обстановка, диктовала свои условия для дальнейшей работы. С целью достижения успеха предполагалось дифференцировать политработу и проводить ее отдельно среди актива, отдельно среди демократически настроенных солдат и остальной массы. Чтобы охватить всю остальную массу военнопленных политическими мероприятиями, предлагалось «всячески

развивать культурно-массовые виды работы, так как участие военнопленных в работе массовых кружков является организующим началом в деле приобщения их к демократическому движению». Ну и, конечно, обязательное условие успеха — изоляция и террор «реакционного элемента»¹⁴⁹. Такова формула действий. На заключительном этапе ожидалось идеологическое наступление по всему фронту.

Часть III.

СОВЕТИЗАЦИЯ. 1948—1949 гг.

Глава 1.

Выборы и опыт работы АФК

Начало 1948 года знаменовалось несколькими процессами. В первую очередь — это завершение организационного оформления демократического движения, что сопровождалось выборами АФК и продолжением процесса репрессий, особенностью которого было распространение приказа МВД СССР № 0300 и на ОРБ МВС. Помимо этого шел процесс репатриации. В целом все это было взаимосвязанно.

Что касается процесса выявления и изоляции «реакционеров», то в январе 1948 года начальник ГлавПУ СА и ВМФ в своих телеграммах №101502/ш от 14.01.1948 года и №103288/ш от 29.01.1948 года потребовал проверить всех военнопленных в ОРБ, занимавших административные должности, в соответствии с приказом министра внутренних дел. Чистку актива он предлагал провести и в 380-м транзитном лагере, так как предстояла новая репатриационная кампания. В связи с последней и принятым решением правительства СССР о репатриации в 1948 году, начальник ГлавПУ СА и ВМФ 14 апреля 1948 года уточнил задачи политпарата в области политической работы.

Прежде всего в первые месяцы предпоследнего года плена необходимо было завершить создание АФК. Выборы проходили во всех лагерях и ОРБ. В день выборов там создавалась обстановка «большого политического подъема» — место проведения выборов украшалось лозунгами типа: «Без активной поддержки социалистического отечества трудящихся всего мира — Советского Союза, не может быть подлинной борьбы за демократию». В зале заседа-

ний развешивались портреты популярных коммунистических вождей Японии и СССР тех времен. Наибольшую радость приносило то, что в день выборов военнопленные закачивали работу на 2 часа раньше, а после выборов и праздничного ужина показывали кино.

Несомненно, вся режиссура этого праздника лагерной демократии составлялась опытными политработниками. Ими же утверждались и все кандидатуры членов АФК. Однако, демократии есть демократии, не все получалось как планировали. Во многих местах имели место случаи отвода кандидатов из списка голосования.

При выдвижении «реакционных» кандидатов из числа офицеров последние оставались в списках для голосования так как открытых возражений не было. Однако после объявления результатов «тайного» голосования оказывалось, что такие кандидаты проваливались, в частности, так случилось с капитаном Ито из 532-го ОРБ.

Неудачной была попытка майора Титова навязать высокому собранию подобранную им кандидатуру в лице солдата Фурута — «монтера, который не пользовался авторитетом у пленных». Делегаты оставили Фурута в списке для голосования и даже аплодировали выступлению майора, но затем при тайном голосовании забаллотировали его кандидата.

В другом случае в состав АФК вошло два офицера. Это, по мнению политработника, было много для отдельного рабочего батальона. К тому же, один из офицеров, конечно же, «оказался» реакционером — поручик Инусима. После объявления результатов голосования «собрание согласилось, что будет неправильным, если в комитете из 5 человек будет 2 офицера, когда в батальоне около тысячи солдат и лишь 20 офицеров, поэтому собрание оставило одного офицера, исключив Инусима»¹²⁰.

Можно отметить, что на конференции этого 551-го батальона «реакционно настроенная часть делегатов отделилась от демократически настроенных пленных и заняли в клубе отдельные скамьи». Позже, с тем чтобы исключить влияние реакционных делегатов, их исключали из числа участников конференции, так как

именно в день конференции на них поступали компрометирующие материалы.

Этот год для политработников оказался не совсем удачным из-за того, что в ходе проводимой репатриации потребовалось отправить почти весь актив из числа пленных вместе со всем старым составом лагерей. На их место в дальневосточные лагеря прибыли военнопленные из Улан-Удэ, Казахстана и других районов Советского Союза. Прибывшие не имели той организационной структуры, которая была создана в лагерях, располагавшихся на территории Дальнего Востока и находившихся под влиянием советского политаппарата.

Приходилось почти заново создавать политкружки, кружки художественной самодеятельности, формировать актив, который еще предстояло ознакомить с практикой политической работы среди военнопленных. Надо отметить, что на конец 1948 года, после завершения репатриации, на территории СССР осталось более 90 000 военнопленных. Все они попали под политическое влияние советских комиссаров и их помощников — активистов.

Последние конференции АФК, на которых выбирали функционеров происходили в начале 1949 года. В связи с тем, что центр политической работы был перемещен в 380-й транзитный лагерь, конференция актива была проведена именно здесь. По существу, 380-й лагерь к этому времени стал школой политподготовки не только актива, но и всего состава пленных, находившихся в нем. Здесь были сосредоточены все силы армейских политработников. В их поле зрения попадал и находившийся рядом 53-й транзитный лагерь.

В ходе подготовки конференции особое внимание обращалось на ее агитраж. Были специально отведены соответствующие помещения для проживания делегатов (конференция проходила 5 дней), налажено «бесперебойное» питание, клуб, где проходила конференция был украшен портретами вождей, лозунгами, красным кумачом. Каждый вечер, по окончании деловых заседаний, давались концерты лагерной художественной самодеятельности или демонстрировались советские фильмы.

Прибывавшие делегации встречали у ворот лагеря оркестром и специальной агитбригадой, «устранивавшей летучие митинги» прямо у ворот, располагались в отведенных для них бараках и шли на торжественное открытие конференции. Все торжество сводилось к исполнению революционных ритуалов, вступительного слова председателя АФК 53-го лагеря Томо и приветствия советских политработников.

На рабочих заседаниях конференции читали разработанные в недрах политуправления доклады и подготовленные там же выступления. Доклады: «Задачи АФК на современном этапе демократического движения среди военнопленных», «Политкружки — основная форма политического просвещения военнопленных» и «О международном значении исторического опыта ВКП(б)» сделал, работавший в редакции газеты «Нихон Симбун» функционер Айнава, доклад «Компартии в борьбе за мир, свободу и национальную независимость народов» сделал лектор курсов демактива функционер Судо, а доклад «Развитие стран народной демократии по пути к социализму» зачитал функционер Сакаэ. По окончании дебатов проводился заключительный торжественный митинг, в котором участвовало 720 человек. Митинг принял обращение «В защиту мира» и итоговую резолюцию. На этом конференция закончилась.

Можно сказать, что на заключительном этапе пребывания японских солдат и офицеров на территории СССР, формы и методы политической работы с ними утвердились и уже не видоизменялись. Советская сторона проявляла заботу о том, чтобы все эти формы нормально функционировали. Как только их деятельность не отражала чаяний политработников, сразу принимались меры по установлению нормы. Основной формой политической работы стали АФК, через которые контролировали все стороны жизни в лагерях.

Деятельность АФК лучше всего раскрыть на примере организации их работы в лагерях военнопленных Управления МВД по Хабаровскому краю. Здесь к июлю 1948 года АФК были созданы при всех управлениях лагерей. Кроме того, был создан и общепра-

свой АФК, который работал под руководством политотдела УПВИ УМВД по Хабаровскому краю и находился в Хабаровске.

Своей работой АФК содействовали командованию лагерей правильному подбору пленных для репатриации, рекомендовали кандидатов в АФК различного уровня, преподавателями курсов демактива, кандидатов на административно-командные должности. АФК регулярно заслушивали отчеты своих местных, т.е. лагерных, отделений. Члены АФК имели право беспрепятственного передвижения по всем лагерным отделениям и лагерным пунктам с целью «ознакомления с работой АФК и оказания помощи последним».

По существу был создан институт японских политработников со своим аппаратом. В состав комитетов обычно избирались функционеры, работавшие непосредственно при лагерных управлениях, и функционеры или представители комитетов из лагерных отделений. Это были в сравнении с обычными пленными небожители, которым трудности плена уже забылись.

Организационно АФК состояло из председателя и руководителей: пропагандистской, культмассовой, бытовой работы, трудового соревнования и работы среди молодежи, а также ответственного за курсы демактива. При АФК могли создаваться лагерные лекционные группы из 3—5 человек во главе с руководителем пропагандистской работы. Задачи и обязанности АФК определялись директивой МВД, но конкретизировались на месте. АФК занималось учебной активностью лагеря, включая лагерные курсы демактива и кружки по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», проводили семинары, инструктажи и руководили работой антифашистской комнаты.

В задачи лагерного АФК входила организация и руководство всей политической и культурно-массовой работой среди пленных через АФК в лагерных отделениях. Организация конференций, совещаний, митингов, собраний, концертов художественной самодеятельности, лекций, трудового соревнования в общелагерном масштабе доверялось АФК. Оказание помощи командованию лагеря в выявлении «реакционно настроенных элементов», в сборе положительных отзывов пленных о своем пребывании в плену «с вы-

ражением благодарности советскому правительству и советскому народу», сохранение здоровья пленным и поддержание порядка в лагерях также входило в обязанности АФК.

Все это означало, что инициатива в организации лагерной жизни теперь, на заключительном этапе плена, принадлежала японскому «пролетариату», который опирался на демактив и демократически настроенных пленных. Колеблющаяся часть, как и реакционная, практически исчезла. Политработники достигли своего — все военнопленные в той или иной форме стали участвовать в демдвижении. Отдельные негативные для движения проявления уже не могли повлиять на ход дела и изменить обстановку в лагерях и ОРБ. Советскому политпарату оставалось лишь осуществлять контроль за деятельностью актива и умело направлять эту деятельность.

Глава 2.

Арсенал политических средств пропаганды

Помимо АФК шло совершенствование и других форм политической работы. К тому же, наличие всевозрастающего количества актива позволило применять их в широком диапазоне. Советская политическая наука определяла пять видов политической работы: печатная пропаганда; устная пропаганда и агитация; политическая учеба; наглядная агитация и культурно-массовая работа. Все эти виды являлись составными частями общей системы массово-политической работы и были объединены общими целями и задачами.

Печатная пропаганда была представлена издававшейся для военнопленных газетой «Нихон Симбун» и стенными газетами. Разумеется, все эти газеты выступали не только «коллективными пропагандистами и агитаторами, но и организаторами» политической работы. Особенно эти ленинские слова относятся к газете «Нихон Симбун», которая до середины 1947 года практически была организующим и руководящим центром всей политической работы в лагерях до того, пока не был создан ОСП-ПУ ВДВ.

Стенная газета — это было что-то новое и неизвестное для японцев. Работать над ее выпуском они не умели, но научились. Поначалу над газетой работала редколлегия из 2—3-х человек, которые не имели никакой корреспондентской сети. Спустя полтора года плена, стенгазета завоевала прочное место в жизни пленных. Газета выпускалась 2—3 раза в месяц. Помимо этого ее редколлегия выпускала плакаты, карикатуры, листовки и иллюстрированные «маме-симбун», миниатюрные стенные газеты, посвященные одной теме.

Стенгазета всегда откликалась на все проявления лагерной жизни, помогала изживать недостатки в работе кружков, столовой, «популяризировала лучших производственников, бичевала нерадивых, отвечала на вопросы пленных, давала советы, как до-

биться высоких производственных показателей, какую литературу следует прочитать при работе над той или иной главой «Краткого курса истории ВКП(б)».

Устная пропаганда и агитация были представлены такими формами работы как лекции, доклады, беседы, вечера вопросов и ответов, митинги и собрания, политинформации и «радиослушание радиопередач Хабаровской радиостанции на японском языке» и местных радиопередач.

Самыми распространенными формами были лекции, доклады и беседы. Только в 1948 году было прочитано 7285 лекций и докладов с охватом 1 млн. 287 тыс. человек¹²¹. Для чтения лекций привлекались «проверенные, наиболее хорошо подготовленные в политическом отношении военнопленные из числа демократического актива». В каждом лагере имелось по 8—10 лекторов и докладчиков. Все они заканчивали специальные курсы. В ряде случаев создавались группы лекторов под руководством советских офицеров. Кроме этого все лекторы были охвачены учебой в кружках по изучению «Краткого курса».

Вначале им поручалось чтение несложных лекций и бесед на политические темы: «Что мы видели в СССР», «Реальная сущность императорской системы». Затем, по мере их политического роста, им поручалось чтение или выступление по более сложным темам, таким как «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР», «Борьба компартии Японии за демократизацию страны». В конце плена советские офицеры подчас передоверяли лекторам чтение своих лекций. Лектора имели стремление читать очень длинные лекции, иногда по 3—4 часа.

С ростом политической активности членам актива стала поручаться самостоятельная подготовка лекций, докладов и бесед. Во всех случаях, подготавливаемая лекция проверялась советским политработником, исправлялась и разрешалась к чтению. Такой метод касался всех форм политработы. Практически без разрешения политработника японец-активист не мог сказать и слова. Если говорил, да еще невзначай, то рисковал быть подвергнутым критике и изгнанным из рядов активистов.

Политическая учеба была самым важным звеном в системе политической индоктринации военнопленных. Такая «учеба» проходила в политкружках, кружках по изучению «Краткого курса...», на курсах демократического актива — лагерных, районных, окружных, красных, 3-х, 2-х, одномесячных, а на завершающем этапе плена — в лекториях.

Политкружки были наиболее распространенной формой учебы. Практически они функционировали в каждом лагерном пункте. В 1949 году общая численность пленных снизилась и почти все они были охвачены учебой в кружках. Политкружки предназначались для рядовой массы, в то время как кружки по изучению «Краткого курса» были рассчитаны на активистов.

До 1949 года единой программы для политкружков не существовало. Их работа сосредоточивалась вокруг материалов, публиковавшихся в газете «Нихон Симбун» и брошюр, издававшихся редакцией этой газеты. В 1949 году была разработана единая программа и введен единый метод для кружковых занятий. Это создало определенную систему в политическом образовании пленных и облегчило руководство и контроль за содержанием работы кружков. Единая программа предусматривала изучение 25 тем. Лектора, читавшие эти темы, обеспечивались достаточным количеством литературы и лекциями, разработанными в отделах спецпропаганды.

Кружки по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» были высшей ступенью в политической учебе пленных. Основным методом занятий было принято чтение текстов или рассказ по теме с последующим собеседованием. Практиковалась и громкая читка. Краткий курс изучали по главам. К концу 1948 года ознакомление с этим лагерным бестселлером было завершено и пришлось начать его изучение повторно.

По отзывам руководителей кружков и советских инструкторов, присутствовавших на занятиях, основные вопросы истории большевистской партии военнопленными усваивались в достаточной степени для того, чтобы служить им базой для дальнейшего расширения знаний. В тоже время, огромное количество вопро-

сов, задававшихся военнопленными на занятиях, свидетельствовали о том, что японцам трудно давались основы марксизма-ленинизма, однако они упорно стремились уяснить изучаемый материал. Иногда замечалось скептическое отношение пленных к подаваемым догмам.

Курсы демократического актива имели главной задачей подготовку кадров для развертывания демдвижения. Перед курсами ставилась задача повышения политического уровня слушателей и воспитания их в демократическом духе. На курсы подбирались военнопленные из числа рабочих и крестьян, зарекомендовавших себя в лагерях хорошими производственниками и активными участниками демдвижения. Такими же качествами должны были обладать и преподаватели курсов из числа японцев. Преподаватели, в отличие от слушателей, получали за свою работу денежное вознаграждение в размере от 80 до 100 рублей в месяц.

Учебный план и программа курса зависели от времени их функционирования и от их значимости, а также уровня политоргана, при котором они организовывались. К 1949 году работали лагерные, окружные, краевые курсы подготовки актива с 3-х, 2-х и одномесячным сроком обучения. Соответственно планировалась и расчасовка по темам: 3-х; 2-х; 1-месячные

марксистско-ленинская теория —	106; 50; 28 часов
Советский Союз —	230; 172; 106 часов
международное положение —	140; 96; 50 часов
экономическое и внутривнутриполитическое положение Японии —	100; 58; 60 часов
вопросы практической работы —	0; 40; 24 часов
Итого:	576; 416; 268 часов ¹²²

После таких курсов высказывания слушатели Хоси Масуро вполне закономерны: «Я понял какое большое значение имеет Советский Союз в деле борьбы за независимость Японии. Я много думал о СССР, о котором раньше имел плохое представление. Сей-

час я знаю, что в этом государстве власть находится в руках рабочих и крестьян и ликвидирована эксплуатация человека человеком. Возглавляя демократический лагерь, Советский Союз борется за мир во всем мире против поджигателей новой войны»¹²³.

Помимо военнопленных, в соответствии с указанием начальника ГлавПУ СА и ВМФ подобные курсы проводились и среди японского гражданского населения Южного Сахалина. Для набора слушателей в города и районы острова командировались офицеры спецпропаганды, которые «были тщательно проинструктированы относительно условий набора». Кроме того, Сахалинский обком ВКП(б) со своей стороны дал указание городским и районным комитетам ВКП(б) о том, чтобы они способствовали офицерам на местах отбирать «действительно демократически настроенных японцев, наиболее активных проявивших себя в работе на предприятиях и в учреждениях».

Японцы неохотно откликались на предложения офицеров, многие боялись и называли эти курсы школой особого назначения. Благодаря тому, что слушателям курсов предлагали бесплатное питание, сохраняли заработную плату и рабочее место, выплачивали командировочные, удавалось набирать группу до 30 человек.

По содержанию эти курсы мало чем отличались от тех, которые проводились для военнопленных. В целях расширения кругозора военнопленных, которые уже приобрели определенный минимум политических взглядов, занимаясь в кружках или самостоятельно, с апреля 1949 года в лагерях были организованы лектории. На лекториях читался курс из 30 лекций по тематике окружных курсов демократического актива. Тематика этих курсов и их потенциал были перенесены и нацелены не на подготовку демократического актива, а на «массовую политическую обработку, целеустремленную и массивную»¹²⁴.

Лекции читались наиболее подготовленными японцами — преподавателями курсов деактива по опробованным советскими политработниками текстам. Занятия проходили систематически 2—3 раза в неделю и велись в определенной последовательности.

Работа лекториев была организована так, чтобы слушатели в течение месяца смогли прослушать весь курс лекций. Состав слушателей был постоянным и не изменялся в течении всего периода работы лектории.

Наглядная агитация играла свою роль. Она служила в основном подспорьем, иллюстрацией к проводимой пропаганде. Плакаты, транспаранты, стенды, карикатуры и фотомонтажи в огромном количестве имелись на территории всех лагерей. Кроме стендов, монтажей, схем и плакатов, отображавших общественное и государственное устройство СССР, жизнь советского народа и тому подобное, выпускались и плакаты производственного характера, призывавшие к перевыполнению производственных заданий, соблюдению техники безопасности.

Стенды довольно часто использовались лекторами и беседчиками в качестве наглядных пособий. Агитаторы не только хорошо знали содержание закрепленных за ними стендов и монтажей, но и имели при себе соответствующие справочные материалы к ним, составленные по материалам советской прессы.

Культурно-массовая работа, как часть политической, включала в себя работу антифашистских коммат, показ кинокартин и организацию коллективов художественной самодеятельности. Военнопленные могли «культурно провести свободное от работы время», читая в библиотеках-читальнях, клубах, комнатах подписки газеты «Нихон Симбун», политическую и художественную литературу типа: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Краткая биография Сталина», «Вопросы ленинизма», «Общественное и государственное устройство СССР», «Сталинская конституция — конституция социалистического общества» и т.п.

Концерты художественной самодеятельности «имели своей целью не только предоставить военнопленным возможность культурно и организованно провести свободное от работы время, но и способствовать перевоспитанию военнопленных в демократическом духе, знакомить японцев с нашим советским искусством и показывать превосходство нашего социалистического искусства над растленным буржуазным искусством»¹²⁰.

В 380-м транзитном лагере репатриации все военнопленные разучивали советские и революционные песни под руководством специально назначенных «музыкально грамотных» японцев. Песни исполнялись группами от одной до трех тысяч человек. Репертуар революционных песен ограничивался «Интернационалом», гимном Советского Союза, «Кантатой о Сталине», «Акахата» (Красное знамя) и песней «Широка страна моя родная».

Используя весь арсенал политических средств воздействия на сознание военнопленных, советские политработники добивались того, что в течение всего периода пребывания в плену, а особенно на завершающем его этапе в 1948—1949 годах, пленные постоянно находились под воздействием проводимой ими пропаганды.

Глава 3.

Хихан как явление лагерной жизни

Начиная с 1948 года, в среде военнопленных было отмечено возникновение такого явления, которое получило название «хихан», что по-русски звучит как «критика». Советские политработники объясняли его возникновение тем, что они передоверили свои обязанности демактиву и не всегда контролировали его действия. Однако это только, как говорят, половина правды. Все дело в том, что советское руководство как раз и добивалось этого. Может быть, оно не желало тех трагических последствий, к которым привело развитие критики как метода в деятельности актива. Однако, однозначно оно побуждало актив к этому и инструктировало политработников в таком духе. «Деятельность антифашистских комитетов должна способствовать развитию среди военнопленных здоровой критики и самокритики и воспитанию их в подлинно демократическом духе, привитию им навыков демократических методов и форм работы», — утверждалось в руководящих инструкциях¹²⁹.

Политработники в свою очередь стремились выработать у актива способность к самостоятельным действиям. Долгие годы работы с активом вызвали у них чувство доверия к нему и зачастую в последние годы они стремились всю черновую работу возложить на актив. Такое доверие и чувство собственной значимости поднимало авторитет актива в его собственных глазах. Активисты осознавали себя как самостоятельную силу и начинали действовать. Они еще помнили практику поддержания высокого уровня воинской дисциплины японской армии, однако практику демократического движения актив только осваивал. Поэтому сочетание одного с другим было вполне закономерно.

Явление «хихан» для бывших советских граждан до боли знакомо по тому, как они подвергались критике из-за неточного высказывания, оговорки или неправильного цитирования вождя. Та-

кая критика не проходила бесследно и сказывалась на судьбе каждого провинившегося. Подобной критике подвергался со стороны антифашистского комитета любой японец, чьи действия или высказывания не соответствовали представлениям активистов.

«Хихан» — это не критика, а метод укрепления и поддержания демократической дисциплины, которую устанавливали в 1947 году в лагерях в противовес традиционной. Убрав офицеров не только с командных постов, но и вообще из лагерей, актив захватил доминирующие позиции и подавлял все проявления непокорности, непослушания и вообще неправильного по его мнению поведения. Обстановка в лагерях изменилась до противоположного. Теперь солдаты боролись за чистоту своих рядов и за свое положение.

Нельзя сказать, что советское руководство закрывало глаза на этот беспредел в лагерях. Однако его позиция была двойственной. С одной стороны, на ряде совещаний в 1948—1949 годах политработникам лагерей делались замечания за «недостаточный контроль с их стороны за работой АФК, которые в практике своей работы допускали оскорбительные действия и издевательства по отношению некоторых, по их мнению реакционно настроенных военнопленных»¹²⁷ и даже говорили о политической вредности и недопустимости перегибов в политико-воспитательной работе. С другой стороны, дальше ничего не значащих замечаний дело не шло. Ни один активист не был снят с должности за содеянное и продолжал получать зарплату за проводимую политработу среди своих соотечественников.

Весной 1949 года политработники отмечали, что «до сего времени в лагерях и в ряде ОРБ имеют место перегибы в применении критики по отношению к отдельным военнопленным, совершавшим незначительные проступки или уклоняющимся от активного участия в демократическом движении. В результате неправильно понимаемого метода критики, последняя, в том виде, как ее применяют некоторые антифашистские комитеты, превращается в издевательства, в самосуд, приводит к порождению нездоровых антидемократических настроений, а иногда к покушениям на самоубийство и даже к побегам военнопленных»¹²⁸.

Как пример приводились факты, отмеченные в 53-м лагере. Здесь в сентябре 1948 года пленного Сакаи активисты в порядке «хихан» били, водили голым по улице, липали пицци. 28 марта 1949 года в 5-м отделении этого лагеря военнопленного Хияма подвергли жестокому «хихан», как реакционера за то, что он не явился на собрание — в результате Хияма совершил попытку самоубийства. Несколько ранее в 8-м отделении подвергся «хихан» военнопленный Цуката за плохую работу. Объяснение Цуката, что он не может выполнить план, так как у него не хватает трех пальцев на руке, активистами не было принято во внимание и он был объявлен реакционером. В итоге, Цуката совершил побег, но был пойман. Он объяснил, что более не может находиться в обстановке такой к нему неприязни. Аналогичный факт имел место в 1949 году и в 380-м лагере, где один военнопленный дважды бежал по тем же мотивам. В 567-м ОРБ военнопленный Окада, подвергнутый «хихан», пытался повеситься. В течение 1948 года произошел ряд смертельных случаев на почве применения жестокого «хихан»¹²⁸.

Для Синроку Сегимацу столкновение с деактивом закончилось неблагоприятно. В октябре 1948 года члены АФК стали применять свои мероприятия к Синроку ввиду того, что он на производстве работал медленно и был отрицательно настроен против мер, проводимых комитетом. Ему тут же приписали антисоветские высказывания и началась «хихан». Мероприятия заключались в том, что помимо допроса на заседании АФК о нем, когда нужно и не нужно высказывались с отрицательной стороны. Таким образом создавалась атмосфера морального террора. Действия АФК привели к изоляции Синроку от общей массы военнопленных и, не выдержав такого давления, он совершил побег. После задержания отношение к нему со стороны АФК, а теперь уже и советского командования стало еще более негативным и обострилось. В результате всего Синроку пал духом, стал работать еще хуже и «заболел истерией». Несмотря на его состояние здоровья он 1 декабря 1948 года был водворен на гауптвахту, где в течение трех суток не получал никакой пищи, кроме холодной воды. Все это вместе взятое привело его к крайней черте и он решился на от-

чаянный акт, но, к счастью, был спасен и отправлен на лечение в госпиталь.

Идеологическую зашоренность демократического актива показывает случай, происшедший с врачом подпоручиком Абики Тецуо, который без санкции советского командования был водворен на гауптвахту руководителями АФК военнопленными Танака и Таедава за то, что он в Японии «оказывал помощь только представителям буржуазии», к тому же, по их мнению, он сам являлся реакционером только не признавался. Такая наивность демактива была очевидной даже для обычно благосклонного к таким сигналам МВД, по настоянию которого Абики Тецуо был освобожден. Как и Синроку Сигимацу, Абики Тецуо был освобожден оперативным работником МВД офицером Черепковым 9 декабря 1948 года.

Инструктор 53-го лагеря офицер В. Тютрин приводит еще один пример классовой непримиримости. Хихан была применена к ефрейтору Вада Коодзи, который в течение месяца два раза «симулировал уход с работы». К тому же он происходил из «крупной капиталистической семьи — дядя имел крупный завод». После обсуждения его на заседании АФК, 24 марта 1949 года он наметил совершить побег, но, прежде чем бежать, решил убить председателя АФК Такеучи и командира роты солдата Накаи. «Я все равно не потерплю этого и убью Таксучи и Накаи за нанесение мне оскорбления», — говорил в гневе Вада Коодзи¹⁹⁰.

Попытки совершить побег и сами побеги причиной имели одно — сложившуюся в лагерях обстановку террора со стороны АФК. Усуи Такео бежал после того, как его два часа допрашивали, ввалив ему на плечи мешок картофеля. Удзихиро Сигеоси бежал, по его признанию, из-за притеснения со стороны АФК, который создал вокруг него такую обстановку, что ему на каждом шагу напоминали: «Ты саботажник». Бежал он с целью найти другой лагерь, но не найдя, вернулся обратно сам. Список беглецов продолжают Сато Сигеоси, Хого Юкию, Такимото Акиро, Фукуда, Амемиа, Кадзуо и др.

Всех перечисленных военнопленных актив предлагал, а политработники его поддерживали, как реакционеров и саботажни-

ков, изолировать в режимные лагеря. На удивление, МВД не поверило в правдивость обвинений и направило проверку, которая пришла к выводу, что «фактов, подтверждающих реакционные действия задержаны в режимный лагерь, МВД не установлено»¹³¹. Начальник управления МВД по Приморскому краю генерал Шинкарев просил начальника политуправления Приморского военного округа генерала Дубовского дать указания политработникам «о правильном направлении работы АФК военнопленных и недопущении им в практике неправильных методов по работе среди военнопленных».

К числу смертельных случаев на почве «жестокости хихан» относится случай с Кобаяси Кикусабуро, жизнь которого трагически оборвалась вечером 16 апреля 1949 года. В этот день бригада, в которой он работал, была награждена переходящим красным знаменем строительного управления Ливадальфлота. После вручения знамени представителем стройки с ответным словом выступил бригадир Идзато Кадзухико. Его выступление послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Кобаяси Кикусабуро. Бригадир сказал, что «в дни, когда все передовые люди мира борются за мир против поджигателей новой войны», в его бригаде есть такие люди, которые мешают ей работать. В частности, он остановился на Кикусабуро, «который на протяжении всего времени работы в составе этой бригады к работе относился плохо, симулировал болезнь, старался не выйти на работу»¹³².

Оказалось, что буквально за день до этого, он «нарочно» уронил доску себе на спину. Однако врач не дал ему освобождения — жестокий хихан есть жестокий террор во всем. После собрания бригада приступила к работе. До 22 часов бригадир дважды обходил объект, проверяя работу членов бригады. Делая третий обход в 22 часа 15 минут, бригадир не обнаружил Кобаяси Кикусабуро на месте и сразу же доложил об этом ответственному на строительстве Такадзучи Акира. Принятые меры по розыску Кобаяси Кикусабуро не смогли предотвратить его смерти.

Никто не был наказан за его смерть, так как никто не был виновен. И в то же время были виновны все, кто выполнял волю ак-

тива по терроризированию погибшего. Безнаказанность только усиливала уверенность в правоте их деятельности. Такое поведение деактива было возможно отнюдь не по причине большой силы воспринятых ими идей. Они чувствовали за собой силу другого рода. Эта сила скрывалась не в идеях, а в той репрессивной системе, с помощью которой они внедрялись в сознание людей. Даже МВД было удивлено такой приверженности террору.

Советское командование признало «политическую вредность» таких методов в работе АФК и принятыми мерами добилось того, что подобные факты «хихан» сократились, хотя и не исчезли из жизни военнопленных. Исчезнуть они не могли. Они были неотъемлемой частью созданного демократического движения.

Глава 4. **Содержание советской пропаганды** **на военнопленных**

Наряду с организационным укреплением шло углубление и совершенствование содержательной части советской пропаганды. От простого разъяснения японским солдатам и офицерам их положения в лагерях и пропаганды причин и целей прошедшей войны в начальном периоде плена, содержание дополнялось популяризацией японской компартии и пропагандой теории марксизма-ленинизма в течении всего периода плена и на завершающем его этапе.

Пропаганда на военнопленных велась одновременно по нескольким направлениям: пропаганда правды о Советском Союзе и всем советском; разъяснение положения в Японии и проблемы демократизации ее общественной жизни; международные дела и роль мировой системы социализма; вопросы практики партийного строительства и марксистско-ленинской теории.

Пропаганда правды о Советском Союзе (это выражение взято из документов той эпохи) включало работу по разъяснению государственного устройства Советского Союза, советской «демократии», сталинской конституции, а также роли Советской Армии в советском обществе, положения советских людей, критериев советской внешней политики и много другого, что касалось советского. Пропаганда, разумеется, проводилась с той целью, чтобы показать пленным, что все советское лучше и ничего лучше советского в мире нет и с тем, чтобы добиться от пленных изменения отношения к Советскому Союзу и советским людям в лучшую сторону.

Безусловно, нелепые представления военнопленных о Советской России, как о стране населенной белыми медведями, где нет ни культуры, ни техники, где бескрайние просторы и богатства недр лежат нетронутыми, рухнули. Что касается чувств, то их не-

обходимо было вызвать не только положительным отношением к военнопленным, но и закрепить средствами пропаганды.

Пропаганда правды о Советском Союзе начиналась с того, что эту правду как раз и старались спрятать. Военнопленным старались создать такие условия, при которых общение с простым народом строго ограничивалось или просто исключалось, так как простой народ сильно отличался от создаваемого пропагандой гармоничного и благополучного советского демократического строя.

Вот один лишь пример. На территории лагеря военнопленных в Усурийске, обслуживавшего завод огнеупоров, проживали пять семей рабочих этого завода. Казалось, нет лучше случая, чтобы продемонстрировать на деле «правду» из жизни рабочих и других мифов из области пролетарского интернационализма. Однако политработники поступили иначе. Что, собственно, их напугало?

Бытовое и «политико-моральное» состояние рабочих они оценивали как «отвратительное». Частые простои в работе, заработок в 180—200 рублей при наличии семьи в 3—4 человека, необеспеченность их топливом иллюстрируют лишь часть тяжелого положения семьи. По завалению рабочих, они по 5—6 дней не едят хлеба, ходят в лохмотьях и живут в грязных, антисанитарных помещениях вместе с больными.

«В силу создавшейся обстановки с проживанием советских граждан на территории лагеря военнопленных, имеются случаи кражи при сушке белья военнопленных и попрошайничество продуктов питания детьми рабочих у военнопленных рабочих», — отмечал политработник этого лагеря и делал вывод. — «Такое тяжелое бытовое и экономическое положение советских граждан, проживающих в этом лагере на глазах у военнопленных японцев, наносит громадный ущерб политике нашей партии и государству»¹³⁹. Что тут еще говорить.

Пропаганда правды о Советском Союзе на разных этапах имела свою специфику. Первые попытки показать военнопленным преимущества советского строя были встречены ими недоверчиво и расценивались как нарочито тенденциозные. Учитывая это,

пришлось начать с общего ознакомления военнопленных с жизнью в СССР. Пленным преподносились факты без сложных комментариев и обобщений. В дальнейшем пропаганда стала глубже и всестороннее освещать вопросы социалистического строительства, акцентируя внимание на преимуществах советского общественного и государственного строя перед капиталистическим. Все сводилось к тому, чтобы подвести военнопленных «к выводу о необходимости бороться за социализм и в Японии на основе опыта СССР». Ввиду этого, широко распространялся опыт борьбы за власть революционной партии большевиков.

Вся система пропаганды была направлена на то, чтобы «постепенно подвести военнопленных к выводу, что только Советский Союз был и является искренним и надежным другом японского народа, что только дружба японского народа с народами Советского Союза является гарантией успеха японского народа в борьбе против американских колонизаторов и японской реакции за мир, демократию и национальную независимость страны»¹³⁴.

С самого начала плена советские органы пропаганды были заинтересованы в том, чтобы информировать военнопленных о событиях в Японии и формировать у них «правильное» представление о том, как демократизировать общественное и государственное устройство в их стране. Специфика советской пропаганды заключалась в том, что происходящие в Японии события трактовались в нужном для пропагандистов контексте. Собственно говоря, такое положение в те годы существовало и в советской печати, которая могла отражать только одну точку зрения и обязательно сквозь призму коммунистической идеологии.

«Правдоподобное» освещение касалось всех сторон жизни Японии и в первую очередь создания демократического фронта, чистки госаппарата, роста крупных концернов, выборов, создания новой конституции, земельной реформы, рабочего и крестьянского движения, создания рабочих профсоюзов, деятельности японской компартии, существования императорской системы, политики кабинетов, привлечения к ответственности виновников войны и военных преступников.

Вся пропаганда сводилась к тому, что разоблачению подлежало все, что несоответствовало коммунистической доктрине. В свою очередь, на щит поднималось все, что играло на руку и соответствовало целям пропаганды — «показ роста демократических сил японского народа, возглавляемых Компартией Японии и их борьбы за мир, демократию и национальную независимость Японии против американских колонизаторов и японских реакционеров», показ «миролюбивой и дружественной политики Советского Союза по отношению к японскому народу».

Целью данного направления пропаганды было «показать не только то, к каким последствиям приведет преступная политика американцев в Японии и их прислужников — японской реакции, но и подсказать пути борьбы, место, которое должны занять репатрианты в общей борьбе за новую демократическую Японию»¹³⁵. Можно отметить, что спецпропагандисты достигали желаемого. В письме побывавшего в плену Исимицу Масуноси и репатриированного в июне 1949 года, к еще военнопленному Нагамунэ Харудзи из 53-го лагеря, Япония описывается как «несущийся к гибели поезд, наполненный встревоженными пассажирами», а представления об общественной жизни страны соответствуют тем стереотипам, которые насаждались в лагерях¹³⁶.

Особое место в проводимой пропаганде занимала императорская тема. Внимание концентрировалось на самой персоне Императора Хирохито и на всей монархической системе правления. Что касается Императора, то в свете советской пропаганды он рассматривался как военный преступник, крупнейший помещик и капиталист и, в силу этого следовательно, подлежал суду. Сама монархическая система подлежала упразднению.

И здесь советская пропаганда, по признанию самих политработников, достигала цели и добилась определенных результатов в «навязывании своей точки зрения». В первую очередь, это касается того, что в среде пленных исчезло массовое преклонение перед персоной Императора. Военнопленные в отдельных своих высказываниях, то ли в печати, то ли на митингах, то ли на собраниях, выступали с критикой Императора, обвиняли его в том, что он «в

интересах обогащения правящих клик, разжег войну и обрек японский народ на бедствие».

«Многие японцы говорят, что Император умный, миролюбивый человек. Теперь мы знаем, что если Императора оставить у власти, то Япония снова вернется к прежней агрессивной политике», — высказывался военнопленный Исикава Кисэн из 23-го лагеря. Таких высказываний как раз и ожидали политработники.

С октября 1948 года резко усилилась пропаганда программы и деятельности компартии Японии. В директиве начальника Главного политуправления СА и ВМФ № 432/ш от 25.10.1948 года ставилась задача «прямого подведения пленных к сознанию необходимости вступления в КПЯ по прибытии на родину»¹³⁷. В связи с этим была разработана специальная тематика лекций и докладов для спецшкол и политкружков. В газете «Нихон Симбун» начали широко практиковать перепечатку статей из газеты японских коммунистов «Акахата».

Если в первое время военнопленные не имели представления о деятельности КПЯ и ее программе, то после принятых мер, лидеры компартии и основные программные требования партии стали известны широкому кругу военнопленных. К тому же, рейтинг этой партии постоянно повышался. В то время, как рейтинг ведущих партий Японии постоянно снижался. Это происходило благодаря целенаправленной пропаганде по дискредитации последних и повышению авторитета первой. Под влиянием пропаганды немало военнопленных-активистов считали себя коммунистами¹³⁸.

Однако, у самих политработников вызывало «недоуменные» вопросы то, что КПЯ в своей 9-ти пунктовой декларации, посвященной мирному договору для Японии, в третьем пункте ставила требование возвращения Курильских островов, не вела прямого разоблачения или даже критики американской оккупационной политики в Японии и вообще не употребляла в своей газете выражений «американский империализм», «американская реакция» и им подобных. В пропагандистской работе КПЯ совершенно отсутствовало такое важное направление как показ «преимуществ» советского строя и «всемирно-исторических побед» советского народа.

В понимании политработников такая партия лишь с большой натяжкой могла считаться коммунистической. Это не пугало их, так как они готовили для нее, по их мнению, хорошо подготовленное в идеологическом плане пополнение, которое могло изменить ее направленность. Особенно в последний год плена работа по подготовке кадров будущих коммунистов усилилась. Была проведена унификация многочисленных и разнообразных кружков и школ в единую систему политического обучения военнопленных с единой тематикой. Это сыграло определенную роль в окончательной индокринации пленных. По существу, в этот период была произведена операция по замене в сознании пленных старых категорий мышления на нужные, была задана новая система координат, которая также была опробована на практике в лагерях. Это хорошо видно по высказываниям пленных, в которых идеология классового подхода и различных ее терминов употребляется буквально через слово, и к месту, и не к месту. Военнопленные оказались вновь солдатами. Солдатами коммунистической армии, объявившей идеологическую войну США и его блоку. Они оказались снова на поле боя, на поле боя этой войны.

Глава 5. Письмо Сталину — апофеоз политической работы

Это не письмо Юкио Танака, жителя поселка Хонто на восточном побережье Южного Сахалина, который описывал жизнь на острове и предлагал Сталину вместо проводимой репатриации установить нормальные отношения с Японией и разрешить японцам, проживающим на Сахалине жить здесь и торговать с о. Хоккайдо. Его смелые предложения далеко расходились с советской политикой железного занавеса. Те японцы, которые пытались нелегально перейти границу в ту или иную сторону и были задержаны, осуждались советским судом за нарушение государственной границы к различным срокам лишения свободы и отправлялись в тюрьму. Такие письма Сталину не были нужны. Об этом хорошо знали политработники, которые и спрятали его в архив.

Политработникам нужно было письмо другого рода, письмо, которое бы показало «отцу всех народов» Сталину результаты их работы. Исходя из этого, и была задумана кампания по подписанию коллективного письма товарищу Сталину. Подписная кампания проводилась летом 1949 года в течение июля — августа месяцев и завершилась 1 сентября¹³⁹. Работа по сбору подписей проводилась во всех лагерях МВД, ОРБ МВС и в транзитных лагерях на Дальнем Востоке. Это было самое значительное событие в истории плена. Это была последняя акция, проведенная политорганами, своего рода венец их работы.

Проект этого благодарственного письма был разработан в недрах ОСП ПУ ВДВ и редакции газеты «Нихон Симбун». Работа по распространению проекта проводилась совместно с политотделом управления МВД по Хабаровскому краю.

В директиве начальника политуправления Приморского военного округа № 11/02188 от 20 июля 1949 года говорилось: «Высылаю проект благодарственного письма военнопленных японцев

товарищу Сталину. Организуйте широкое обсуждение письма и сбор подписей среди военнопленных. Обсуждение письма и сбор подписей должно послужить толчком для нового подъема политико-воспитательной работы среди военнопленных перед их отправкой в Японию.

Сбор подписей производить в специально оборудованных комнатах, в торжественной обстановке, после широкого обсуждения текста письма на митингах и собраниях военнопленных. Бланки для сбора подписей заполнять в соответствии с указаниями, содержащимися в специальном приложении к тексту благодарственного письма на японском языке. Заполненные бланки с подписями военнопленных высылайте непосредственно в адрес редакции газеты «Нихон Симбун». Донесение о проведении обсуждения письма и сбора подписей представляйте в политическое управление округа¹⁴⁰. Работу было решено завершить к 29 августа 1949 года.

Вся эта затея служила одной сверхзадаче — «еще выше поднять политический подъем среди военнопленных, довести до сознания каждого военнопленного, чтобы они увидели в этом политическом мероприятии еще одну возможность проявить свои искренние чувства благодарности к Советскому Союзу и Великому вождю Генералиссимусу товарищу Сталину, за теплую заботу, гуманное отношение к ним со стороны советского народа, за ту большую воспитательную работу среди них, которая дала им возможность понять правду и цель дальнейшей их жизни»¹⁴¹. Вот чего хотелось.

После проведения подготовительных мероприятий политпаратом и активом лагерей началась работа по подписанию письма. «Весть о том, что предоставлена возможность каждому военнопленному лично подписать письмо товарищу Сталину, выразить свои мысли, чувства и чаяния, вызвали небывалый политический подъем у военнопленных», — отмечали политработники. Они собирали пленных на митинги и собрания, зачитывали письмо и затем организовывали его подписание. Это называлось политическим подъемом.

Как-то было неудобно посылать Сталину письмо на простых листах. Начали думать как оформить это множество подписных

листов. Предложения шли с обеих сторон. Для просмотра и отбора лучших предложений был организован комитет из демактива под руководством политработников.

В центральный пункт подписки, находившийся в 380-м транзитном лагере, проектов по оформлению письма товарищу Сталину поступило настолько много, что командование лагеря приняло решение о проведении конкурсной выставки. На выставке победу одержал проект Мории Комедэо. Он предлагал оформить письмо Сталину в форме книги на шелке, на обложке которой расположить японский иероглиф из металла, говорящий о клятве. Это письмо помещалось в шкатулке, на крышке которой располагался барельеф вождя всех народов из серебра. В свою очередь шкатулка помещалась в японском национальном домике, который на руках несли товарищу Сталину военнопленные японцы с красным знаменем впереди.

Все вместе взятое, по замыслу организаторов, символизировало «мирный домашний очаг — мир, за который борются простые люди всего мира в т. ч. трудящиеся Японии. Фигуры репатриантов, несущие дом с красным знаменем впереди, их боевая поступь означают решимость японских репатриантов самоотверженно бороться за мир во всем мире. Все сооружение символизирует собой клятву, которую приносят военнопленные товарищу Сталину»¹⁴².

Для воплощения проекта были созданы четыре творческих бригады, объединявшие 55 человек. Работавшие над оформлением благодарственного письма военнопленные, были окружены большим вниманием и всякой поддержкой со стороны лагерной администрации и части пленных. Им поступали самые различные советы, предложения, материалы, необходимые для работы. Для крыши дома, искусно изготовленной из соломы, спрессованной и окрашенной в растворе коры пробкового дерева, пленными было собрано и специально высушено около 100 тысяч соломинок. Ход работ ежедневно сообщался во всех лагерных отделениях.

В период кампании по подписанию письма, от военнопленных поступило большое количество отзывов и впечатлений о Со-

ветском Союзе, рисунков, отражающих жизнь, быт, труд и учебу военнопленных в лагерях. Отзывы и рисунки были собраны в альбомы и помещены в специальные шкапулки. В альбоме отзывов ефрейтор Иосикава Киотада, уроженец префектуры Кумамото, токарь по профессии, записал: «Самым большим событием моей жизни было подписание благодарственного письма великому Сталину. Подписывая это письмо, я давал клятву, что его содержание будет для меня программой борьбы на всю жизнь». А его товарищ по несчастью Ясукава Канги оставил себе на память кисть, которой расписался и сказал, что он ее сохранит на всю жизнь как драгоценную реликвию. Такой эмоциональный подъем среди пленных привел к тому, что 53-й транзитный лагерь до этого не славившийся выполнением планов в августе план перевыполнил — более 10 бригад перевыполнили производственные показатели от 180 до 250%.

Вся работа по подписанию и оформлению письма была закончена 31 августа 1949 года. За это время было собрано 66 434 подписей, которые были сшиты в 10 альбомов на 1 120 листах¹⁴³. Уже 1 сентября собранные подписи в шкапулках представлялись высокому руководству. Домик показывали в штабе Приморского военного округа в Уссурийске. Заместитель командующего округом по политической части генерал Коннов выразил благодарность всему коллективу, принимавшему участие в оформлении письма, разумеется советской половине коллектива, справившейся с поставленной задачей.

В период с 31 августа по 6 сентября 1949 года в лагерях были проведены выборы делегатов от военнопленных на межкрасовую конференцию по поводу отправки письма и подарков Сталину. Таких делегатов набралось 65 человек, из Приморья было 35 пленных. Проводы делегатов на конференцию в Хабаровск «вылились в неописываемые торжества и ликования всех военнопленных». Не обошлось без того, чтобы использовать выборную кампанию для чистки функционеров и актива. Наиболее громкое «дело» было сфабриковано против руководителя красового бюро демократического актива лагерей Хабаровского края функционера Асахара.

Асахара долгое время возглавлял краевой АФК и тесно сотрудничал с политическим отделом Управления лагерей МВД по Хабаровскому краю. Он активно занимался политической работой — читал лекции, выступал на собраниях, митингах, разоблачал «реакционеров». Его активная деятельность снискала хорошее отношение к нему со стороны советского командования. Однако, Асахара совершил ошибку — он перестал играть роль и стал действительно считать себя самым лучшим и незаменимым функционером и претендовать на то, чтобы доставить письмо лично Сталину.

Это не понравилось политработникам и во время выборной кампании он был отстранен от руководства краевым бюро и не был избран в делегацию от лагерей Хабаровского края на межкраевую конференцию. В свою очередь Асахара заявил, что без него делегация не сможет полномочно представить краевое демократическое движение, так как он самый старый и опытный функционер.

Несмотря на его заслуги, против него был собран многочисленный материал, в котором на более чем десяти машинописных листах он обвинялся в не менее многочисленных грехах¹⁶⁴. Старший инструктор по работе среди военнопленных политотдела лагерей МВД по Хабаровскому краю старший лейтенант Корабенков дал указание председателю АФК 16-го лагеря функционеру Такама провести совещание со всеми делегатами, на котором раскрыть и осудить Асахара. Кроме этого собранный материал был разослан по всем политуправлениям и политотделам для информации.

7 и 8 сентября 1949 года в Хабаровске на межкраевой конференции выбранных делегатов была организована выставка благодарственного письма товарищу Сталину и подарков от военнопленных. Все экспонаты получили высокую оценку со стороны посетителей выставки — генералов и офицеров Ставки войск на Дальнем Востоке, а также партийных и советских работников Хабаровского края. На выставке присутствовали и делегаты из лагерей. Высокое начальство отобрало для отправки в Москву лучшие экспонаты, среди которых на ряду с письмом товарищу Сталину со шкатулкой, украшенной серебряным силуэтом Сталина был ху-

дожественный макет японского «домика мира» с барельефом, портрет товарища Сталина (резьба по дереву) в резном футляре, какемоно с поэмой о товарище Сталине, три альбома с подписями военнопленных в резных шкатулках, фотоальбом с фотоснимками, изображающими эпизоды подписания письма товарищу Сталину и альбом индивидуальных писем военнопленных товарищу Сталину»¹⁴⁵.

Все это было увезено подполковником Одинцовым в ГлавПУ СА и ВМФ. Что касается самого текста письма, то нет никакой необходимости его пересказывать, зная о том, где он написан. Редакцией газеты «Нихон Симбун» была издана брошюра с текстом благодарственного письма на русском и японском языках тиражом в 100 экземпляров. Один экземпляр хранится в Музее истории войск Дальневосточного военного округа.

Не обошлось и без ложки дегтя в бочке меда. По прибытии в Японию младший унтер-офицер Мидзухара Сигеру заявил о том, что подписание письма Сталину проводится принудительным путем. Уж за руку, конечно, никого не тянули, но и принципа добровольности не было. Оказалось, что Мидзухара Сигеру, уроженец префектуры Кагава, г.Такамацу — классовый враг. «После окончания университета Кето он занимался спортом. Дважды был в Америке. Славился своей развратной жизнью. После пленения и доставки на советскую территорию находился в лагере № 7. В течение всего периода плена отлынивал от работы и не принимал участия в демократическом движении»¹⁴⁶.

Знакомый почерк советских политработников. Все эти данные, характеризующие «истинное лицо» Мидзухара, были использованы при подготовке и проведении митингов протеста. Характер этих митингов раскрывается в одном из донесений: «военнопленные заклеили позором предательский поступок прихвостня японо-американской реакции и выразили твердую решимость вести непримиримую борьбу с подобными элементами. Выступающие на митингах призывали массы военнопленных беспощадно разоблачать и громить таких капитулянтов, трусов и предателей. На митингах были приняты многочисленные резолюции протес-

та, призывающие военнопленных к бдительности и сплочению». Чистота рядов требовала этого.

Из этого описания можно увидеть ту атмосферу, в которой жили пленные. Уже чувствуется, что это не разнородная масса, а единый «демократический» строй, который исправно подчиняется своим командирам, в первую очередь, японским политработникам в лице активистов. Эта «духовная» атмосфера сплошь заполнена отравляющим газом коммунистической идеологии. Все чужеродное ей подлежало немедленному подавлению. В результате политической индокринации, после массивной идеологической обработки в последние месяцы плена, а также созданной обстановки политического и морального террора, многие военнопленные поддались советской пропаганде и уверовали в правоту своих новых убеждений.

Глава 6.

Последние попытки сопротивления

В 1949 году усиленная политическая обработка проводилась в лагерях Хабаровского и Приморского краев. Центром всей политработы стал 380-й транзитный лагерь репатриации. Здесь были сосредоточены основные силы как советских политработников, так и функционеров, закончивших различные курсы. В 380-й лагерь была перенесена и спецшкола политического управления Приморского военного округа.

После начала последней кампании репатриации японских военнопленных, политработники начали отмечать «усиление вражеской и шпионской деятельности» со стороны репатрируемых. Начальник политуправления Приморского военного округа, в обязанности которого входило политическое обеспечение репатриации, предложил провести чистку среди актива, усилить изучение политических настроений активистов, а «во всех выявленных фактах враждебной и шпионской деятельности, а также подозрительного в политическом отношении поведения отдельных военнопленных» немедленно ставить в известность органы МВД¹⁴⁷.

Эйфория полного всевластия над сознанием пленных была омрачена поведением прибывавших в лагерь последних репатриантов. Они отличались своим непримиримым антисоветизмом, отказывались участвовать в разучивании революционных песен, в проведении демонстраций и митингов. Помимо этого, среди военнопленных 386-го лагеря (Ташкент), прибывших в конце октября 1949 года в лагерь, была выявлена «террористическая» группа в составе 16 человек, которая открыто высказывала угрозы в адрес демактива и функционеров, заявляя, что «по возвращении в Японию, мы всех демократов уничтожим физически и будем непримиримыми борцами против коммунизма». Здесь же был выявлен член редакции токийской газеты «Асахи» Цугео Суэо, который намеревался использовать «японскую реакционную печать с целью распространения клеветы на Советский Союз».

Наиболее вопиющим фактом, о котором политработникам поведал Танака Тосио, была попытка 3 ноября 1949 года нанести удар ножом в голову члену деактива лагеря Мураками. Это произошло в 6 часов утра, когда все военнопленные были на физзарядке. «Между домами № 14 и 13 стояла группа японцев из 5–6 человек и курила. К ним подошел Мураками и сказал «наши товарищи уже занимаются физзарядкой. Пойдем и мы позанимаемся». Сразу же все курящие стали быстро докуривать свои папиросы и собираться на физзарядку. Как раз в это время подошедший с левой стороны японец размахнулся и ударил ножом активиста по голове. Мураками вовремя заметил это, отшатнулся и загородился рукой, в результате покушения были порезаны только шапка и рукав фуфайки»¹⁴⁸.

Ответ лагерной администрации не заставил себя долго ждать — наиболее «реакционная» часть из состава ташкентского эшелона в количестве 125 человек были задержаны спецорганами от репатриации «с целью их окончательного разоблачения». В составе последних эшелонов прибывали ранее репрессированные «реакционные элементы» из числа армейских офицеров, а также полицейских, жандармов и служащих японских военных миссий, на которых не было собрано достаточного количества компрометирующих материалов, чтобы подвергнуть их суду военного трибунала. Один из таких эшелонов прибыл из 13-го режимного лагеря МВД располагавшегося во Владивостоке. Вот какую характеристику прибывшим дали политработники: «... эта часть военнопленных, в основном офицерский состав, враждебно настроена по отношению к демократическому движению, верит в Императора и еще до сих пор недружелюбно, а в некоторых случаях даже враждебно, относится к гражданам Советского Союза»¹⁴⁹. Офицерский состав почти никакого участия не принимал в проводимых активом и политшарлотом 380-го транзитного лагеря мероприятиях политического характера, а если и принимали, то «не слушали докладов, а спали».

До последнего дня своего плена многие японцы старались сохранить верность традициям, хотя это и могло привести к негативным для них последствиям. Выражалось это в том, что они стара-

лись сохранить у себя знаки воинского отличия, грамоты и другие предметы военного обихода. 3 августа 1949 года у старшего унтер-офицера Такамура Коити был обнаружен японский национальный флаг, который вручали родители молодому воину и писали на нем свои напутствия, а также грамота за доблестные боевые действия в Северном Китае в 1937—1939 годах. Этот факт вызвал взрыв негодования у активистов и только вмешательство командования 53-го лагеря помешало учинить самосуд над Такамура Коити.

Заключительным этапом в политической работе во время репатриации являлось проведение проводов репатриантов на берегу бухты Находка на фоне ожидавшего погрузки японского корабля. Всегда перед посадкой проводился митинг, на котором репатрианты благодарили Сталина за годы, проведенные в Советском Союзе и утверждали, что СССР не такая уж плохая страна по сравнению с Японией, не говоря уже о США. Почти каждый пароход отходил от причала порта с громким пением всеми репатриантами революционных песен. Эта картина умиляла лагерное руководство. Мелкие стычки солдат с офицерами во время митинга вызвали у них чувство удовлетворенности от проделанной с военнопленными политической работы.

Одна из таких стычек описывается в докладе, представленном в ГлавПУР Вооруженных Сил СССР: «30 октября 1948 года 3 000 военнопленных были приведены в порт и выстроены невдалеке от японского парохода в ожидании начала погрузки. В это время двое из репатрируемых японских офицеров, почувствовав себя уже в Японии, решили выступить перед репатриантами с антидемократической речью. В результате им буквально не дали вымолвить своих мыслей, они были стащены за полы (шинелей) с возвышенностей и только вмешательство наших офицеров и десятка вооруженных солдат спасли этих подлецов от неминуемой кровавой расправы над ними. Масса репатрируемых солдат-японцев набросилась на них, свалила их и пыталась расправиться с ними.

После этого тут же стихийно возник митинг — выступили 3—4 демократически настроенных военнопленных, которых привет-

ствовала вся масса военнопленных громкими выкриками и аплодисментами. Затем вскочили на возвышенность другие трое японцев и с пашками в руках стали дирижировать пением «Интернационала». Громким пением «Интернационала» в 3000 голосов закончилась неудачная враждебная вылазка двух офицеров», — удовлетворенно констатируется в докладе.

Когда основная масса военнопленных японских солдат и части офицеров была репатрирована, очередь подошла и к тем, которые изымались органами МВД и МГБ как реакционно настроенные. Эффективность политико-просветительной работы резко пошла на убыль, а проводы на берегу потеряли свою эффективность и привлекательность для всегда наблюдавших их подолгу службы офицеров лагеря репатриации. На их глазах, один из офицеров, когда его вызвали по списку, подошел к трапу и демонстративно распахнул фуфайку, под которой оказалась сохраненная японская военная форма и знаки различия. С высоко поднятой головой и с заложенными за спину руками он стал подниматься на пароход. Перед тем, как стать на палубу парохода, он принял стойку «смирно» и поприветствовал команду парохода¹⁵⁰.

Таким образом поступали многие офицеры из состава последних эшелонов, убывавших домой на двух пароходах 29 и 30 ноября 1949 года. После этого они уходили в трюм и на палубу не выходили до отплытия парохода. Как заметила лагерная администрация, «ранее со стороны репатриантов этого не было». Ей было скучно без пения песен. Здесь они встретили ту гордость духа, которую им не удалось переломить.

Если говорить о сопротивлении японских офицеров и солдат в плену, то можно говорить о том, что оно было и имело наибольший успех в первые годы плена. С 12 апреля 1947 года, когда офицеров отделили от солдатской массы, японская армия перестала существовать и ее воинская честь и традиции были сохранены лишь в сердцах японских офицеров и верных воинскому долгу солдат. Безусловно, масштабы и динамизм сопротивления не могли быть в тех условиях значительными, но сам факт того, что оно было, вызывает уважение к знаменам японской армии.

По существу можно говорить не столько о сопротивлении, сколько о противостоянии японских национальных идеалов, чувств и традиций искусственно насаждаемым идеям советской демократии, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Разумеется, что о какой-либо победе здесь говорить не приходится. Можно говорить о том, что советской стороне удалось навязать определенной части пленных свою коммунистическую доктрину. Однако, если идеи, формула мышления и т.п. относятся к сознанию и могут быть подвергнуты изменениям, то национальные чувства, менталитет японцев не могли измениться и в плену, так как формировались столетиями и за короткий срок не исчезают. В этом смысле все пленные остались японцами, но с разной степенью осознания этого факта.

НИПАИТТАЛЭ ОГАРАИ

1. Текст 1
2. Текст 2

3. Текст 3
4. Текст 4
5. Текст 5
6. Текст 6
7. Текст 7
8. Текст 8
9. Текст 9
10. Текст 10
11. Текст 11
12. Текст 12
13. Текст 13
14. Текст 14
15. Текст 15
16. Текст 16
17. Текст 17
18. Текст 18
19. Текст 19
20. Текст 20
21. Текст 21
22. Текст 22
23. Текст 23
24. Текст 24
25. Текст 25
26. Текст 26
27. Текст 27
28. Текст 28
29. Текст 29
30. Текст 30
31. Текст 31
32. Текст 32
33. Текст 33
34. Текст 34
35. Текст 35
36. Текст 36
37. Текст 37
38. Текст 38
39. Текст 39
40. Текст 40
41. Текст 41
42. Текст 42
43. Текст 43
44. Текст 44
45. Текст 45
46. Текст 46
47. Текст 47
48. Текст 48
49. Текст 49
50. Текст 50
51. Текст 51
52. Текст 52
53. Текст 53
54. Текст 54
55. Текст 55
56. Текст 56
57. Текст 57
58. Текст 58
59. Текст 59
60. Текст 60
61. Текст 61
62. Текст 62
63. Текст 63
64. Текст 64
65. Текст 65
66. Текст 66
67. Текст 67
68. Текст 68
69. Текст 69
70. Текст 70
71. Текст 71
72. Текст 72
73. Текст 73
74. Текст 74
75. Текст 75
76. Текст 76
77. Текст 77
78. Текст 78
79. Текст 79
80. Текст 80
81. Текст 81
82. Текст 82
83. Текст 83
84. Текст 84
85. Текст 85
86. Текст 86
87. Текст 87
88. Текст 88
89. Текст 89
90. Текст 90
91. Текст 91
92. Текст 92
93. Текст 93
94. Текст 94
95. Текст 95
96. Текст 96
97. Текст 97
98. Текст 98
99. Текст 99
100. Текст 100

Раздел третий

РЕПАТРИАЦИЯ ЯПОНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЯПОНИЮ (1946—1956 гг.)

Часть I.

НАЧАЛО РЕПАТРИАЦИИ

Глава 1.

Организационный период

Рано или поздно, но Советскому правительству пришлось бы столкнуться с ситуацией, когда необходимость возвращения военнопленных домой стала бы остро необходимой. Эта ситуация могла быть вызвана с одной стороны настойчивыми требованиями США о скорейшем возвращении пленным, с другой — степенью их полезности для страны пребывания. К более реальным причинам можно отнести настойчивую США, требовавших соблюдения Потсдамских договоренностей и скорейшего возвращения пленным в Японию. К этому нужно добавить и тяжелое положение в лагерях, а особенно факт высокой смертности среди пленным в зиму 1945 — 1946 годов, что несомненно подтолкнуло Советское правительство к принятию решения о репатриации. Это решение диктовалось и политическими мотивами. Кроме отношений с США, особое место занимала проблема сближения СССР с Японией и заключения мирного договора с ней.

Исходя из этого, Советское Правительство 4 октября 1946 года приняло постановление № 2235-921 с «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц». Постановление подписал И. Сталин. Тем самым он как бы косвенно признал ошибочность своего прошлогоднего решения.

Проведение репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц было возложено на Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-полковника Голыкова. Выполнением этой задачи занимались непосредственно еще восемь министерств. Управление Уполномоченного обязывалось проводить сбор, учет, размещение и содержание в лагерях репатриации отправляемых на родину военнопленных и гражданских лиц. Все это оно должно было делать «через посредство Военных Советов Дальневосточного, Приморского, Забайкало-Амурского и Восточно-Сибирского военных округов и Начальника Тыла Вооруженных Сил СССР»¹⁵¹. Отpravку военнопленных Управление репатриации согласовывало с Министерством Иностранных, Внутренних Дел и Вооруженных Сил. В виду климатических условий Дальнего Востока, репатриация из СССР с декабря по март не предусматривалась.

Возвращение домой японцев намечалось через определенные пункты и порты. Министерство Вооруженных Сил к 20 октября 1946 года создавало и обязывалось содержать в районе порта Маока (ныне Холмск) на Сахалине и в районе порта Находка в Приморье по одному транзитному лагерю вместимостью 6 000 человек каждый. На случай их перегрузки, а также для содержания военнопленных со «слабым физическим состоянием» в целях его улучшения в Забайкало-Амурском и Восточно-Сибирском военных округах создавались по одному сборному лагерю той же вместимости, что и транзитные. В целях координации действий министерств с центром и лагерями в округах создавались отделы репатриации.

Другие министерства и ведомства обеспечивали репатриацию питанием, «предметами вещевого довольствия, пригодным к носке, для плохо одетых и разутых», медико-санитарным обслужи-

ванием, ларьками «для торговли предметами первой необходимости в лагерях», транспортом, финансами.

К слову сказать, Управление репатриации никогда прежде, с момента его создания в 1944 году не репатриировало ни одного военнопленного. Обычно этим занималось ГУПВИ МВД СССР. Здесь же был особый случай сочетания репатриации военнопленных и гражданского населения с территорий, контролируемых СССР и с территорий вновь вошедших в его состав. Для того, чтобы такая репатриация не была похожа на операции НКВД по выселению крымских татар, ингушей, поволжских немцев и других народов Советского Союза, такая миссия не была поручена этому министерству. Управление же репатриации имело большой опыт в организации приема и устройства иностранных репатриантов, а также репатрируемых из европейских и других стран граждан СССР, что было основной задачей управления. За два года работы, а именно к 1 марта 1946 года, структурные подразделения этого управления, возвратили на родину 5 352 963 советских граждан и 4 016 588 граждан иностранных государств¹⁵⁰. Так что новая задача, поставленная Правительством Управлению репатриации была по силам.

Руководствуясь своим опытом, Управление 18 октября 1946 года провело двухчасовое совещание с представителями министерств по вопросу репатриации японцев. Заместитель начальника управления генерал Плубев ознакомил присутствующих с намеченным планом репатриации. По его мнению необходимо было репатриировать около 700 тысяч японцев и это можно было сделать в два этапа: 1 этап — ноябрь месяц 1946 года и 2 этап — с апреля 1947 года.

В случае своевременной готовности лагерей в ноябре месяце было намечено отправить в Японию из порта Находка с 12 по 15, с 21 по 23, и 29 ноября, а также 3 декабря 1946 года по 6 000 человек и из порта Маока с 12 по 15 и с 21 по 23 ноября по 5 000 человек. Всего же к 1 апреля 1947 года, к началу второго этапа, предполагалось отправить около 30 тысяч человек. Темп дальнейшей репатриации намечался в 20 — 25 000 человек в месяц из обоих портов.

По просьбе Военного Совета Дальневосточного военного округа из порта Маока планировалось отправлять в первую очередь раз-

рожденные семьи, затем военнопленных и «разный сброд в лице притондержателей и прочих не занятых на производстве людей». Из порта Находка в первую очередь отправлялись абсолютно здоровые и хорошо одетые военнопленные. «Вообще надо, чтобы авангардный эшелон репатриантов прибыл в Японию в полном порядке — говорил Голубев, — чтобы ни к чему не могли придрататься для разжигания антисоветской клеветы»¹⁵³. Последующие эшелоны должны были отправляться в таком же порядке как и первый.

В ходе заседания возник вопрос о причале в порту Находка. Порт Маока был приспособлен причалами для посадки людей на корабли. В порту Находка предполагалось производить погрузку кораблей на рейде, хотя по словам представителя Министерства Морского Флота в порту имелся новый причал, дававший возможность грузить людей на корабли с осадкой до 7 метров. Он не видел никаких затруднений в использовании этого причала. А напрасно. Даже после полученного согласия со стороны Военно-Морского Флота и Генерального Штаба ВС СССР органам репатриации пришлось приложить немало сил для того, чтобы беспрепятственно им пользоваться.

Здесь же, на совещании, генерал Голубев согласовал с генералом Кривенко (представителем ГУТВИ МВД СССР) вопрос о направлении контингентов военнопленных из лагерей МВД по заявкам органов репатриации. МВД обязалось направлять в лагерь людей только после получения уведомления и календарных сроков заполнения лагерей. Также был обсужден вопрос о готовности лагерей и необходимости форсирования работ по их подготовке к работе, для чего было признано необходимым ускорить отвод помещений для лагерей, завоз продовольствия и вещевого имущества. При решении этого вопроса настоятельно рекомендовалось использовать данное правительством право использовать под лагеря любые помещения, какому бы они ведомству не принадлежали.

Задачи были поставлены, цели определены, исполнители найдены и началась лихорадочная подготовка к показательной отправке первой партии репатриантов. Из-за возникших организационных трудностей репатриация началась не в ноябре, как пла-

нировалось, а в начале декабря 1946 года. Первые корабли прибыли 2, 3 и 4 декабря в порты Маока, Находка и Дайрен — всего 8 кораблей. На этих кораблях было отправлено 16 578 человек первых репатриантов.

С началом репатриации, к своему удивлению, советская сторона должна была отметить, что имеет дело не с американцами, как это предполагалось, а с японцами. Капитаны и команда, как первых, так и всех последующих кораблей были исключительно японцы. Американских представителей ни на одном судне не было. Такое положение для советской стороны было ненормальным, и органы репатриации считали необходимым предложить американцам, чтобы в дальнейшем передача японцев-репатриантов производилась не самим японцам, а представителям американского командования. Последнее хотя и было заинтересовано в скорейшей репатриации японцев на родину все же полагало, что это дело в большей степени касалось Советского Союза чем США.

Долгие торги по поводу соглашения с американцами в вопросе о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц вынудили генерала Голубева предложить Министерству Иностранных Дел воздержаться от репатриации с территории СССР до подписания такого соглашения. Одновременно, в связи с тяжелым продовольственным положением в районе военно-морской базы в Порт-Артуре, репатриацию японцев со всего Ляодунского полуострова он предлагал не прекращать, а принять план маршала Мерцкова и репатриировать по 50 тысяч человек ежемесячно.

19 декабря 1946 года в Токио генерал Деревянко и представитель Главнокомандующего союзных держав в Японии генерал Пауль Дж. Миллер подписали соглашение по вопросу репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР и с территорий, находящихся под его контролем, в Японию. В соглашении было указано, что с территории СССР и контролируемых им районов репатриации подлежат японские военнопленные и японские гражданские лица. Особо оговаривалось, что с территории СССР японские гражданские лица репатрируются на добровольных началах. Устанавливались порты через которые наме-

чалось проводить репатриацию — Находка, Маока, Гензан, Канко и Дальний (Дайрен). Темп репатриации устанавливался в 50 000 человек в месяц из всех портов без учета категорий репатриантов. Предусматривалось также, что в случае непредвиденных обстоятельств репатриация может быть приостановлена или заменен порт отправки. Здесь имелись ввиду климатические условия — ледовая обстановка, трудности подвоза репатрируемых к портам в условиях зимы т. е. не политические мотивы. Соглашение определяло порядок приема репатриантов на корабли и их транспортировку в Японию. Распределялись обязанности по обеспечению и подготовке репатриантов к отправке. Предусматривалось, что «все расходы, связанные с репатриацией японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР и территорий, контролируемых СССР, должны быть отнесены на счет японского правительства»¹²⁴.

Соглашением были урегулированы и имущественные права репатриантов. К тому времени никаких международных решений по вопросу имущества японцев, репатрируемых с территорий, ранее оккупированных Японией не имелось. Повсюду они разрешались по — разному. Американцы в Южной Корее поступили с имуществом репатрируемых японцев следующим образом: вся собственность японских граждан была объявлена собственностью американской военной администрации. Корейцам разрешалось покупать у репатрируемых японцев жилые дома, землю и торговые предприятия, но деньги корейцы платили не японцам, а вносили в банк на текущий счет американской военной администрации, которая выплачивала бывшему владельцу имущества только 1 000 пен и на остальную сумму выдавала обязательство погашения ее в определенные сроки в Японии.

Китайцы в Шанхае поступали по-другому — репатрируемым японцам разрешалось брать только личную одежду, постельные принадлежности, 5 фунтов риса и другие мелкие вещи. Остальное имущество конфисковывалось. Частным японским лицам был дан 20-дневный срок для добровольной сдачи имущества с выдачей квитанций на право предъявления к оплате стоимости сданного имущества в Японии в счет репараций. Имущество, не сданное в

установленный срок, конфисковывалось без выдачи каких-либо квитанций. На практике все выглядело несколько по иному. Репатрируемые японцы собирались в лагеря, где они обыскивались и грабились дочиста китайскими военными и полицейскими. Имущество их конфисковывалось и передавалось за взятки китайским спекулянтам, купцам и полицейским.

На территории СССР японское имущество — рыболовные концессионные предприятия на Камчатке и на побережье Охотского моря, а также все японские предприятия Южного Сахалина и Курильских островов по количеству рабочих свыше 10 человек¹⁵⁵, специальные предприятия (типографии, театры, больницы, гостиницы), крупные сельскохозяйственные фермы были национализированы и переданы в распоряжение советских хозяйственных организаций и министерств¹⁵⁶.

Соглашение с американцами разрешало репатрируемым японским военнопленным провозить личные вещи в объеме ручного багажа, а японскому гражданскому населению — личные вещи и имущество в количестве не свыше 100 кг на одного человека. Тем и другим разрешалось взять с собой деньги в сумме на одного человека: не свыше 500 иен для офицеров, 200 иен для солдат, 1000 иен для гражданских лиц, а также разрешалось брать с собой личные почтовые сберегательные книжки, банковские книжки и другие личные именные документы, выданные японскими финансовыми учреждениями и подлежащие оплате в Японии.

Решив все проблемы организационного периода, договорившись обо всем со всеми заинтересованными сторонами, органы репатриации решились еще на один рейс с репатриантами в Японию. Последний в 1946 году. На этот раз повезло японцам — жителям Южного Сахалина, которых отправили на родину в вангун 1947 года. На этом репатриации из СССР в этом году закончилась. Усиленным темпом она продолжалась из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова. Для военнопленных 1946-й год оказался годом резких контрастов. Они пережили ужасные испытания зимы, потеряли всякую надежду на возвращение домой и вновь ее приобрели с началом репатриации.

Глава 2. Лагеря репатриации

Как известно, во главе системы органов репатриации, стояло Управление Уполномоченного по делам репатриации при Совете Министров СССР, проще говоря — Управление репатриации. В эту систему входили пункты репатриации, которые в советской интерпретации назывались лагерями. Лагеря репатриации были последним звеном довольно разветвленной системы. С центром их связывали отделы по делам репатриации военных округов Сибири и Дальнего Востока. В целом, в органах репатриации на 1 января 1947 года работало 1 776 работников, занятых подготовкой к возвращению на родину японских военнопленных и гражданских лиц. В отделах по делам репатриации в военных округах работало по 68 человек, в транзитных и сборных лагерях было занято еще 858 человек обслуживающего персонала и 850 человек — солдат и офицеров из рот охраны этих лагерей.

Лагеря репатриации были организованы в соответствии с постановлением правительства и директивами Генерального штаба ВС СССР. В Дальневосточном военном округе в порту Маока размещался лагерь № 379. Приморский военный округ развернул в бухте Находка лагерь № 380. На территории Северной Кореи были созданы лагеря № 51 (порт Гензан) и № 53 (порт Конан), а лагерь № 14 в порту Дальний на Ляодунском полуострове. Все вышеназванные лагеря были транзитными, т. е. репатрианты в них надолго не задерживались. Сборные лагеря были открыты в Забайкало-Амурском военном округе — № 381, в Восточно-Сибирском военном округе — № 382. Начальником последнего был Герой Советского Союза гвардии полковник Скрынников. Правда, непонятно почему, ведь никакого смысла в этом назначения не было.

Перед сборными лагерями не ставилась задача непосредственной отправки военнопленных прямо в Японию. В их функцию входила подготовка военнопленных к отправке в транзит-

ные лагеря. Предусматривалось, что в сборные лагеря будут направляться ослабленные военнопленные, которым создадут определенный режим, позволяющий восстановить им здоровье. Задумано было неплохо, и даже если хоть одному военнопленному это помогло, то можно считать, что сборные лагеря свою миссию выполнили. Все же жизнь оказалась сильнее задуманных схем и внесла свои коррективы. Ввиду того, что темп репатриации, да и ее цели, не были рассчитаны на полное восстановление военнопленных, и в целях экономии и сокращения перевозок Министерство Внутренних Дел не считало нужным отправлять пленных в массовом масштабе в сборные лагеря и отправляло их непосредственно в транзитный лагерь в Находке.

Сборный лагерь № 382 представлял собой территорию размером 1 800 на 1 300 метров, на которой было размещено два флота землянок для военнопленных и служб обеспечения, а также жилые помещения роты охраны и офицерского состава. Все землянки представляли собой однотипные сооружения вместимостью по 300 человек. В них были размещены одно — и двухрядные нары в четыре ряда. «Земляной фонд», так называли землянки в которых размещались военнопленные, требовал капитального ремонта. Верхнее покрытие «земляного фонда» прогнило настолько, что требовало замены.

Ремонт производился силами самих военнопленных. Руками военнопленных в лагере оборудовались пищеблок, баня, проводилась заготовка дров, устройство новых колодцев для воды, усиливалась внешняя и внутренняя ограда лагеря. Несмотря на проведенную подготовительную работу по благоустройству лагеря, прибывшая проверка из Управления МВД по Иркутской области, пришла к выводу, что лагерь не готов к приему военнопленных. Зона лагеря по периметру не была ограждена. Военнопленные, принятые лагерем от охраны МВД, ходили по территории лагеря и железнодорожного поселка станции Мальта без всякой охраны. «Жилые землянки для размещения военнопленных не подготовлены — отсутствуют нары, не остеклены окна. Отдельные группы военнопленных размещены в полуразрушенных землянках. Вода в ла-

герь доставляется в котелках самими военнопленными за полтора километра», — писал заместитель начальника ГУПВИ МВД СССР генерал Петров в Управление репатриации¹⁰⁷. Описанную картину лагерного быта можно дополнить небольшим, но существенным замечанием — на дворе стояла сибирская зима. В конечном итоге, усилиями военнопленных их быт и быт работников лагеря был налажен.

Впрочем, работа внутри лагеря хотя и была важна, но не была главной. Руководство Восточно-Сибирского военного округа стремилось максимально использовать военнопленных лагеря репатриации для выполнения стоящих перед ним задач. Командующий округом генерал армии Захаров этого и не скрывал. Он разъяснял командирам всех степеней, «что военнопленные японцы для нас явление временное и по плану нашего правительства они в ближайшем будущем будут отправлены в Японию, поэтому нашей важнейшей задачей является — умелое использование военнопленных»¹⁰⁸. Думая об усиленной эксплуатации военнопленных, он не забывал ставить своим подчиненным задачу воспитания у них чувства симпатии к Советскому Союзу.

В те годы занятость военнопленных на различных работах, особенно в этом лагере, измерялась такой мерой, как «человекодень». Видимо, это показатель количества людей, выполнивших определенную работу за определенное количество времени, измеренного днями. Так вот, на благоустройство лагеря было затрачено 121 000 «человекодней», в то время как на работу в воинских частях Восточно-Сибирского военного округа было затрачено 413 912 «человекодней». Военнопленные были также задействованы и на уборке урожая — на это было затрачено 47 543 «человекодней». Всего же количество отработанных военнопленными часов составило 591 260 «человекодней» нечеловеческого труда военнопленных. За весь период существования лагеря в него поступило 13 422 человека, из которых 222 были офицерами, а 14 — интернированными гражданами. Последний эшелон из лагеря ушел 19 октября 1947 года и таким образом можно сказать, что лагерь не просуществовал и года.

Точно такие же задачи стояли и перед 381-м сборным лагерем репатриации. Этот лагерь размещался в Пади Сухой на северной окраине г. Чита, в 2,5 км от железнодорожной станции Чита—2. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Его казарменный фонд состоял из капитальных бревенчатых строений 1937—1939 годов постройки. За восьмимесячный период работы через 381-й сборный лагерь репатриации было направлено в Находку всего 3 000 военнопленных. Большой надобности в подобных лагерях Управление репатриации не видело. Оно предлагало Генеральному штабу ВС СССР сократить их, обосновывая это тем, что поступающий контингент от органов МВД не требовал длительного пребывания в них, как это предполагалось раньше. Кроме того, лагерь № 380 в Находке вместо предполагаемой нормы размещения в 6 000 человек был расширен с учетом численности находившегося уже там лагеря № 53 до 20 000 человек и вполне справлялся с приемкой и отправкой военнопленных японцев установленным правительством темпом в 20 000 человек в месяц¹⁶⁶. Генеральный штаб ВС СССР своей директивой предложил расформировать 381-й и 382-й сборные лагеря к 25 сентября 1947 года.

Основную роль в осуществлении процесса репатриации играли транзитные лагеря. Транзитный лагерь — это последний пункт остановки репатриантов перед долгожданным возвращением на родину. Как и сборные лагеря, транзитные отличаются от лагерей военнопленных системы МВД тем, что в лагерях органов репатриации содержались незаконвоированные военнопленные, а освобожденные. Здесь они проходили подготовку к отправке на родину и, соответственно, режим и охрана в этих лагерях не были подобны режиму содержания их в лагерях МВД. В то же время, органы МВД не делали никаких различий в содержании военнопленных и потому с их стороны было много нареканий в адрес органов репатриации по поводу организации работы и режима лагерей.

К группе транзитных лагерей принадлежали лагеря в Кошане, Гензане, Дальнем, Находке и Маока. Их размещение было обусловлено направлениями репатриационных потоков. С Ляодунского полуострова репатрианты вывозились через транзитный лагерь

№ 14 в порту Дальний: из Северной Кореи через транзитный лагерь № 51 в Гензане и № 53 в Конане. Последний впоследствии был переведен в бухту Находка. На территории Советского Союза находилось два транзитных лагеря репатриации. Через 379-й транзитный лагерь в порту Маока в основном репатриировалось японское гражданское население Южного Сахалина и Курильских островов. Через ворота этого лагеря прошла и некоторая часть военнопленных, находившихся в этом регионе. Часть военнопленных была вывезена также через лагерь в Северной Кореи и на Квантунском полуострове. Основная же масса, находившихся на территории СССР пленных прошла через 380-й транзитный лагерь репатриации в порту Находка.

Лагерь № 14 в порту Дальний размещался в здании морского вокзала. Под жилые помещения были приспособлены цементные склады на втором этаже вокзала. Пол в этих помещениях был застлан циновками. Лагерь был обеспечен электрическим светом, имел медпункт с амбулаторным и стационарным отделениями на 50 коек, электрическим отоплением.

51-й транзитный лагерь репатриации интернированных японских граждан располагался в 15—20 км от места погрузки порта Гензан в Северной Кореи. Связь администрации лагеря с портом осуществлялась телефонно-полевой связью, которая работала так, что ее приходилось дублировать пешими посыльными. В отличие от лагерей, расположенных на территории Советского Союза, эти лагеря не были ограждены каким-либо забором, а охрана осуществлялась путем выставления постов и патрулей.

Для репатриации военнопленных из Северной Кореи предназначался 53-й транзитный лагерь, который располагался в районе порта Конан. Лагерь имел три лагерных отделения, японский госпиталь на 650 человек и советский военный госпиталь № 2540 вместимостью 1 000 человек. Госпитали были обеспечены паровым отоплением, светом и водой. Отделения лагеря располагались на расстоянии 5—7 км от управления лагеря. Первое отделение имело 8 кирпичных казарм и не было обнесено заборами. Второе отделение имело две летних глиняных казармы с земляным по-

лом. Отопление их осуществлялось железными печами — «ремянками» или «буржуйками» как их называли в Советском Союзе. Вокруг отделения был деревянный двухметровый забор. Третье отделение имело четыре кирпичных казармы, которые отапливались паровым отоплением как и в первом отделении. В отличие от него оно было обнесено забором из колючей проволоки «в один ряд колец высотой 2 метра».

Все перечисленные лагеря были сформированы к 15 ноября 1946 года, как этого требовала директива Генерального штаба № 261114 от 15 октября 1946 года, то есть всего за один месяц. При таких сроках невозможно было отстроить новый лагерь, да в этом никто и не видел абсолютно никакой необходимости. Поэтому лагеря репатриации военнопленных были сформированы на базе уже существовавших японских лагерей для военнопленных американской армии, а лагеря репатриации японского гражданского населения создавались исходя из местных возможностей.

379-й транзитный лагерь репатриации был открыт 1 ноября 1946 года. Он размещался в четырех деревянных зданиях бывшей женской гимназии в полуторах километрах от порта. При «уплотненном» размещении в 2—3 яруса нар лагерь мог поместить до 5 000 репатриантов. Непосредственно на территории лагеря половину одного корпуса и отдельное двухэтажное здание занимала русская средняя школа и интернат. Кроме того, четыре жилых дома занимал учительский состав этой школы. В 1947 году школу перевели в порт Маока, в помещение бывшей японской школы, необходимость в которой отпала, поскольку в первую очередь репатриировались японцы из этого района.

То, что 379-й и 380-й транзитные лагеря по репатриации японских военнопленных и гражданского населения размещались на территории СССР, можно узнать сразу по большому количеству израсходованной колючей проволоки на их ограждение. Первая зона 380-го лагеря была оцеплена проволочным ограждением в три «кола» или ряда. Вторая зона — в два ряда с внутренней стороны и в один ряд с внешней. Сам лагерь располагался в районе станции Каменка и на первых порах имел всего две зоны. Вторым

зона была расположена в районе поселка Рыбстрой в 10 км от станции. Жилые помещения для военнопленных представляли собой палатки американского типа, оборудованные двухъярусными нарами, в которых отопление осуществлялось известными «буржуйками». Воду в лагерь завозили с расстояния в 6 км.

Трудности организационного периода по устройству лагеря объясняются ведомственными противоречиями. Дело в том, что постановление правительства предусматривало занятие под лагерь любых помещений, независимо от того, какому ведомству они принадлежат. В районе бухты Находка, где было определено место для лагеря, просматривались интересы ГУЛАГа МВД, Дальстроя МВД и Министерства по военному и морскому строительству, которые не имели желания идти навстречу Управлению репатриации.

Основным держателем помещений в бухте Находка было МВД СССР, которое имело здесь свой лагерь № 9 для военнопленных, работавших на военно-морском строительстве № 7, и лагерь заключенных Дальстроя, который являлся транзитным лагерем и через который осуществлялась переброска советских заключенных в Нагаево.

Приморский военный округ, который занимался организацией лагеря репатриации, не мог претендовать на помещения лагеря заключенных, но считал возможным использовать помещения лагеря военнопленных. Министерство внутренних дел не очень было довольным этим стремлением военных и затягивало решение вопроса о передаче помещений военному округу, ссылаясь на то, что помещения лагеря № 9 принадлежат Министерству по военному и морскому строительству и могут быть заняты под лагерь только с его согласия.

В Управлении по делам репатриации при Совете Министров СССР не видели иной возможности и другого выхода, кроме того, чтобы занять помещения лагеря № 9. Несмотря на постановление правительства, Управлению было отказано в развертывании лагеря в бухте Находка. В это дело вмешался Генеральный штаб ВС СССР, который предложил военным в Уссурийске (в те времена в Вороши-

лов-Уссурийске) изыскать помещения для развертывания лагеря в Шкотово. Однако, в этом районе подходящих помещений не оказалось.

Пока решали вопрос о месте расположения лагеря, открытие репатриации было сорвано. В связи с этим, генерал Голубев 2 ноября 1946 года писал начальнику Генерального штаба ВС СССР маршалу Василевскому — «решение Правительства о создании транзитного лагеря в порту Находка до сих пор не выполнено и в связи с этим вопрос о начале репатриации японцев из порта Находка в ноябре месяце стоит под угрозой срыва. Межведомственные переговоры о предоставлении под лагерь помещений, ныне занимаемых управлением военно-морского строительства № 7, никаких результатов не дали»¹⁶⁰.

Для того, чтобы не допустить срыва в открытии репатриации генерал Голубев предлагал применить силу и занять помещения лагеря № 9 под транзитный лагерь. Маршал Василевский согласился с этим предложением и 4 ноября 1946 года отдал распоряжение об этом командующему Приморским военным округом. Правда, с тем, чтобы обезопасить себя от вероятного негодования Министерства военно-морского строительства, он в последнем пункте распоряжения предлагал, чтобы «все японские военнопленные, содержащиеся в лагере Находка, до отправки их в Японию должны использоваться на работах в ВМС № 7»¹⁶¹. После таких распоряжений торг был неуместен: 12 ноября 1946 года лагерь № 9 в Находке был занят военной администрацией. В это время в нем находилось около 3 000 военнопленных японцев.

Малая пропускная способность лагеря явилась существенным недостатком в процессе репатриации. В течении всего периода, а в основном к 1948 году, лагерь расстраивался, облагораживался и приобрел свой окончательный вид, который можно увидеть на фотографиях. К началу репатриации 1948 года лагерь уже насчитывал 4 отделения и мог вместить до 15 000 человек. Вся территория лагеря была хорошо распланирована и благоустроена: были рассажены зеленые насаждения, разбиты газоны, дорожки, площадки, установлены художественно оформленные стенды, витрины, всевозможные макеты и транспаранты.

Этот относительно нормальный уровень бытовых условий был достигнут тогда, когда репатриация основной массы военнопленных была уже осуществлена. Как бы там ни было, но в первый организационный период была налажена система органов репатриации и запущен ее механизм. При наличии доброй воли, система позволяла осуществить репатриацию в высоком темпе и больших объемах.

Глава 3. Отправка первых партий репатриантов

С целью непосредственного осуществления репатриации приказом МВД СССР была организована комиссия, которую возглавил заместитель министра внутренних дел. Для отбора подлежащих репатриации военнопленных в каждом лагере назначалась комиссия во главе с «ответственными работниками» местных управлений внутренних дел. В соответствии с требованиями приказа МВД СССР все репатрианты должны были обеспечиваться «годной к носке одеждой и обувью по сезону». Эшелоны репатриантов должны были быть оборудованы кухнями, посудой, снабжены продовольствием «в натуре без заменителей», в объеме обеспечивающем двух—трех разовое приготовление пищи в сутки, иметь запас питьевой воды и топлива на весь путь следования. Каждый эшелон обязательно обеспечивался врачом и двумя медицинскими работниками, необходимым количеством офицеров во главе с заместителем начальника лагеря, формировавшего эшелон, а также охраной в 15 человек. Погрузку в эшелон приказывалось производить только в оборудованные и отопленные вагоны¹⁰². Эти распоряжения оказались лишь первым наброском на чистом холсте будущей картины репатриации.

Отpravку репатриантов с территории Северной Кореи и Ляодунского полуострова проводили органы репатриации Приморского военного округа. Эту работу планировалось провести поэтапно. В первую очередь вывозили безработных и беженцев, затем семьи военнослужащих, которые находились в плену. После них — квалифицированных рабочих и служащих и уже потом военнопленных. В последнюю очередь вывозили военнопленных японцев, требовавших лечения и восстановления здоровья, а также рабочих, работавших на предприятиях, обслуживавших нужды Советской Армии.

Первая партия репатриантов из лагеря № 51 и № 53 была отправлена в период с 14 по 17 декабря 1946 года на 4 кораблях —

«Тоцуки Мару», «Эйроцу Мару», «Дайозун Мару», «Эйхо Мару». Всего было отправлено 12 673 человека, среди которых было 9 774 военнопленных. К моменту отправки все военнопленные были переодеты в новое японское обмундирование, осмотрены в санитарном отношении и представлены капитанам кораблей. В момент отправки каждый репатриант желал выйти из строя и пожать руку советским офицерам, говоря «спасибо». Причину такого поведения можно объяснить словами одного старшего ефрейтора японской армии: «Я думал, что военнопленные должны находиться на рабском положении, но Советская Армия относилась не так, как я думал — представители Красной Армии обращались с нами хорошо»¹⁰³.

Особенность репатриации с Южного Сахалина и Курильских островов состояла в том, чтобы в первую очередь вывезти японцев, семьи которых находились в Японии. Наряду с ними предстояло также репатриировать всех незанятых «общественно-полезным трудом». В числе первых вывозились и военнопленные японцы с Курильских островов и с Южного Сахалина, которые находились в ведении Министерства Вооруженных Сил СССР.

Первыми, кто вошел на территорию 379-го транзитного лагеря, были три отдельных рабочих батальона военнопленных общей численностью 2 974 человека. Командные должности в подразделениях занимали японские офицеры. Затем, с 3 ноября 1946 года в лагерь начали поступать японские гражданские лица. К 6 ноября их собралось 2 341 человек. Среди военнопленных оказались 372 солдата и офицера, чьи семьи проживали на острове. Они изъявили желание остаться на Сахалине до репатриации их семей. Органы МВД установили, что только у 106 человек действительно семьи проживают на Сахалине и их 15 ноября отпустили по домам. В конце ноября в лагерь с острова Парамусир прибыл еще один батальон военнопленных.

2 декабря 1946 года на рейд порта Маока стал первый японский пароход, прибывший в СССР за репатриантами. Капитаном корабля был Кацудзи Мидзутани. Его пароход принадлежал к категории товарно-пассажирских, более приспособленный к перевозке груза чем людей и мог принять на борт до 1 500 человек, ес-

ли их разместить в трюмах на полу. Затем 3 и 4 декабря прибыли пароходы «Унзен мару» и «Хакурю мару», которые увезли домой 5 689 человек, в том числе и 2 955 военнопленных.

Все пароходы загружались и выходили на рейд в день их прибытия в порт. Для погрузки парохода требовалось 2—3 часа. Репатрианты из лагеря в порт направлялись в пешем порядке, в сопровождении офицеров и солдат Советской Армии. Женщины, старики и дети перевозились на автомашинах. После посадки на пароход, в момент его отхода сотни репатриантов выходили на палубу, чтобы проститься и еще раз, после организованного перед посадкой митинга, «выразить благодарность представителям советского народа за заботу и внимание», а скорее всего для того, чтобы в последний раз взглянуть на оставленные, обжитые и ставшие родными места, где до этого момента они проживали.

В еще одну партию отправленных из Советского Союза пленных вошли ровно 5 000 человек. Они попали в СССР из 380-го лагеря в составе тех же батальонов и рот, в которых служили еще в японской армии. Японская армия возвращалась домой. В плену оставались еще многие солдаты и офицеры, ожидавшие своей очереди для отправки на родину.

С территории СССР, в связи с закрытием навигации в портах Маока и Находка, репатриация была остановлена до апреля 1947 года. Правда, несмотря на «закрытие» портов, в январе месяце 1947 года из 380-го транзитного лагеря было отправлено 5 009 человек и из 379-го транзитного лагеря 5 400 человек. Вызвано это было тем, что эти лагеря не были готовы к длительному содержанию репатриантов. Итогом репатриации 1946 года, а это всего лишь один месяц — декабрь, из СССР и районов им контролируемых было вывезено 42 989 человек, среди которых было 27 173 военнопленных. Также можно отметить, что советская сторона за этот короткий период репатриации 1946 года смогла выстроить систему и наладить ее работу, а также выработать политику проведения репатриации, которую предстояло реализовать в будущем.

Ирина Александровна Шенникова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, архивов и этнологии РАН, г. Москва

Часть II. РЕПАТРИАЦИЯ 1947 ГОДА

Глава I. Выработка правительственного решения и его реализация

Год 1946-й был годом принятия принципиального решения Советского Правительства о возвращении военнопленных японцев домой. Такое решение было принято и о японском населении Курильских островов, Южного Сахалина, Лядунского полуострова и Северной Кореи. Косвенно, таким решением правительство решало задачу безопасности новых территориальных приобретений и закрепления их в составе СССР путем замены японцев на русских. Хотя возможность остаться для японцев и была декларирована, но система репатриации не позволяла этого сделать. Отчасти поэтому, японцы были для советской системы организации общественной жизни чужеродным элементом и она отвергла их взгляды, их культуру, и следовательно, само их право и возможность остаться в СССР.

Итак, система репатриации была налажена, опробована и ... остановлена. Репатриация продолжалась только из районов, не входящих в СССР, и за счет этого выполнялось заключенное с американцами соглашение. В самом Советском Союзе органы репатриации занялись укреплением материальной базы лагерей репатриации и налаживанием их жизни. В связи с этим можно задать вопрос: что же заставляло советское руководство сдерживать темп репатриации из СССР? Ведь в основном всего за три месяца полмиллиона военнопленных японских солдат и офицеров были завезены в Советский Союз и при желании их возвращение домой можно было закончить в течении одного года, а не в продолжении более чем трех лет.

Управление репатриации сообщало начальнику Пограничных войск МВД СССР, что репатриации подлежит 970 805 человек, среди которых 468 152 военнопленных. С территории Южного Сахалина и Курильских островов — 252 315, Северной Кореи — 16 600, Ляодунского полуострова — 233 738¹⁶⁴. С учетом всех сложностей репатриации японских граждан в Японию к лету 1947 года все они могли быть дома.

Чтобы ответить на вопрос о том, какие мотивы и причины побуждали Советский Союз замедлять темп репатриации, необходимо вернуться к истокам проблемы военнопленных и проблемы японского гражданского населения на территории Советского Союза. По решению Сталина японские солдаты и офицеры были интернированы в лагеря НКВД на территории СССР с целью их использования в качестве рабочей силы. К моменту репатриации военнопленных японцы были задействованы почти во всех экономических структурах Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии.

Тоже можно сказать и о гражданском населении. На Южном Сахалине в целлюлозно-бумажной промышленности работало 11 363 японцев — гражданских специалистов, на железнодорожном транспорте — 6 879 человек, в торговле — 27 381, на предприятиях рыбной промышленности — 26 825, в лесной промышленности — 11 871 и в угольной промышленности 24 859 человек¹⁶⁵. Одновременная их репатриация могла парализовать жизнь острова.

Министерство рыбной промышленности восточных районов СССР просило репатриацию японцев, занятых на добыче и обработке рыбы на Курильских островах и Сахалине, отменить до конца 1947 года из-за того, что в этих районах русского населения было очень мало, а специалистов рыболовства и вовсе не было. Подобная ситуация наблюдалась и на предприятиях министерства целлюлозно-бумажной промышленности.

На этих предприятиях русские работали только на руководящих должностях. Продукция этих предприятий составляла «большой удельный вес к выпуску всей продукции по Союзу». Так как репатриация японцев вследствие отсутствия рабочих и инженерно-технических работников для их замены могла вызвать остановку

этих предприятий на 1—2 года, то репатриацию японцев министр Г. Орлов просил осуществить в самую последнюю очередь, «но не ранее конца 1948 года».

Такая же ситуация складывалась и на Ляодунском полуострове. В частности на заводе «Дайрен», в порту Дальнем предстояло репатриировать 1560 японских специалистов. Отсутствие специалистов-ремонтников из числа китайского населения и возможности привлечения рабочей силы из других районов ставили завод в тяжелое положение. Директор завода просил оставить если не всех, то хотя бы 500 человек основных специалистов из числа японцев, которые выразили желание остаться поработать.

Хотя приведенные факты свидетельствуют о проблеме репатриации японского гражданского населения, но такое же положение было и с военнопленными японцами. «На предприятиях Министерства лесной промышленности СССР», — писал министр М. Салтыков, — «в районах Дальнего Востока и Сибири размещено 21 586 человек военнопленных японцев. Снятие их с работы, ввиду полного отсутствия местных континентов для укомплектования предприятий рабочей силой, вызовет срыв выполнения производственных планов»¹⁰⁴. В связи с этим министр просил органы репатриации репатриацию военнопленных произвести в последнюю очередь, а также оставить в покое еще 25 000 японцев, которые работали на предприятиях треста «Сахалинлесдрев».

В 1947 году квартирно-эксплуатационные органы Министерства Вооруженных Сил СССР должны были обеспечить все нужды армии в дровах через лесоучастки, организованные в округах. В восточных районах СССР заготовка дров производилась преимущественно военнопленными. Здесь было занято 12 613 человек, которых «на ближайший отрезок нескольких лет» заместитель начальника Тыла Вооруженных Сил просил оставить, «ввиду отсутствия другой рабочей силы» и добавить еще 5 956 человек. Начальник Главного строительного-квартирного управления ВС СССР генерал Антипенко просил 17 557 японцев, занятых на военном строительстве, репатриировать в последнюю очередь — в конце 1947 года.

Министерство строительства военных и военно-морских предприятий на Дальнем Востоке выполняло работы по строительству морских баз, судостроительных заводов и портов. К моменту начала репатриации основной рабочей силой на этих стройках были 19 145 военнопленных японцев. Они были сосредоточены в 22 местах, а основные работы проводились в Николаевске-на-Амуре, Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке. Министерство ходатайствовало перед управлением репатриации об отсрочке отправки этой рабочей силы.

И хотя все приведенные примеры относятся к декабрю 1946 года, подобный поток просьб со стороны министерств, на предприятиях которых работали военнопленные, возникал всегда с началом репатриации. Так батальон военнопленных, работавший во Владивостокском рыбном порту в течении длительного периода и освоивший все процессы работ в порту, был для Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР жемчужиной, которую оно старалось сохранить у себя почти навсегда, даже в 1949 году — последнем году массовой репатриации. Для этого были веские причины: репатриация этого батальона могла вызвать остановку всей работы.

Из приведенных примеров становится очевидным, что советская экономика в восточных районах во многом зависела от труда военнопленных и японского населения. В условиях репатриации было сложно решить задачу плавной замены японцев на рабочих местах русскими или скорее завершить работы, выполняемые японцами. В таких условиях замедление темпов репатриации кажется вполне объяснимым.

Массовый наплыв просьб о задержке, оставлении военнопленных поставил Управление репатриации в сложное положение, если не сказать, что в тупик. Это заставило начальника управления обратиться к правительству с тем, чтобы разрешить эту проблему. Еще 30 декабря 1946 года генерал Голиков в своем докладе В. Молотову просил установить темп репатриации, но ответа не получил. Стараясь оказать давление на правительство через Министерство иностранных дел, генерал просил его содействия в

разрешении этого вопроса. Одновременно он отмечал, что «вопрос упирается в интересы народного хозяйства» и решить его может только правительство¹⁶⁷.

На совещании в Управлении по делам репатриации, на котором выработывалось общее предложение правительству об установлении темпа репатриации японцев с территории Советского Союза, генерал К. Голубев говорил, что темп репатриации по соглашению с американцами установлен 50 000 человек в месяц. На день проведения совещания — 19 февраля 1947 года — «мы перекрыли эту цифру и репатрируем темпом в 60 000 человек», — сообщал он, — «а с 1 марта из порта Дальний будем репатриировать с разрешения МИДа — 90 000 человек в месяц».

Начальник отдела репатриации Приморского военного округа генерал Фомин сообщил, что он может через порт Находка отправлять японцев темпом 60 000 человек в месяц. Темп репатриации с территории Южного Сахалина генерал Голубев предложил установить в 20 — 30 тысяч человек в месяц. Общая цифра месячной нормы репатриации таким образом доходила бы до 180 000, а с территории Советского Союза — до 90 000 человек. Как видно, органы репатриации проявляли заинтересованность если не в завершении, то во всяком случае ускорении темпов репатриации.

Представитель МВД СССР желания эти не подтвердил: «В период апрель—ноябрь мы можем освободить и передать органам репатриации до 250 000 человек японцев, так как имеем возможность в особо ведущих отраслях восполнить это количество за счет осужденных. Кроме того, имеется санкция Правительства брать японцев в тех министерствах, где труд военнопленных организован плохо. Таких наберется до 50 000 человек. Есть возможность снять военнопленных из тех предприятий, которые не обеспечивают минимальных условий содержания»¹⁶⁸. По расчетам МВД, при условии, что министерство путей сообщения будет выделять 15 эшелонов в месяц, в 1947 году можно было репатриировать 240 000 человек. В это число должны были войти 50 000 ослабленных и больных, «причем из них ослабленных будет больше, чем больных».

Позиция МИД СССР на совещании была высказана заведующим отделом этого министерства тов. Генераловым. Он отметил, что в Японии опять начинается кампания за ускорение репатриации. Генерал Деревянко сообщал, что к нему приходят японцы и требуют темпа репатриации 360 000 человек в месяц. Кампания приобретает политический оттенок и «очень возможно, что создастся такая обстановка, что большую часть военнопленных мы должны будем репатриировать в 1947 году».

Высокое собрание, обсудив все вопросы, пришло к выводу, что без ущерба для народного хозяйства и железнодорожного транспорта можно предложить для утверждения правительством темп репатриации из порта Находка 30 000 человек в месяц. Увеличение темпа вдвое т. е. до 60 000 человек в месяц, по мнению собравшихся, нанесет ущерб народному хозяйству и может создать неблагоприятные условия для работы железнодорожного транспорта.

На прощание генерал Голубев сказал представителю МВД СССР, чтобы его ведомство «во избежание недоумений» не спешило передавать органам репатриации без тщательной проверки тех людей, которые вызывают подозрение. Время их передачи органы МВД СССР определяют сами. Обсудив вопрос о порядке репатриации офицеров совещание закончилось, но вопрос, как оказалось, остался открытым.

21 февраля 1947 года в 12 часов 30 минут генерал Голубев имел телефонный разговор с Министром внутренних дел Крулювым, который заявил, что темп в 30 000 человек устанавливать нельзя, и он возражает. По его мнению, темп репатриации в течение 1947 года должен быть не свыше 20 000 человек: «Всякое увеличение этой цифры нанесет резкий ущерб народному хозяйству». Веское слово министра возымело свое воздействие и его предложение было учтено в письме Управления репатриации к Председателю СМ СССР.

По данным Управления репатриации, требовавшим уточнения, на территории СССР находилось 698 673 человек японцев, из них военнопленных — 455 327 человек, остальные представляли население Южного Сахалина и Курильских островов¹⁹⁹. На терри-

тории Ляодунского полуострова еще находились в ожидании репатриации 145 042 человека японских граждан¹⁷⁰. Возможности репатриационного потока из СССР оценивались в 90 000 человек в месяц. Учитывая мнение министра внутренних дел, начальник управления репатриации генерал Голиков сообщил В. Молотову, что «определение темпа репатриации более 160 000 человек на 1947 год или стремление полностью закончить репатриацию военнопленных японцев в 1947 году, по мнению Министерства внутренних дел, неизбежно повлечет за собой серьезный ущерб для промышленности». В таком случае, чтобы довести ежемесячную цифру до уровня условленной, репатриацию гражданского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов необходимо было осуществлять с темпом в 30 000 человек с расчетом окончания репатриации гражданского населения к концу 1947 года¹⁷¹.

По предложению органов репатриации за восемь месяцев 1947 года с территории СССР можно было репатриировать 400 000 человек и при этом репатриацию с территории Южного Сахалина и Курильских островов завершить. С учетом того, что репатриация с Ляодунского полуострова и Северной Кореи продолжалась и ее предполагалось закончить к маю 1947 года, то на период 1948 года оставалось репатриировать 295 327 японских военнопленных. Это слишком осторожное предложение было принято правительством, однако оказалось слишком хорошим и в течение 1947 года неоднократно дополнялось другими решениями.

Тем не менее, 8 марта 1947 года Совет Министров СССР принял постановление за номером 481—186с «О возобновлении репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц», в котором обязал Управление СМ СССР по делам репатриации, опираясь на решение от 4 октября 1946 года «возобновить репатриацию японских военнопленных и интернированных гражданских лиц с территории СССР с апреля—мая месяца 1947 года, репатриировав ежемесячно 20 000 военнопленных и 30 000 гражданских лиц»¹⁷².

Во исполнение постановления правительства и удовлетворенный тем, что его предложение прошло, министр внутренних дел

приказал освободить в 1947 году из лагерей МВД, спецгоспиталей и рабочих батальонов Министерства Вооруженных Сил и передать органам репатриации 160 000 человек¹⁷³. Причем министр предполагал, что из лагерей МВД будет репатрировано 141 000 человек, а 19 000 военнопленных — из рабочих батальонов МВС СССР, по желанию заместителя начальника тыла в основном нетрудоспособных. Освобождение их и отправку в пункты передачи предлагалось начать в апреле и закончить в ноябре 1947 года. Первая партия намечалась на апрель и май. В нее входило 51 300 человек отобранных МВД СССР и которые репатрировались по плану самого министра.

Вторая партия предусматривала репатриацию в июне и июле месяцах 40 000 из лагерей, расположенных в Казахской, Грузинской и Украинской ССР, Бурят-Монгольской АССР, Красноярском и Алтайском краях, Иркутской, Читинской и Московской областях. Третья партия — в августе и сентябре месяцах 40 000 человек — из лагерей указанных республик, краев и областей, а также Хабаровского и Приморского краев. И четвертая партия — в октябре и ноябре месяцах 30 000 человек — остатки из лагерей всех республик, краев и областей.

Освобождению и репатриации в первую очередь подлежали военнопленные, от трудового использования которых отказались сами хозяйственные организации; военнопленные, содержащиеся в неблагоустроенных лагерях и батальонах МВС; военнопленные, используемые на работах мелкими группами на второстепенных предприятиях и предприятиях местного значения. В число первой очереди входили также транспортабельные больные из лазаретов и спецгоспиталей, а также все военнопленные, отнесенные к третьей категории физического труда и содержащиеся в оодоровительных командах. Указанная группа военнопленных в течение всего срока репатриации в 1947 году должна была быть освобождена полностью, при этом вывоз больных и ослабленных планировался на теплое время года: июнь — август.

При решении вопроса о репатриации той или иной из перечисленных групп военнопленных имелось в виду то, что к концу

репатриации на зиму 1947—1948 годов в лагерях должны были остаться только трудоспособные военнопленные, размещенные в нормальных условиях, полностью обеспеченные бытовым обслуживанием и занятые на работах в важнейших отраслях промышленности. Репатриации в 1947 году не подлежали офицеры и военнопленные, на которых имелись компрометирующие материалы¹⁷⁴.

При формировании эшелонов с репатриантами предлагалось уже не придерживаться батальонного принципа организации военнопленных и комплектовать эшелоны смешанно. По мере освобождения лагерей от военнопленных они ликвидировались. Не питая больших надежд на качественное выполнение своего приказа, министр внутренних дел предлагал организовать на станциях Улан-Уде, Красноярск, Хабаровск, Новосибирск, Иркутск и Чита проверку состояния и обеспеченности эшелонов с военнопленными японцами, следуемых в лагеря органов репатриации. Эта мера позволяла проконтролировать исполнение приказа и принимать меры к устранению недостатков.

Передача военнопленных в лагеря репатриации проводилась по актам и именовым спискам. По прибытии пленных в 380-й транзитный лагерь администрация лагеря проводила внешний осмотр прибывших репатриантов, проверяла документы начальника эшелона и составляла акт приемки. Затем репатрианты вводились в карантинную зону лагеря и здесь в течении 1,5—2 часов проводилась проверка их по именовым спискам, принималось вещевое имущество и продовольствие от команды эшелона.

В карантинной зоне проводилась разбивка репатриантов по лагерным отделениям и прием их начальниками отделений. После этого проводился медосмотр и «проверка на вшивость». Это была не лишняя мера, так как здесь определялось физическое состояние прибывших — больные изолировались и направлялись сразу в лазарет лагеря или непосредственно в госпиталь. Так случалось не один раз из-за того, что местные органы МВД стремились избавиться от больных и нетрудоспособных пленных. Из первой партии репатриантов в тяжелом состоянии в 380-й лагерь прибыли унтер-офицер Сасаки Сасуки, ефрейтор Ямане Масао, солдаты Еси-

ока Анзиро, Нисида Сигимасу, Исибаси Набихико, которые через несколько дней после прибытия умерли в лагерном госпитале от крупозного воспаления легких.

После санитарной обработки в бане и переодевания в новое белье репатрианты вводились в лагерную зону № 1. Здесь на вторые сутки их пребывания в лагере осуществлялась разбивка по ротам и отделениям, составлялись учетные списки и проводились прививки.

На третьи сутки вся организационная работа завершалась и начиналась повседневная жизнь репатриантов: работа, политическая учеба, подготовка к репатриации. Основная масса репатриантов больше двух недель в лагере не задерживалась.

После некоторой несогласованности в действиях ГУПВИ МВД СССР и Управления репатриации, когда в 380-й лагерь в одно время прибыло сразу более 15 000 человек, в то время как вместимость лагеря определялась цифрой 6 000 человек, ход репатриации нормализовался. В конце августа правительство внесло некоторые изменения в политику репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР. Смысл вносимых изменений заключался в том, чтобы увеличить темп репатриации военнопленных из СССР, а гражданского населения с Южного Сахалина уменьшить до 15 000 человек из-за возникших проблем в местной промышленности. Для того, чтобы не вызывать подобных трудностей на тех предприятиях, где работали военнопленные японцы, было принято решение о том, чтобы вывезти неработающих японских офицеров и интернированных японских чиновников, что впрочем не касалось реакционно настроенных офицеров и тех на кого набралось достаточно компрометирующего материала. Таких набралось примерно 12 000 человек. Этого количества было недостаточно для того, чтобы достичь запланированного уровня репатриации.

В связи с этим МИД СССР было поручено согласовать с правительством Монголии вопрос о репатриации через территорию Советского Союза всех ранее переданных в его распоряжение японских военнопленных. К декабрю 1947 года было вывезено в Япо-

нию 10 684 человека. В пути следования от станции Наушки до лагеря репатриации в бухте Находка 21 военнопленный умер.

Репатриационная кампания 1947 года была ознаменована еще несколькими правительственными решениями, которые вроде бы и не были прямо с ней связаны, но которые влияли на судьбу пленных. Так 1 сентября 1947 года правительство распорядилось построить железную дорогу от пограничной станции Наушки до столицы Монголии Улан-Батор. Часть этого пути, в соответствии с постановлением № 3134—1024сс, должны были строить заключенные, а часть 20 000 военнопленных японцев. Через 5 дней правительственное постановление № 3191—1042с поручило МВД СССР передать 300 человек на работы в порт Николаевск-на-Амуре. Постановление № 3214—1050с от 10.09.47 г. предусматривало направление — 20 000 военнопленных японцев в угольную промышленность.

1 декабря 1947 года репатриация японцев из СССР была остановлена «в связи с прекращением навигации», о чем в этот же день был извещен штаб Макартура. Получив такое извещение, Макартур выразил просьбу не приостанавливать репатриацию и предложил американские ледоколы или послать корабли в любые незамерзающие порты Советского Союза.

Предложение американцев о направлении ледоколов для сопровождения судов с репатриантами оказалось для Управления репатриации неприемлемо, так как дело, по их мнению, было не только в ледоколах, а в «трудностях сосредоточения японцев в наши порты, вызванными суровыми климатическими условиями и загруженностью железнодорожного транспорта»¹⁷⁵. Ссылки американцев на то, что из портов Маока и Находка репатриация проходила и в декабре прошлого года и в январе этого, не стала «мотивом к возможности продолжения репатриации, ибо указанный контингент был сосредоточен нами еще до наступления суровых климатических условий в районе порта Находка — Маока»¹⁷⁶.

В тоже время в 380-м транзитном лагере из числа переданных для репатриации было оставлено на зиму для работ 2 233 военнопленных японцев. В 53-м транзитном лагере, завершившем репатриацию в Северной Корее и передислоцированном в порт Находка

на зиму, было оставлено 5 099 военнопленных и еще 2 864 пленных было отправлено на работы в различные воинские части Приморского военного округа и на предприятия Приморского края¹⁷⁷. При этом понятно было бы если бы это произошло по распоряжению правительства, как в случае с 288 военнопленными работавшими во Владивостокском рыбном порту, которые были оставлены в соответствии с Постановлением СМ СССР № 3408 от 29.09.47 г. Но ведь сам Уполномоченный по делам репатриации своим приказанием № 2246 от 22.11.47 г. распорядился задержать 394 человека и направить их на работы на Спасский цементный завод. Свою силу, как старший воинский начальник в этом регионе, показал и командующий войсками Приморского военного округа. Словом, 10 196 человек на 1.01.48 г. были переданы органами МВД СССР для репатриации, но по «климатическим условиям» не смогли уехать в Японию. Такой «климат» создавала скорее не природа, а политика Советского правительства, примеру которого следовали различного ранга чиновники.

По сообщению Управления пограничных войск на Тихом океане с начала репатриации через контрольно-пропускные пункты пограничных войск МВД СССР в Находке и Маока было репатрировано в Японию 368 539 человек, из которых 200 820 были военнопленными. По данным органов репатриации с декабря 1946 года по 29.12.47 г. из этих портов было отправлено 368 526 репатриантов из которых 199 281 человек были военнопленными¹⁷⁸.

Что касается репатриации военнопленных в 1947 году то эта цифра была перекрыта на 39 281 человек. Из запланированных 240 000 гражданских лиц было репатрировано из СССР 169 245 человек. Здесь очевидно, что политика противодействия выполнению плана репатриации, которую проводила администрация Сахалинской области имела свой успех: 70 755 человек остались работать на Сахалине в ожидании своей очереди. Соглашение с американцами о темпах репатриации было выполнено за счет контролируемых СССР территорий Северной Кореи и Лаодунского полуострова, где репатриация, за малым исключением, была завершена. Всего в 1947 году было репатрировано 625 707 человек как военнопленных так и гражданских лиц.

Глава 2.

Репатриация из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова

Вопрос о репатриации из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова имеет свою историю. Еще в марте 1946 года к советскому послу в Китае А. Петрову обратился генерал Маршалл с просьбой о допуске в порт Дальний американской репатриационной миссии в составе 20 человек с целью организации репатриации японцев, находившихся в районе Мукден — Дальний¹⁷². В мае этого же года уже послу США в Москве У. Смигу пришлось обращаться непосредственно к Молотову с такой же просьбой и с тем, чтобы получить ответ на нее. Имея в виду то, что американцы могут использовать такое посещение этого района в разведывательных целях, заместитель министра иностранных дел Лозовский 27 июня 1946 года ответил У.Смигу отказом. Вместе с тем, советская сторона заявила американцам, что советские военные власти военно-морской базы Порт-Артур будут ответственны за доставку репатрируемых в порт Дальний, их санитарную обработку и посадку на суда. Штабу Макартура товарищ Лозовский указал быть ответственным за доставку репатрируемых на находящихся в его распоряжении судах из порта Дальний в Японию.

Кроме американцев, надо заметить, свою заинтересованность в скорейшей репатриации японцев из этого района проявляло и советское военное командование. Маршал Мерцков неоднократно ставил перед центром вопрос о репатриации, будучи весьма заинтересованным в том, чтобы японцы из этих районов «были выдворены как можно скорее».

Переговоры со штабом Макартура и переписка МИД СССР с Посольством США в Москве по вопросу о репатриации японцев были начаты летом 1946 года. В ходе переговоров о репатриации военнопленных и японского населения из СССР между Членом Союзного Совета для Японии генералом Деревянко и штабом Ма-

картура в повестку дня был включен вопрос о репатриации из Северной Кореи и Ляодунского полуострова.

Однако, историческое решение Советского правительства от 4.10.1946 года о репатриации военнопленных, интернированных и японского гражданского населения из Советского Союза непосредственно не касалось населения и пленных, которые находились вне территории СССР. Недоразумение было устранено через два месяца — 13 декабря 1946 года Советское правительство приняло постановление за номером 2690—1109с «О репатриации гражданских лиц и военнопленных японцев с территории Северной Кореи и Ляодунского полуострова», в котором обязало Управление репатриации провести репатриацию японских военнопленных и гражданского населения с территории Северной Кореи и Ляодунского полуострова. В связи с этим в этих районах временно формировались отделы по делам репатриации при штабах 25-й и 39-й армий Приморского военного округа.

Репатриационная кампания из этих районов не была столь продолжительной как с территории Советского Союза. Более того, Советское Правительство стремилось в первую очередь репатриировать японцев как раз из этих районов, с тем чтобы подольше задержать на территории СССР военнопленных, работавших на различных предприятиях.

К апрелю 1946 года войска Советской Армии покинули районы Маньчжурии и вернулись на территорию СССР. В соответствии с договором, заключенным между СССР и Китаем, Ляодунский полуостров вместе с портами Порт-Артур и Дальний был сдан в аренду Советскому Союзу. Здесь находились войска Приморского военного округа.

Часть войск находилась и на территории Северной Кореи. В этих, контролируемых СССР районах, кроме военнопленных японцев находилось и японское гражданское население. Их содержание, трудоустройство и снабжение вызывало определенные трудности у советского командования. С чисто военных позиций оно стремилось обеспечить внутреннюю устойчивость тыла своих войск в этих районах. В связи с этим военные поднимали вопрос о

вывозе идеологически враждебного японского населения в Японию.

Отходящая к СССР по договору с правительством Китая Квантунская область представляла собой три уезда с 39 волостями и 1 229 населенными пунктами. В их числе три наиболее крупных города области: Порт-Артур, Дальний и Цзиньчоу. Территория арендованной области составляла 2 306 кв. км, а численность населения по состоянию на декабрь 1946 года — 1 млн. 404 тыс. 425 человек. Основную массу населения представляли китайцы и японцы, последних проживало здесь 242 238 человек¹⁰⁰. Почти все японцы находились в порту Дальний и его окрестностях. Незначительное число населения составляли русские, корейцы и другие нации.

Экономическое, а также политическое положение Ляодунского полуострова в 1946—1947 годах в значительной степени определялось блокадой и изолированностью полуострова, вызванной гражданской войной в Китае, и вследствие этого слабой связью непосредственно с СССР. Уже с марта 1946 года в связи с расширением военных действий в Маньчжурии Ляодунский полуостров оказался отрезанным от внешнего мира, а самое главное, от путей и районов снабжения населения продовольствием. Гоминдановские войска захватили дорогу Шанхай — Мукден и Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Это обстоятельство резко отрицательно сказалось на экономическом положении полуострова из-за прекращения подвоза продуктов питания, топлива, сырья и материалов для промышленности, что вызвало в свою очередь сокращение производства, рост безработицы, повышение цен на товары и продукты.

Местные органы власти и советское военное командование предприняли ряд мероприятий для того, чтобы смягчить продовольственный, топливный и производственный кризис. Посылка групп китайских купцов для закупки продовольствия в район Аньдуна, тогда еще не занятого гоминдановскими войсками, морские связи с Шаньдуном и его районами, занятыми войсками Мао Цзе Дуна, мобилизация внутренних ресурсов за счет частичного расширения посевных площадей дали некоторый положительный эффект. Однако положение населения полуострова продолжало

ухудшаться — рост инфляции усиливался, блокада ожесточалась. В этих условиях начали применяться меры периода военного коммунизма в СССР — изъятие припрятанных «зерновых продуктов зажиточными слоями деревни».

Особенно остро испытывало материальные трудности японское население, сконцентрированное в Дальнем. Кроме заводов японцы работали в различных учреждениях, магазинах, ресторанах, а также прислугой в семьях советских офицеров. Безработица и отсутствие возможности найти питание приводило некоторых к крайностям. Советская гражданская администрация начала отмечать случаи продажи японцами своих собственных детей из-за того, что они не могли прокормить ни их ни себя и находили выход из создавшегося положения в этом. К примеру, одна женщина-японка продала китайцам двух своих детей за 7 тысяч юаней⁶⁹¹. Администрация принимала меры к тому, чтобы вернуть детей родителям, но не всегда это получалось.

В конце октября 1946 года гоминдановские войска начали наступление в Южной Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. К ноябрю месяцу ими были захвачены города Аньдун, Догуншань, Чжуаньхэ в восточной части Ляодунского полуострова и Тайпин, Сюньюэчен в южной. Части коммунистических войск Мао Цзе Дуна, отойдя из крупных городов, перешли к партизанской форме боевых действий, имея свои базы в горах и сельских населенных пунктах, удаленных от железной и шоссежных дорог. В результате ноябрьского наступления гоминдановских войск в первых числах декабря 1946 года они подошли вплотную к границам арендуемой Советским Союзом зоны Ляодунского полуострова, отрезав совершенно эту зону от остальной части Маньчжурии. В условиях угрозы военного конфликта и ухудшения материального положения населения арендуемой зоны началась репатриация японского гражданского населения с Ляодунского полуострова в Японию.

Репатриационная кампания из этих районов была непродолжительной. Уже в феврале 1947 года репатриация с территории Северной Кореи была в основном закончена. К этому времени здесь оставались страдавших дистрофией 3 620 военнопленных.

которых предполагали отправить в Японию в марте месяце на кораблях, которые должны были привезти в Корею из Японии 10 000 корейцев¹⁸².

С территории Ляодунского полуострова репатриация проводилась усиленным темпом по 60 тысяч человек в месяц. Учитывая тяжелое положение, которое складывалось на полуострове, этот темп предполагали увеличить до 90 тысяч человек. В целом репатриацию из этого района намечали завершить к 15 мая 1947 года. Однако это сделали быстрее. В докладе начальнику Генерального штаба ВС СССР маршалу А. Василевскому начальник Управления репатриации отмечал, что «репатриация японских военнопленных и гражданского населения с Ляодунского полуострова и из Северной Кореи к 1 апреля 1947 года полностью закончена»¹⁸³.

584 В итоге было репатрировано ~~245~~ 480 человек, из них 210 621 были гражданскими и 34 859 — военнопленными¹⁸⁴. Хотя цифры и утомительно читать все же для науки они важны. Поэтому необходимо привести и остальные. В названное число вошли и репатрианты из Северной Кореи — это 5 472 гражданина Японии и 22 403 таких же гражданина, но военнопленных. С территории Ляодунского полуострова было репатрировано 217 575 человек, из них 203 019 человек из числа гражданского населения и 12 456 военнопленных.

«Вся репатриация японского населения с Ляодунского полуострова и с Северной Кореи прошла организованно, никаких претензий со стороны американцев предъявлено не было. Все японцы сданы по актам и спискам, подписанными капитанами японских кораблей», — докладывал генерал Голиков. В связи с окончанием репатриации он просил упразднить отделы по делам репатриации 39-й и 25-й армий, а также лагеря репатриации № 14 и № 51. Лагерь репатриации № 53 не был расформирован, а передислоцирован в порт Находка. За время репатриации в этих лагерях умерло 952 человека, основная масса в лагерях, располагавшихся в Северной Корее — 808 человек.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР за № 398—162с от 1 марта 1947 года органам репатриации разреша-

лось оставить в добровольном порядке для работы в промышленности и обслуживания нужд советских войск на территории Ляодунского полуострова японцев — инженеров и специалистов в количестве 3 377 человек и 10 000 военнопленных. В Северной Корее оставались 1 263 японских военнопленных. Соблюдая принцип добровольности, советское командование после 15 мая 1947 года в этих регионах оставило 2 286 японских специалистов. Вместе с ними остались 5 862 члена их семей. Кроме этого, здесь остались японцы, главным образом женщины, работавшие в китайских и корейских частных магазинах, ресторанах и других заведениях, а также женщины, которые вышли замуж за корейцев и китайцев и которые не были учтены в силу этого советской администрацией.

К вопросу о репатриации японцев с территории Ляодунского полуострова Советское правительство дважды возвращалось в 1949 году. До этого репатриация из этого региона организовано, вернее централизованно, не проводилась и носила явно текущий частный характер. Первый раз в июне месяце в общем постановлении на репатриацию в 1949 году оно указывало органам репатриации на необходимость возвращения домой 2 778 японских граждан. Второй раз в связи с тем, что 1 044 человека не изъявили желания репатрироваться в Японию и решили остаться в Дальнем. Распоряжением правительства (№ 11608 пр от 24.07.1949 г.) они были оставлены на Ляодунском полуострове для работы на советско-китайских и китайских предприятиях. Вместо них были отправлены 1 127 человек японских граждан от имени китайских властей и находившихся в их ведении²⁸⁵. Естественно они не вошли в число репатрированных Советским Союзом японских граждан. На этом работа по репатриации в этом регионе была завершена окончательно.

Глава 3.

Положение в лагерях репатриации

Репатриацию военнопленных и гражданского населения в 1946—1947 годах условно можно объединить в один период и назвать его организационным. В 1946 году советские органы репатриации в основном создавали и налаживали систему своих органов на востоке. Следующему за ним 1947 году предстояло стать годом проверки этих органов и в целом самого механизма репатриации японцев. Это касается взаимодействия различных министерств в центре и центра, в лице Управления репатриации, с его органами на местах и местными представительствами центральными министерств и советской власти.

Кроме создания системы репатриации, как один из итогов этого периода, была проведена большая работа по репатриации значительной части общей массы репатриантов. С 16 сентября 1946 года по 16 декабря 1947 года было отправлено в Японию 243 060 военнопленных и 380 307 человек из числа японского населения всех регионов их проживания.

По ходу репатриации были решены и некоторые другие задачи. Во-первых, «контингент» военнопленных был основательно очищен от «балласта рабочей силы» — больных и ослабленных. Во-вторых, уменьшение количества военнопленных произошло до позволившего содержать их в нормальных условиях уровня. Многие лагерные отделения, не обеспечивавшие этих условий, были ликвидированы. Перебои в снабжении продуктами питания уменьшились, а качество пищи улучшилось. С другой стороны, запасы вещевого имущества снизились.

Вместе с тем, стало очевидным, что репатриация военнопленных и населения будет носить долговременный характер. Советское правительство определилось окончательно в стратегии репатриации и масштабах использования «контингента». Управлению репатриации при Совете Министров СССР, которое, исходя из

опыта репатриации военнопленных и советских граждан из Германии летом 1945 года, представляло свои функции кратковременными пришлось изменять свои взгляды и характер своей работы. Перед ними стала задача перевода органов репатриации с временного на постоянный режим деятельности.

Это повлекло за собой необходимость улучшения и усовершенствования всех сторон деятельности с военнопленными, в том числе условий их содержания. Прежде всего необходимо было устранить проявившиеся в ходе репатриации недостатки. Конечно, было бы удивительно, если бы репатриация проходила без сучка и задоринки. Национально характерные и усугубленные существовавшей в СССР общественной системой черты, такие как воровство, стяжательство, взяточничество и другие, существовали и в лагерях репатриации.

Тяжелое положение военнопленных в лагерях репатриации стало достоянием известности для другой стороны. Все чаще и чаще со стороны США, а затем и Японии, начали поступать жалобы на отсутствие нормальных условий жизни и быта в лагерях органов репатриации. Поначалу советское руководство мало обращало внимания на эти жалобы, но боязнь того, что американское и японское правительства могут использовать такие факты в антисоветских целях, заставляло Советский Союз проявлять определенную реакцию.

В свою очередь, СССР стремился вбить клин в отношения американцев с японцами и склонить Японию если не на свою сторону, то хотя бы держать последнюю под своим влиянием. Разыгрывая политическую карту, представленную выгодами плена японской армии, Советский Союз вынужден был адекватно реагировать и заботиться о положении военнопленных. Благо, существовавшая система работы с ними позволяла содержать их в нормальных условиях, но как всегда существовала проблема с хорошими исполнителями.

С целью исправления сложившегося положения в лагерях репатриации были предприняты некоторые меры. Первым делом Управлением репатриации было принято решение заменить на-

чальника отдела репатриации Приморского военного округа генерала Фомина на более энергичного полковника Ломтева, перед которым была поставлена задача наведения порядка в делах отдела и лагеря репатриации.

До прибытия нового начальника 380-й лагерь в утренние часы напоминал своеобразную биржу труда. У его ворот выстраивалась очередь из представителей хозяйственных организаций, желавших получить рабочую силу. Для работы военнопленных получали хозяйственники флотилии, хлебопекарен, складов, бань и даже владельцы огородов. Военнопленные также систематически использовались для работы на приусадебных участках офицеров и других работников транзитного лагеря или на работах по обслуживанию других личных нужд командования лагеря. Вместе с тем, такая заинтересованность не вызывала никакого желания заботиться о военнопленных. «Бездушно-толстокожее» отношение к военнопленным процветало: одному японцу на работе 9 декабря 1947 года поломали обе ноги, а в госпиталь привезли только 11 декабря. «В результате человек вряд ли выживет», — отмечалось в одном из донесений¹⁸⁶. Подобное случилось с двумя другими пленными, которых подстрелил часовой за отклонение от объекта работ и которые попали в госпиталь спустя три дня после происшествия.

В отделении 380 лагеря на станции Кангауз военнопленные в течении 15 дней не получали хлеба, а отсутствие хлеба в течении 3—4 дней в лагере было нормой. Дело дошло до точки кипения в мае 1947 года, когда в этом отделении была обнаружена листовка-обращение к военнопленным с призывом к бунту. Бунт был предотвращен усилиями демократического актива¹⁸⁷.

По прибытии на место в Ворошилов-Уссурийский новому начальнику отдела репатриации Приморского военного округа предстала картина, которую он ярко описал в своем докладе генералу Голикову. «Среди личного состава отдела репатриации и лагерей существовало полное благодушие, лень и примиренческое отношение к недостаткам и к фактам чрезвычайных происшествий. Люди совершенно не замечали самые вопиющие безобразия и не

вели борьбу с ними. Причиной этого, по моему убеждению и заключению руководящих работников политического управления округа», — писал он своему шефу, — «является нехороший тон, который был дан здесь моим предшественником, генералом Фоминьом». Результатом работы последнего была коррупция работников отдела, которые «сильно погрязли в лагерях и по этой причине не могли предъявлять необходимые требования к подчиненным, что приводило к забвению ответственности в выполнении своего служебного долга»¹⁸⁸.

Не лучшее положение дел было и в лагерях. При проведении инспекции лагерей полковник Ломтев отмечал «большое количество крайне нежелательных в транзитных лагерях для военнопленных случаев воровства, грубости, пьянки, нарушение дисциплины и других аморальных явлений среди военнослужащих рот охраны лагерей»¹⁸⁹. Причиной этих явлений, по мнению Ломтева, послужило то, что при укомплектовании лагерей в состав офицеров, солдат и сержантов попало много морально неустойчивых и недисциплинированных «элементов».

К декабрю 1947 года — моменту прекращения репатриации — на территории СССР осталось три транзитных лагеря. Это — 379-й в порту Маока, 380-й и 53-й в порту Находка. Последние два являлись лагерями репатриации военнопленных. При этом 53-й являлся производственным — все военнопленные, направляемые МВД СССР для репатриации, попадая в этот лагерь, привлекались на работы по строительству порта. Репатриация из этого лагеря не осуществлялась, а репатрианты представляли собой резерв для 380-го транзитного лагеря.

Нерабочая обстановка в лагерях и отделе репатриации привела к тому, что оказался тяжело запутанным учет военнопленных. Для выяснения достоверных данных полковником Ломтевым была направлена в лагерь комиссия, которой пришлось поднимать все архивы лагеря и отдела с начала репатриации.

Работа комиссии способствовала согласованию учетных данных в лагерях и в окружном отделе репатриации, а также в налаживании и строгом функционировании системы учета репатриан-

тов. Работа по выяснению действительного положения в учете военнопленных была проведена в апреле месяце. В январе же 1948 года, полковник Ломтев ознакомился с содержанием пленных в лагерях.

По его мнению, умывание, хранение собственных вещей и обмундирования пленных не было организовано: «военнопленные не умывались, а если и умывались, то где и в чем попало»¹⁹⁹. Обмундирование на пленных было загушенным, грязным, засаленным и требовавшим ремонта. Но ремонт, как чистка и стирка одежды, не были организованы. Мытье в бане проводилось нерегулярно, мыло выдавалось не всегда или совсем не выдавалось. Просушка обмундирования и обуви также не была организована. Словом, абсолютно никакой организации быта. Судя по перечисленным недостаткам, можно с уверенностью добавить еще один — среди военнопленных существовала вшивость, средства для борьбы с которой отсутствовали.

Пищевые блоки содержались в антисанитарном состоянии. Все руководство и организация работ на них было передано в управление самих пленных. Мало того что при выдаче со складов, получавших продовольствие, военнопленных обвешивала лагерная администрация, так к тому же это делали и свои — положенные пленным на день продукты полностью в котел не попадали. «Готовая пища выдается военнопленным в грязную, несоответствующую своему назначению посуду — кадки, а лагерь № 53 в таких кадках развозит обед к месту работы военнопленных за 4—6 километров. В результате чего обед раздается остывший и переболтанный. В Сергеевском отделении этого лагеря горячая пища готовилась военнопленными только два раза в день: утром и вечером, кипяток и чай для военнопленных не готовился. Военнопленные находились в лесу на работах с утра до вечера голодные. Хлеб военнопленным часто выдается недоброкачественный, сырой, подгорелый», — такой нашел картину полковник Ломтев.

Подобные недостатки новый начальник отдела репатриации терпеть не желал и требовал коренным образом перестроить работу и отношение к военнопленным, «памятуя о том, что всей систе-

мой нашей работы мы должны воспитывать военнопленных японцев в духе лояльного отношения к СССР и проводниками советско-японской дружбы на основе демократического преобразования японского государства»¹⁰¹. При таких задачах средства и методы работы с военнопленными необходимо было менять.

Слов на ветер новый начальник не бросал. В наведении порядка его поддерживало командование Приморского военного округа. За четыре первых месяца 1948 года в результате принятых мер в 380-м и 53-м лагерях репатриации было заменено 22 офицера, в том числе начальник лагеря, 3 начальника лагерных отделений и 3 заместителя начальника лагеря. Также было заменены 53 сержанта и рядовых, из которых 11 человек были осуждены. Большинство офицеров «изъятых» из лагерей были уволены из рядов вооруженных сил.

К началу репатриации 1948 года силами военнослужащих лагерей и отдела репатриации была проведена работа по наведению порядка и благоустройству лагерей. В этой работе принимали участие и военнопленные. В первую очередь принимались меры по увеличению вместимости 380-го лагеря. К 1 апреля 1948 года она была доведена до 12 тысяч человек. Планировалось достроить три барака и установить на лето 70 палаток с тем, чтобы увеличить емкость лагеря до 15 тысяч человек.

Для приготовления пищи репатриантам в каждой зоне лагеря были устроены «кухонные очаги». Все кухни были стандартного типа и только в первой зоне были установлены походные. На территории четвертой зоны лагеря в двух отдельных помещениях был оборудован лазарет на 200 коек. Лазарет имел хирургическое, терапевтическое отделение и изолятор, а также аптеку. Кроме того, во всех зонах имелись амбулатории, где репатриантам оказывалась первая необходимая помощь. При амбулаториях по зонам дежурили врачи из японцев, работавшие под наблюдением и руководством советских медицинских работников лагеря. В госпитале № 590, закрепленном решением Генерального штаба ВС СССР за лагерем, было отведено 350 мест для больных, требовавших стационарного лечения.

Как подсобные, в лагере были организованы лесопилка, ремонтно-пошивочные мастерские по ремонту обуви и обмундирования, столярная мастерская, кузница, мельница, обеспечивающие всю потребность и нужды лагеря.

Принятыми мерами в лагерях репатриации удалось создать необходимые условия для жизни и деятельности военнопленных. По словам майора Самойлова, прибывшего из Москвы на инспекцию лагерей в апреле 1948 года, лагеря были подготовлены гораздо лучше тех лагерей репатриации, которые он видел, работая в Италии. Репатриацию можно было начинать.

Часть III.
РЕПАТРИАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ
1948 ГОДА

Глава 1.
Основная особенность кампании

С открытием репатриации в 1948 году спешить не желали. Для МВД СССР сроки начала репатриации были безразличны. Оно проявляло заботу лишь о том, чтобы количество репатрируемых было согласовано с ним. Министерство Вооруженных Сил СССР вообще не хотело вести никакой речи о репатриации. Оставалось Управление Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации. Именно ему по долгу службы предстояло стать возмутителем спокойствия и инициировать работу по выработке постановления правительства о репатриации в 1948 году.

Весной 1948 года на территории СССР еще находились 256 000 военнопленных и 106 500 жителей Южного Сахалина. Как известно, темп репатриации был согласован с американцами и установлен на уровне 50 000 человек в месяц. В 1947 году этот темп выдерживался в основном за счет репатриантов с Ляодунского полуострова. При сохранении такого темпа репатриации в 1948 году все находившиеся в СССР и вне его японцы за 7 навигационных месяцев должны были бы быть репатрированы домой.

Но не тут то было. «Учитывая, однако, народнохозяйственные интересы», закончить репатриацию всех японцев в течении 1948 года не представляется возможным, хотя это и повлечет за собой нарушение существующего соглашения», — откровенно писал товарищу В.Молотову Уполномоченный правительства по делам репатриации генерал Голиков. К письму он приложил проект постановления правительства, в котором предлагал обязать

1) Сахалинский облисполком репатриировать всех японских граждан — жителей Южного Сахалина в 1948 году;

2) Министерство Вооруженных Сил СССР — «всех японских специалистов, временно задержанных на предприятиях Людунского полуострова, а также их семьи, подготовить к репатриации в период июль—ноябрь 1948 года»;

3) Министерство внутренних дел СССР — «освободить в течение 1948 года из лагерей МВД 175 000 японских военнопленных и сосредоточить их в лагерь органов репатриации — Находка, в период май—ноябрь 1948 года по 25 000 человек ежемесячно»¹⁹².

Правительство против этого предложения не возражало и в соответствии с его решением № 1098—392с от 5 апреля 1948 года постановило провести репатриацию по планам предложенным генералом Голиковым. Всего же по решению правительства подлежало репатриации 285 758 человек.

Свои принципы, основанные на положениях этого правительственного постановления, установил Министр внутренних дел СССР тов. Круплов. Он предложил начальнику Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР освободить и передать в 1948 году органам репатриации из лагерей и спецгоспиталей МВД — 129 138 человек и из батальонов МВС — 45 862 человека.

МВД СССР, как основной держатель «контингента», установил и категории военнопленных, которые могли быть репатриированы домой. Репатриации подлежали все генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые. В то же время были сделаны существенные ограничения. Из списков репатриантов исключались:

а) работники разведывательных, контрразведывательных и карательных органов Японии. В основном это работники военных миссий, органов полиции, жандармерии, тюрем, лагерей, особых отделов, «исследовательских бюро» или «институтов», работники радиоразведки и штабов, все работники 2-х отделов Генерального штаба и штабов Квантунской армии;

б) командно-преподавательский состав и курсанты шпионско-диверсионных школ. Участники диверсионных и повстанчес-

ких отрядов, «шпионско-диверсионно-террористической агентуры»;

в) руководящий состав и специалисты «противоэпидемического отряда 731» и его филиалов, известный как бактериологический отряд, занимавшийся теорией и практикой бактериологической войны;

г) военные преступники из числа генеральского и офицерского состава, изобличенные материалами следствия в подготовке военного нападения на СССР, а также организаторы военных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол.;

д) руководящий состав общества «Кин Ва Кай», которое в Советском Союзе считали фашистским;

е) руководители и активные участники реакционных организаций и групп, «ставившие перед собой задачу совершения враждебных действий в лагерях МВД и по возвращении на родину вести борьбу против демократических организаций»;

ж) руководители правительственных учреждений и органов Манчжоу-Го, а также члены японского императорского двора¹⁹³.

Все военнопленные, осужденные за преступления, совершенные в плену, задерживались до истечения срока наказания. Также задерживались и нетранспортабельные больные — до выздоровления.

«Отсев» должны были производить создаваемые в лагерях комиссии, которым вменялось в обязанность провести работу по выявлению названных категорий военнопленных к 1 мая 1948 года. Очевидно, что задержка отправки репатриантов из лагерей МВД была вызвана именно тем, что начался поиск «врагов народа», в данных условиях — японского.

Были приняты меры и к тому, чтобы недопустить вывоза за границу советской валюты. В этих целях было предложено «предупредить освобождаемых военнопленных о необходимости израсходования ими до отправки имеющихся у них советских денег, для чего в лагерях ... организовать через ларьки продажу военнопленным продуктов питания, промышленных товаров и предметов личного обихода». Приказывалось «перед погрузкой в эшелоны

произвести тщательный обыск военнопленных с целью изъятия скрытой военнопленными, вопреки предупреждению, советской валюты, а также документов с записями, содержащими сведения секретного характера, которые могут быть использованы против Советского Союза». Личные вещи военнопленных отбору не подлежали.

Остальные организационные мероприятия были идентичны тем, которые проводились в прошлом году. В этом же году добавились некоторые другие. В основном они носили частный характер. Предполагалось, что при формировании эшелонов офицерский состав будет размещаться в вагонах отдельно от унтер-офицеров и рядовых. Отpravку генералов и полковников министр предлагал производить в пассажирских поездах и только по его особым указаниям. Местные органы МВД должны были осуществлять контроль за проходящими по их территории эшелонами и в случае необходимости изымать и госпитализировать на месте всех «отяжелевших» в пути военнопленных и «не могущих по состоянию здоровья переносить дальнейшую транспортировку».

Проведенная 3 мая 1948 года отправка первой партии военнопленных японцев в Японию, ознаменовала собой начало репатриационной кампании 1948 года. По заверению администрации 380-го лагеря передача и погрузка первых 2001 человек прошла быстро и организованно: за два часа до отправки репатрианты были выведены из зоны, доведены под конвоем отдельными группами до порта и погружены на японский корабль. После оформления документации корабль тут же вышел в море. Капитан корабля не высказал абсолютно никаких претензий, хотя по вине порта он простоял на рейде 7 часов, а севшие на корабль репатрианты не имели армейских котелков и он не знал как их накормить в пути.

Были и другие трудности. Механизм репатриации за зиму, видимо, «заржавел» и никак не хотел запускаться. Органы МВД не спешили с отправкой пленных — на 30 апреля 1948 года в лагерь было передано «только 1000 человек». Надеясь на содействие, генерал Голубев 8 мая писал в МИД СССР т.Вышинскому, что «дальнейшее поступление эшелонов сильно задерживается, что влечет

за собой срыв погрузки кораблей, прибывающих из Японии. Наши неоднократные просьбы перед МВД об ускорении движения эшелонов остаются безрезультатными¹⁹⁴. Положение в лагере сложилось тяжелое, угроза перебоев в отправке стала весьма вероятной.

К 8 мая из порта Находка было отправлено три корабля, которые увезли с собой 6 007 человек. Лагерем принимались меры к тому, чтобы 9 и 11 мая, как было ранее оговорено с американцами, отправить еще 4 000 человек. Весь этот контингент, как и ранее отправленный на первых кораблях, приходилось снимать со строительства порта Находка и объектов строительства Приморского военного округа. Для того, чтобы действительно не допустить срывов в погрузке кораблей, которые должны были прибыть в порт за репатриантами 13 и 15 мая, генерал Голубев просил МИД СССР уведомить американцев в Токио о переносе срока прибытия этих кораблей на 26 и 28 мая с учетом того, что все остальные корабли лагеря примет согласно ранее поданному американцам графику.

Общий ход репатриации, испытав трудности в самом начале кампании, не лучшим образом обстоит и в течении всего периода. В начале репатриации половина из поступивших военнопленных оказались больными и резко ослабленными, нуждавшимися в специальном оодоронительном режиме и длительном лечении.

Затем неожиданным образом в ходе репатриации возникло недоразумение с Министерством Внутренних Дел по поводу обеспечения военнопленных вещевым имуществом. Непосредственно перед отправкой военнопленные должны были полностью экипироваться, если не новым, то вполне пригодным обмундированием, обувью, полотенцами и прочим немудреным солдатским скарбом. Однако, военнопленные из лагерей МВД и МВС поступали в лагерь в неприглядном для репатриации виде.

Ведомственные интересы двух министерств — Внутренних Дел и Вооруженных Сил, просматриваются и в том, кто должен и сколько военнопленных отправить домой. МВД СССР осознало свою ошибку, допущенную в 1947 году, когда оно репатриировало

почти всю массу военнопленных, в то время как МВС из своих ОРБ репатриировало только больных и нетрудоспособных. Ошибка была исправлена и в постановлении правительства было определено конкретное число пленных, которых МВС СССР должно репатриировать. МВД СССР строго следило за тем, чтобы это было выполнено и на все запросы Уполномоченного по делам репатриации при правительстве о передаче военнопленных кивало головой в сторону военных. Военные в свою очередь не признавали никаких претензий, они сами определяли сроки репатриации и тем самым как можно дальше отдаляли момент прощания с пленными.

В 1948 году политика Советского Правительства в отношении задержек с репатриацией ничуть не изменилась. Масштабы задержек и переносов сроков репатриации уменьшились, так как уже не было того «свободного» количества военнопленных, когда можно было не только задержать, но и не репатриировать их в ходе целой кампании. Но все же 2 003 военнопленных, которые работали на предприятиях угольной промышленности Кузбасса, задержали и репатриировали в последнюю очередь¹⁹⁶. Подобное произошло и с 1 200 военнопленными, которых отправили работать в Сахалинское государственное морское пароходство до 1 ноября 1948 года¹⁹⁷. Еще 1 600 военнопленных оказались незаменимыми на работах по обработке уловов рыбы во Владивостокском рыбном порту¹⁹⁷.

Совет Министров СССР беспокоили и другие вопросы. В частности в июле оно приняло постановление о том, чтобы перевести репатриантов в количестве 16 700 человек в порт Маока с Курильских островов и труднодоступных Углегорского и Лесогорского районов на Сахалине.

В этом году правительство впервые обсудило и приняло постановление о расчетах с иностранными государствами по репатриации их граждан, но оно было последним в этом году и уже не могло повлиять на ход репатриации¹⁹⁸. Более того, сама репатриация перестала быть средством давления на политику других стран со стороны Советского Правительства, а вопрос о пребывании военнопленных и иностранных граждан стал козырем в руках США в

его противоборстве с СССР. Отправкой последнего японского парохода из порта Находка 1 декабря 1948 года была закончена репатриация военнопленных и интернированных граждан Японии. Однако неожиданно правительство своим распоряжением № 18597 рс от 13 декабря 1948 года разрешило выехать домой 14 японским генералам. Еще один из предназначавшихся для репатриации генералов — Нагао Тадахико, 1887 года рождения, не дожид до этого дня...

По данным Управления СМ СССР по делам репатриации за кампанию 1948 года в Японию было отправлено 286 746 человек, среди которых 175 103 человека были военнопленные, 106 713 жителей Южного Сахалина, а также 4 930 японские граждане с Ляодунского полуострова. К ним еще нужно добавить 1 283 японских граждан с территории Северной Кореи и 1 944 интернированных японцев с территории СССР. Общее число — 289 973 человека. «Таким образом, постановление Совета Министров СССР № 1098—392с от 05.04.1948 года выполнено полностью и в срок», — писал генерал Басилов в МИД СССР¹⁹⁹. Основная масса военнопленных и японских граждан по истечении этой репатриационной кампании была вывезена в Японию.

Глава 2. Репатриация с территории Сахалина и Курильских островов

Политика Советского Правительства по отношению к японскому гражданскому населению Южного Сахалина и Курильских островов была неровной на протяжении всего его пребывания в СССР. В первые дни после занятий войсками 2-го Дальневосточного фронта этих территорий стояла задача не оправдать в глазах населения тех стереотипов, которые пропагандировались ему до войны японскими военными властями. Как известно, японское население Карафуто (Сахалина) с уходом японских войск оставляло свои места обитания и уходило в сопки. Советским войскам для того, чтобы доказать свой миролюбивый характер, приходилось раздавать бесплатно рис и другие продукты питания. Постепенно доверие японцев к русским возрастало, а к осени 1946 года их жизненный уровень оказался выше, чем в Японии.

В то же время обитатели острова Карафуто как и других островов, вошедших в состав СССР, могли ощущать ограниченность в своей свободе. Они не могли занимать руководящих постов на фабриках и заводах. Последние, как и земля, были национализированы. Японские владельцы заводов были замещены русскими директорами. Владельцы, теряя свою собственность, превращались в обычных чиновников. Японцы не могли посещать свои семьи на острове Хоккайдо. Те из них, кто пытался пересечь границу в любом направлении, подвергались наказанию и оказывались за тюремной решеткой по обвинению в нарушении государственной границы СССР. Не было привычной для них возможности торговли с соотечественниками в Японии. Карафуто стал Сахалином и железный занавес опустился.

Когда доверие японцев к русским властям укрепилось, необходимость тщательного опекуна населения враждебного государства отпала. Японцы это почувствовали сразу на себе — их

продовольственный паек похудел, а снабжение стало нерегулярным. Прохладное отношение к японскому населению со стороны новых властей особенно возросло после решения советского правительства о репатриации на родину всех японцев, проживавших на Курильских островах и Южном Сахалине. Несмотря на принцип добровольности при репатриации, японцы выметались со всех уголков названных островов.

Расстановка рабочей силы в островном хозяйстве predetermined темп репатриации. Из 294 000 человек, находившихся на Южном Сахалине, и 7 000 человек японцев, проживавших на Курильских островах, в промышленности и сельском хозяйстве было занято 90 тысяч. В угольной промышленности было занято до 15 000 человек, в бумажной и лесной промышленности — до 12 000, рыбной — до 10 000, а с марта эта цифра возрастала до 20 000 человек на период лова рыбы. На железнодорожном транспорте, как и местной промышленности, было задействовано до 3 000 человек. Остальные люди были заняты в сельском хозяйстве.

При подготовке проекта постановления правительства о репатриации в 1947 году управление репатриации, мало знающее местные условия, предложило ее темп в 30 000 человек в месяц. При таком темпе репатриация с островов была бы завершена в том же году. Местные власти возражали против установления такого темпа, мотивируя это тем, «что репатриация этих контингентов темпом в 30 000 человек в месяц, с расчетом ее завершения в 1947 году, вызовет большие трудности и нанесет большой ущерб всему народному хозяйству Южного Сахалина, так как рабочей силы советских граждан нет и в 1947 году поступление ее в таких масштабах не планируется»²⁰⁰.

Местные руководители предлагали принять темп репатриации не свыше 10 000 человек в месяц, и тем самым растянуть эту компанию на срок от 3-х до 5-ти лет. В Москве понимали их трудности, но и их предложением не прислушались — темп репатриации на 1947 год был установлен в количестве 30 000 гражданских лиц в месяц. Местная островная администрация не собиралась сдаваться. Конфликт между Сахалинским облисполкомом и упра-

влением репатриации продолжался все годы репатриации и, как ни странно для тех лет, облисполком все же настоял на своем.

В апреле и мае 1947 года поступление японского гражданского населения в 379-й лагерь проходило по плану, составленному отделом репатриации Дальневосточного военного округа совместно с Сахалинским облисполкомом. План этот утверждался Командующим войсками ДВО. В лагерь японцы приезжали по железной дороге, при этом оплату билетов и багажа осуществляли за свой счет. Из районов, не имевших с портом Маока железнодорожного сообщения, а это Углегорский и Лесогорский районы и Курильские острова, доставка репатриантов в лагерь производилась водным транспортом. Деловые отношения отдела репатриации ДВО с областными и городскими учреждениями репатриации были не вполне нормальными из-за того, что последние в проведении этой работы оказывали слабую помощь и старались всю работу по сосредоточению репатриантов в лагерь возложить на отдел репатриации. Отдел не имел возможности проводить масштабную работу из-за своей малочисленности.

Несмотря на наличие совместного плана, Сахалинский облисполком на июнь составил свой план, по которому предусматривался вывоз японцев морским транспортом из Лесогорского и Углегорского районов в количестве 24 000 человек, что не могло быть выполнено из-за отсутствия «свободного тоннажа» в Морфлоте СССР. Неотъемлемой частью наступления местной администрации было также письмо т. Молотову от секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) т. Мельника и председателя облисполкома т. Крюкова о снижении темпа репатриации до 10 000 человек в месяц.

На основании этого, не дожидаясь решения правительства, местная администрация прекратила подвоз репатриантов. Это вызвало угрозу срыва погрузки репатриантов на очередные корабли и возникновения негативной реакции со стороны США и Японии. В связи с этим пришлось реагировать Управлению репатриации, которому предложение Крюкова и Мельника было непринемлемо, так как оно привело бы к необходимости увеличить темп репатриации военнопленных японцев, что было «крайне нежелательно».

ибо военнопленные как организованная рабочая сила приносят больше пользы на работах в народном хозяйстве, нежели гражданское население, где на одного работающего приходится 2—3 неработающих члена семьи»²⁰¹.

В целях ослабления возникшей напряженности в репатриации японского населения с Южного Сахалина генерал Голиков и министр внутренних дел Крутлов обратились за помощью к т. Берии и просили разрешить проблему снижения темпа репатриации в июне—августе до 24 000 человек за счет увеличения темпа отправки военнопленных — «неработающих японских офицеров и гражданских чиновников». Первый этап был выигран местной администрацией.

Второй пик противоречий между местными и московскими органами репатриации произошел спустя месяц. В середине июля глава Сахалинской администрации Крюков отдал распоряжение прекратить сосредоточение репатриантов в лагерь. В это же время в порт должны были прибыть корабли за очередной группой. В связи с тем, что в лагере находилось только 1 000 человек японских граждан, корабли могли уйти незагруженными. Безусловно, это вызвало бы «нехороший отклик в Японии». С тем, чтобы этого не произошло, генерал Голиков просил т. Молотова обязать местную администрацию безоговорочно выполнять постановление правительства о репатриации. В этот момент бастион Управления по делам репатриации дрогнул — оно попросило т. Молотова принять решение об изменении темпов репатриации. Позиции Управления были ослаблены в силу того, что т. Крюков пользовался благосклонным отношением со стороны заинтересованных министров, которые обеспечили ему поддержку правительства в целом. Этому способствовало и обсуждение в правительстве проблемы переселения из центральных районов СССР «колхозников и другого сельского и городского населения». Разрешение спора состоялось 28 августа и было закреплено в постановлении правительства № 3014. Совет Министров СССР предложил в сентябре репатриировать с Сахалина 15 000 гражданского населения, кроме того до конца репатриации 1947 года репатриировать 30% япон-

цев, занятых в угольной и целлюлозно-бумажной промышленности острова. Прореха в количестве репатрированных закрывалась увеличением числа репатриантов из военнопленных и за счет репатриации переданных из Монгольской Народной Республике военнопленных. Репатриация гражданского населения неуклонно снижалась и в ноябре месяце достигла минимальной цифры 1 000 человек в месяц.

Изменение темпов репатриации было замечено другой стороной, о чем американцы открыто заявляли. Более того, они обратились к советской стороне не только с претензией о нарушении соглашения, но и с предложением направить любое количество судов в любой порт Южного Сахалина для вывоза японцев. В декабре они предлагали выделить ледокол для сопровождения судов. Эти предложения с благодарностью были отвергнуты.

Сахалинский облисполком сообщил, что на территории Южного Сахалина осталось 112 480 японцев, которые «по плану должны быть репатрированы» в Японию в 1948 году. Здесь он опять откорректировал план, составленный московским Управлением репатриации. Ввиду того, что завоз рабочей силы для предприятий Южного Сахалина планировалось производить в течение 1948 года, а репатриацию японцев наметили в основном на первую половину 1948 года, что «может повлечь за собой остановку действующих промышленных предприятий», облисполком просил отсрочить репатриацию.

Опыт подсказал генералу Голикову, что проблемы прошедшего года не решены, а противоречия между ведомствами остались. Сахалинский облисполком на 1948 год установил темп репатриации в 20 тысяч человек, снижая его в течении года до 11 тысяч человек в месяц. Это означало, что темп репатриации военнопленных нужно было устанавливать в 30—35 тысяч человек. В свою очередь МВД СССР установило свой темп репатриации военнопленных в 20 000 человек. Для того, чтобы выполнить соглашение с американцами, необходимо было пренебречь чьими-либо интересами. Противоречия снимались только постановлением правительства.

Правительство приняло решение репатриировать с Южного Сахалина по 15 тысяч человек в месяц. В 1948 году план репатриации выполнялся. Основные затруднения для органов репатриации были в несвоевременной подготовке репатриантов в районах и направлении их в 379-й лагерь. К тому же отсутствие постоянного морского транспорта для вывоза репатриантов из Углегорского, Лесогорского районов и Курильских островов довели дело до того, что репатриацию с этих районов завершили только в 1949 году.

Органы репатриации уже в августе 1948 года заметили стремление отдельных работников районов и области задержать людей, особенно это касалось крестьян, которых хотели оставить на 1949 год. С просьбой об этом облисполком и обком ВКП(б) обратились в правительство. Молотов не разрешил оставить японцев и предложил местной администрации выполнить постановление правительства и закончить репатриацию японского гражданского населения с Южного Сахалина и Курильских островов в ноябре месяце.

Но не тут то было. В декабре был расформирован отдел репатриации Дальневосточного военного округа, а на Сахалине остались 4 446 человек. Упорство и настойчивость местной администрации становится понятной, когда вспоминаешь, что японцам разрешалось брать с собой 100 кг имущества на человека. Дом, скот, орудия труда с собой брать не разрешалось. За всем этим нужно было кому-то присмотреть. Без помощи японского населения здесь было не обойтись. По этой причине было задержано минимально необходимое число японцев. Вторая причина заключалась в том, что из дальних районов не успели вывезти репатриантов. В Углегорском, Лесогорском и Томаринском районах осталось 3 261 человек из общего числа оставшихся.

Репатриация последних оставшихся японцев была осуществлена в июне 1949 года. ими уже особенно никто не занимался, и если бы не обязательства СССР, то они, наверняка, остались бы там жить на более продолжительное время. По постановлению правительства № 2326—905с от 10 июня 1949 года в Японию с Южного

Сахалина было отправлено 4 708 японских граждан. После их отправки на острове осталось 943 человека. В их числе 469 человек, пожелавших остаться в Советском Союзе, 187 детей до 16 лет и 287 человек репрессированных японцев, последний из которых должен был освободиться в 1974 году²⁰¹.

Для репатриации последней партии японцев приказом командующего ДВО был сформирован временный транзитный лагерь репатриации на базе бывшего 379-го лагеря. Лагерь был готов к приему репатриантов к 24 июня 1949 года и уже 25 июня началось сосредоточение репатриантов.

Первый пароход за репатриантами прибыл 28 июня утром. Это был пароход «Токудзи мару». Убыл этот пароход только 29 июня. Все дело в том, что основная масса репатриантов, а это были японцы из Углегорского района, прибыли двумя пароходами в ночь на 28-е июня. В течении суток все вещи репатриантов были перевезены автотранспортом из порта в лагерь, там досмотрены таможенниками и снова вывезены в порт. За это время репатрианты были подвергнуты медико-санитарной обработке и только после этого посажены на пароход. После их убытия в лагере никого не осталось. Сосредоточение репатриантов на следующие пароходы началось 7 июля 1949 года и закончилось 16 июля. Отдельные мелкие группы поступали еще до 19 июля, а утром 20 июля прибыл пароход «Мамия мару» и после обеда того же дня пароход «Хокури мару». Это были последние пароходы, забравшие с собой последних японских граждан, проживавших на Южном Сахалине. Знакомство с советской властью закончилось. На место убитых японцев начали заселяться переселенцы из европейских районов СССР.

Часть IV. ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ

Глава 1. Заключительный этап репатриации. 1949 год

После репатриации 1948 года в лагерях МВД осталось 91 563 военнопленных японца, более 3 000 гражданских лиц на Сахалине и менее этой цифры в г. Дальнем. Такими данными располагали органы репатриации по окончании сезона 1948 года. Сезон этот закрыли в феврале 1949 года военнопленные генералы японской армии, которые в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР были переданы «по акту и списку» представителю штаба 8-й армии США Джилфиллану.

К 1949 году лагеря МВД для военнопленных значительно опустели. Многие из них в целом были ликвидированы, а их помещения переданы исправительно-трудовым колониям и лагерям разного режима для размещения советских заключенных или же просто оставлены без внимания. Почти все военнопленные, за некоторым исключением, к этому времени находились в лагерях МВД и ОРБ МВС на территории Хабаровского и Приморского краев. Наконец-то, система советского плена смогла наладить их быт, да настолько, что можно было составлять памятные альбомы. Правда, на фотографиях вы не увидите ни колючей проволоки, ни бумаги вместо окон, ничего такого, что было свойственно начальному периоду плена. На заключительном этапе все системы обеспечения — питания, вещевого снабжения, медицинского обслуживания — действовали безупречно. Если и были какие-либо срывы, то они случались по недосмотру, либо по причине безответственного отношения к своим служебным обязанностям административного персонала. Словом, это были единичные случаи.

Жизнь военнопленных в лагерях в этот период определялась несколькими факторами. На первое место вышла задача политической индокринации пленных. Посредством этого процесса пытались оказать воздействие на их качество работы и ее количество. Таким образом, эти два процесса — политической индокринации и повышения производительности труда — были взаимосвязаны. Теперь свою преданность демократическому лагерному движению необходимо было подтверждать усердным трудом.

В феврале Совет Министров СССР считая, что оставшиеся военнопленные уже не представляют особого интереса для советской промышленности, да и пора уже было и честь знать, приняло решение о полной их репатриации в течении 1949 года. Это выстраданное решение не было лишено ложки дегтя. Предположительно, на территории СССР должны были остаться только военнопленные осужденные за преступления, совершенные ими против СССР.

Решение правительства предваряло заявление уполномоченного по делам репатриации генерала Голикова, сделанное им от имени возглавляемого им управления. Управлению репатриации, прежде чем опубликовать заявление, пришлось провести согласование всех цифр с Министерством внутренних дел СССР и Министерством иностранных дел СССР.

К моменту опубликования заявления японцы, попавшие в плен к американцам, были вывезены ими даже с отдаленных островов в Тихом океане, не говоря уже о близлежащих к Японии районах. К этому времени военнопленные оставались только на территории Советского Союза и только СССР еще удерживал у себя пленных. Причем, это нельзя уже объяснить только экономическими интересами советской промышленности. Если в начальный период пребывания японских военнопленных остро чувствовался интерес к ним, как к рабочей силе со стороны промышленных министерств, то на заключительном этапе такой заинтересованности не ощущается. В этот период причиной задержания репатриации военнопленных еще на один год становятся политические задачи — воспитать из пленных коммунистов, которые по прибытию в Японию пополнят ряды КПЯ. К тому же предстояло изолировать не-

согласных с коммунистическими идеями. Но в заявлении об этом ничего не говорится, и чтобы дать возможность сравнить официальную политику правительства с официальными фактами истории можно привести заявление полностью.

«Заявление

Управления Уполномоченного Совета Министров СССР
по делам репатриации.

Ввиду поступивших в адрес Члена Союзного Совета для Японии от СССР запросов о сроках окончания репатриации японских военнопленных с территории Советского Союза, Управление Уполномоченного Совета Министров Союза СССР по делам репатриации считает необходимым сообщить следующее.

Из общего количества 594 000 взятых в плен солдат и офицеров японской армии было освобождено в 1945 году непосредственно в районе боевых действий 70 880 военнопленных. За период с 1 декабря 1946 года в Японию было репатрировано 418 166 человек. В период май—ноябрь 1949 года будут репатрированы все остальные военнопленные в количестве 95 000 человек, за исключением некоторой группы лиц, в отношении которых в настоящее время ведется следствие в связи с совершенными ими военными преступлениями.

Все расходы, понесенные Советским Союзом в связи с репатриацией японских военнопленных и гражданского населения, должны быть возмещены японским правительством, как это предусмотрено соглашением о репатриации между Членами Союзного Совета для Японии от СССР и Штабом генерала Макартура от 19 декабря 1946 года»¹⁰³.

В соответствии с вышедшим 10 июня 1949 года постановлением № 2326—905с репатриации подлежало 105160 человек, из них 97 936 — военнопленных, гражданских лиц с Сахалинской области — 4 446 человек и с Ляодунского полуострова — 2 778. Вывоз должен был производиться ежемесячно на 7—8 японских пароходах емкостью 2 000 человек каждый, а в ноябре на 10 пароходах.

Во исполнение постановления, которое получило название «О репатриации из СССР японцев из числа военнопленных, интерни-

рованных и лиц гражданского населения». Министерство внутренних дел разработало свою политику репатриации, которая была выражена в приказе министра. В период с июня по ноябрь 1949 года он предложил «освободить из лагерей МВД, спецгоспиталей и лагерей, а также рабочих батальонов МВС и репатриировать в Японию через лагерь органов репатриации № 380 в п. Находка 91 449 человек японских военнопленных солдат и офицеров, в том числе: из лагерей МВД и спецгоспиталей 74 019 человек и из лагерей и рабочих батальонов МВС 17 430 человек, а также 2 475 человек интернированных японских граждан, содержащихся в лагерях МВД СССР»²⁰⁴.

Снятие с работ для отправки в Японию репатриантов, занятых на предприятиях и стройках министерств и ведомств производилось за 10 дней до их погрузки в вагоны. Отправка производилась целыми лагерными подразделениями. Освобождавшиеся после репатриации военнопленных помещения лагерей с инвентарем и оборудованием передавались для размещения заключенных.

Не позже, чем за 5 дней до отправки с репатриантами производился полный расчет «по денежному вознаграждению за их работу на стройках и предприятиях». Вместе с тем, репатриантов, как и в прошлом году, предупреждали о недопущении вывоза с собой за границу советской валюты. В этих целях им предоставлялась возможность израсходовать заработанные ими деньги в лагерных ларьках и магазинах.

Как было заявлено Управлением Уполномоченного, не все военнопленные подлежали репатриации. Министр внутренних дел конкретизировал это заявление и определил, что репатриации подлежат офицеры, унтер-офицеры и рядовые, за исключением военнопленных и интернированных японцев, в отношении которых имеется достаточно данных о их враждебной деятельности против СССР.

Министерству внутренних дел было предложено к 1 октября 1949 года представить в Совет Министров СССР обоснованные данные на военнопленных, которые должны были быть оставлены в лагерях, как военные преступники. МВД СССР поручило начальникам лагерей до 15 сентября 1949 года провести тщательную

фильтрацию военнопленных и вынести окончательное заключение в отношении тех из них, которые должны были остаться в режимных лагерях для дальнейшего содержания за совершенные преступления против СССР.

«При проведении практической работы по фильтрации военнопленных строго следить, чтобы в число репатрируемых не попал бы ни один преступник и вместе с тем не остались бы в лагерях МВД военнопленные, в отношении которых нет достаточных материалов для их задержания. Поэтому необходимо подобрать и изучить все имеющиеся материалы на каждого военнопленного, чтобы иметь возможность обосновано и правильно решить вопрос о репатриации»²⁰³.

Для этой цели на каждого пленного составляли заключение, утверждаемое начальником местного управления внутренних дел. В этом заключении имелась ключевая фраза, равносильная приговору, по которой определялось, подлежал ли подозреваемый (уже даже не пленный) репатриации или он оставался в режимном лагере. Срок ему определял военный трибунал. Итоговые данные о проделанной работе по фильтрации пленных должны были поступить в ГУПВИ МВД СССР к 15 сентября 1949 года.

Такая работа проводилась и в лагерях органов репатриации. Сато Ясухиде, Орихара Яеусуне, Тerasима Масану, Итакура Масанчи, Мацута Сумио, Камада Масанки, Такесита Цуйеси, Имай Сигеру, Судзуки Масахару, Иноуэ Ватару были отстранены от репатриации по мотивам службы их в жандармерии, разведке и полицейских органах. «Упомянутых военнопленных японцев желательно передать для дальнейшего содержания в режимные лагеря»²⁰⁴. Все они были переданы в лагерь № 13 во Владивостоке.

Чтобы понять реальную ответственность этих людей, любопытно будет прочесть характеристику на военнопленного Итакура Масанчи. В марте 1937 года он был призван в армию, где в качестве жандарма и прослужил в жандармском отряде по июль 1942 года в звании старшего унтер-офицера на должности делопроизводителя. В плен попал уже фельдфебелем тем же делопроизводителем учетного отдела. Его вина состояла лишь в принадлеж-

ности к ненавистной с революционных времен в России жандармерии.

В атмосфере подозрительности и произвола, в которой жил СССР, это было неудивительно. Эта атмосфера окутывала и пленных. В ходе репатриации «оперативно-чекистские аппараты лагерей» принимали меры к пресечению возможных попыток со стороны враждебно настроенных пленных в какой-либо форме нанести вред там, где они работали. В одной из директив прямо указывалось «тщательно следить за военнопленными, намеревающимися вывезти с собой какие-либо сведения или списки военнопленных, которые могут быть использованы реакционными кругами за границей в провокационных целях против СССР». Это тоже уже было преступлением.

Такие сложные задачи естественным образом затягивали процесс репатриации. К тому же торопиться было некуда — такое количество оставшихся военнопленных можно было репатриировать за два месяца. Антифашистский аппарат лагерей использовал создававшуюся благоприятную обстановку для развернутой политической работы среди военнопленных с целью «внедрения в их сознание демократических принципов и уважения к нашему социалистическому государству, как поборнику свободы и мира»²⁰⁷.

Перед отправкой людей на пароход в 3-й зоне 380 лагеря репатриации проводились прощальные митинги. Начальник лагеря или любой другой представитель советского военного командования зачитывал заранее подготовленную в политическом управлении речь. Место проведения митинга и трибуна оформлялись лозунгами и портретами Ленина, Сталина и руководителей японской компартии. Ритуал проведения митинга начинался с пения всеми репатриантами гимна «Асахата», а завершался пением «Интернационала». На митингах выступали несколько представителей репатриантов с приветствиями и заверениями в том, что они «по прибытии на родину будут бороться за демократическое устройство Японии, бороться с антисоветской пропагандой, будут неустанно рассказывать правду о Советском Союзе японскому народу», т. е. будут поступать так, как их этому научили за четыре года

плена. На митингах также зачитывались благодарственные письма военнопленных советскому правительству и командованию Советской Армии «за те заботы, которые были проявлены о военнопленных за время их пребывания в СССР», как будто все они были не в плену, а работали в Советском Союзе по найму.

Посадка на пароходы 25 и 27 июня превратилась в массовое ликование военнопленных. Войдя на палубу парохода, они пели советские и японские, сочиненные в лагерях, революционные песни, а также организованно провозглашали здравицу в честь товарища Сталина: «Да здравствует Сталин!», «Спасибо советскому народу за гуманное обращение с нами» и другие.

«Военнопленные одного из отделений 53 лагеря, работающие на строительстве порта Находка, вышли на проводы с оркестром и красными флагами. На скалах сопки, примыкающей к пристани, они установили большие портреты Ленина, Сталина и генерального секретаря ЦК КПЯ Токуда, а также вывесили лозунги, призывающие репатриантов укреплять ряды борцов за демократию, вступать в компартию Японии», — списывали свою режиссерскую работу в отчетах политработники.

Команда парохода «Такасаго мару» пыталась проявить некоторую инициативу по наведению порядка на корабле, но из этого ничего не получилось. Более того, репатрианты взбирались даже на капитанский мостик и пели песни. Команда другого парохода уже не проявляла никакого намерения установить порядок на борту.

Когда пароходы отходили, все репатрианты выстраивались на палубе и пели «Интернационал». Затем они снимали с себя нагельные рубашки, и размахивая ими, приветствовали одинокие фигурки представителей лагеря, погранохраны и работников порта, оставшихся на берегу. Все это продолжалось до тех пор, пока корабль не исчезал за горизонтом. После этого оркестр из военнопленных 53-го лагеря строем удалялся на территорию лагеря. Другие пленные снимали с сопки портреты...

Репатриационная кампания 1949 года имела сильные отличия от предыдущих. Во-первых, военнопленных перед отправкой обыскивали и отбирали особые записи, блокноты и даже вырезки

из газеты «Нихон Симбун», не говоря уже об отдельных экземплярах этой газеты. Раньше военнопленным разрешалось вывозить эту газету, хотя на ее страницах можно было найти материалы о Красной Армии и флоте. Во-вторых, и это, пожалуй, главное отличие, проводы военнопленных «выливались в мощные демонстрации чувств благодарности и признательности со стороны репатриантов по отношению к советскому народу и великому Сталину за гуманное отношение к пленным».

Осенью 1949 года у органов репатриации возникли проблемы. Если в отношении гражданских лиц репатриация, можно сказать, была закончена, то этого нельзя было сказать по отношению к военнопленным. Для выполнения плана репатриации 1949 года МВД СССР должно было передать в 380-й транзитный лагерь 7 990 человек и МВС СССР еще 664 японских солдата и офицера. Между тем МВД репатриантов не представило, «мотивируя тем, что вопрос о дальнейшем сосредоточении контингентов для отправки в Японию поставлен на решение правительства»²⁰⁸. 31 декабря 1949 года генерал Гликов писал т. Молотову о том, что в этом году было репатрировано 87 416 военнопленных, а всего 93 858 японцев.

Уже в конце декабря — за 3 дня до нового года, Совет Министров принял решение, по которому из лагерей и спецгоспиталей МВД освобождались 1 664 военнопленных, которые передавались в 380-й транзитный лагерь для репатриации. Это были военнопленные, задержанные ранее от репатриации и на которых не было материалов, достаточных для привлечения их к суду военного трибунала. Из Казахской ССР освобождались 33 военнопленных и 7 интернированных, в Приморье — 199 пленных, в Горьковской области — 2 и в Московской — 1 военнопленный. Наибольшее число освобождалось в Хабаровском крае — 1 272 пленных и к их числу еще 150 интернированных²⁰⁹. Начальнику ГУПВИ МВД СССР было предложено отправить всех их из лагерей не позднее 31 декабря 1949 года. Тем самым можно сказать, что процесс фильтрации военнопленных и поисков среди них военных преступников завершился. Завершилась и репатриационная кампания 1949 года, но нельзя сказать, что она была окончена.

Глава 2. 1950-й и последующие годы

Хотя 1949 год и закончился и считается, что этот год был последним годом репатриации, вместе с тем репатриация продолжалась. Изменились ее масштабы и характер. Теперь военнопленные отправлялись домой немногочисленными партиями, спонтанно, по мере того, как набиралось достаточное количество репатриантов. Все зависело от процесса фильтрации военнопленных, проходившего в лагерях МВД. В ходе этого процесса некоторая часть пленных не подпадала под категорию военных преступников и репатриировалась на родину.

17 мая 1950 года советское правительство приняло решение о репатриации из СССР пленных и интернированных японцев, на которых не было получено в ходе проводимой фильтрации достаточных для осуждения материалов и улик. В добавление к этому МВД СССР приняло решение освободить и передать в 380-й транзитный лагерь органов репатриации также осужденных за нарушения лагерного режима, хищения и бытовые преступления — то есть категорию лиц, не являвшихся военными преступниками. К ним присоединялись военнопленные, осужденные за «малозначительные военные преступления».

Министр внутренних дел распорядился освободить в течении марта—апреля месяца 1950 года из лагерей и спецгоспиталей для репатриации 80 человек²¹⁰. Среди них были генералы японской армии, являвшиеся «престарелыми, больными и инвалидами и нестроевыми», а также военнопленные, на которых не было компрометирующих материалов. Другую категорию освобождаемых представляли «бывшие сотрудники жандармерии, полиции, различных чинов японской администрации в Маньчжурии, а также членов японских фашистских организаций, задержанных от репатриации в связи с расследованием их преступной деятельности». Как выяснилось, их деятельность оказалась не совсем прес-

тупной. Еще одна категория была представлена пленными и интернированными, которые были подвергнуты наказанию за «мелкие» бытовые и «малозначительные» военные преступления.

Вместе с тем, в приказе министра было конкретно оговорено оставление в Хабаровском лагере 34 человек из числа военнопленных к этому времени уже осужденных за военные преступления против СССР и части из них, 24 человек, не осужденных, но «изобличенных следственными материалами в военных преступлениях», ожидавших суда военного трибунала. Кроме этой группы, до особого указания задерживались 17 человек, «совершивших преступления против китайского народа» с последующей передачей их Центральному народному правительству КНР.

Приказ не предусматривал конкретного числа освобождаемых и подлежащих репатриации пленных. Число это определяли направленные из Москвы в Приморский и Хабаровский край группы ответственных работников оперативного управления ГУПВИ. Для этой работы привлекались работники местных управлений МВД и руководящий состав управлений лагерей. Это был важный этап в работе МВД, поэтому министр считал необходимым обратить внимание начальника управления МВД по Приморскому краю генерал-майора Шинкарева и начальника такого же управления по Хабаровскому краю генерал-майора Царева «на особую важность проведения репатриации указанных категорий военнопленных и интернированных, так как этим МВД СССР завершает работу с японскими военнопленными и интернированными».

Проведением репатриации в 1950 году МВД преследовало цель окончательного определения судьбы оставшихся военнопленных с тем, чтобы по окончании репатриационной кампании в лагерях не осталось ни одного человека из числа военнопленных, «кроме осужденных и изобличенных следственными материалами в военных преступлениях, а также задержанных японских военнопленных, совершивших преступления против китайского народа»²¹¹. Исходя из такой концепции работа в лагерях по отбору военнопленных для репатриации началась в марте. Окончательно просевание пленных через сито требований МВД было закончено в ав-

густе 1950 года. После этого в СССР остались только «осужденные» и ожидавшие скорого суда «подозреваемые» японцы — военнопленных уже не было.

Всего в 1950 году было отправлено в Японию 7 547 человек, основную массу которых — 5 584, составляли военнопленные. 25 августа 1950 года 380-й транзитный лагерь оказался пуст. «Японцев нет» — сообщал в своем письме в министерство иностранных дел генерал Голиков²¹². Таким образом, репатриация военнопленных и интернированных японских граждан, а также японского гражданского населения была окончена. Продолжалась она почти четыре года. Еще шесть лет после этого длился период возвращения домой осужденных, отбывших и неотбывших наказания военнослужащих японской армии.

За органами репатриации в декабре 1950 года продолжали числиться 9 японцев. Из этого числа, согласно постановлению Совета Министров СССР, 5 человек должны были находиться на лечении до полного их выздоровления, проще говоря, необходимо было «перелечить» неправильное лечение. Так как дальнейших перспектив по использованию лагеря репатриации не было, решением Военного Министра СССР 380-й лагерь вместе с отделом репатриации Приморского военного округа с 1 февраля 1951 года были расформированы. Находившиеся в лагере больные были переданы в Хабаровский лагерь МВД, где они «временно содержались до выздоровления»²¹³.

Процесс репатриации, как уже отмечалось, завершился, но не в полной мере. Вернее начался период репатриации военнопленных, которые были осуждены советским военным трибуналом и отбыли свои наказания. Впрочем это произошло не сразу. Первая такая партия отбыла на родину в 1952 году, хотя нужно заметить, что небольшие группы и отдельные японцы, побывавшие в тюрьмах и режимных лагерях, с 1948 года отправлялись в общей массе репатриантов.

В этом отношении 1951 год, можно сказать, был годом затишья в процессе репатриации. Здесь можно отметить два эпизода. Первый из них связан с девятью больными, оставшимися не ре-

патрированными в 1950 году по постановлению правительства в связи с их болезнью²¹⁴. Репатрировалось восемь человек, один еще оставался в лагере и находился на лечении. 21 июля 1951 года заместитель министра иностранных дел т. Громько сообщил в управление репатриации генералу Филатову о принятом «инстанцией» решении и 31 августа теплоход «Смольный» с излечившимися 8 репатриантами на борту отбыл в Японию. Там они были переданы капитаном парохода Бондаренко японским властям 5 сентября в Токийском порту. Военнопленных принял представитель японского демобилизационного бюро Маситани Сиран в присутствии представителя дипломатической секции штаба американских оккупационных войск Жавротского и майора Хьюберта. «Никаких претензий со стороны американских и японских властей предъявлено не было», — отмечалось в донесении об этом²¹⁵.

Второй эпизод произошел также «согласно решению инстанции». Содержавшийся в лагере МВД осужденный военнопленный, бывший ефрейтор японской армии Кикучи Норимичу по истечении срока наказания был направлен во Владивосток для последующей отправки его в Японию. В связи с тем, что пароходы и самолеты в Японию в это время года уже не ходили, Кикучи не мог быть отправлен домой до февраля 1952 года, а посему органы репатриации вынуждены были бы держать его на свободе и содержать в гостинице во Владивостоке, что было крайне нежелательно для них. На выручку им пришел случай — 20 декабря 1951 года с острова Сахалин в проливе Лаперуза по линии погранвойск предстояла передача группы японских рыбаков. Вместе с ними запланировали передать и военнопленного Кикучи Норимичу. Он 17 декабря в сопровождении офицера МВД был отправлен на пароходе «Трильон» из Владивостока на Сахалин и там сдан пограничникам.

Торжественный акт передачи военнопленного произошел в 14 часов 50 минут 22 декабря 1951 года — в проливе Лаперуза. Кикучи Норимичу ступил на палубу японского корабля. Своим, более чем шестилетним пребыванием в плену, он заслужил такие большие хлопоты по его репатриации²¹⁶. Всего в 1951 году было отправлено 1 571 человек²¹⁷.

Право, таких почестей в дальнейшем никому персонально не оказывалось. Освобожденные из тюрем и лагерей военнопленные и интернированные японцы оставлялись на временное место жительства с другой стороны забора, в местностях, где были расположены их тюрьмы и лагеря. Это доставляло множество неудобств местным властям и особенно «органам». Эти органы осуществляли надзор за жизнедеятельностью освобожденных. По мере роста их числа органы поднимали в правительстве вопрос о репатриации японцев на родину. Одно из таких пожеланий было одобрено 18 апреля 1952 года постановлением правительства № 1879-715 с. В соответствии его положениям разрешалась отправка 281 японца.²¹⁶

Из этого числа 267 человек оказались освобожденными из «мест заключения» и 14 военнопленных, числящихся за МВД СССР. Освобожденные в основном «проживали» в Красноярском крае и Казахской ССР. Обязанности по репатриации этой группы были распределены между тремя ведомствами помимо управления репатриации. МГБ СССР брало на себя «сбор и сопровождение всех лиц, подлежащих репатриации». Еще существовавшее на это время управление уполномоченного по делам репатриации выступало в качестве посредника и занималось «разрешением всех вопросов, связанных с материальным обеспечением».

Управление репатриации договорилось с министром внутренних дел т.Кругловым о принятии «на трое суток всех этих лиц в лагерь МВД г.Хабаровска для их общего сосредоточения, санитарной обработки, докипировки, окончательной проверки контингента и составления списков и организации отправки всех лиц в Находку». Ко времени их прибытия в Находку МИД СССР заказывал японской стороне корабли для репатриантов.

Как видно, репатриация последних лет доставляла особые трудности многим министерствам и свидетельствует о том, что ее механизм стал неэффективен. Исходя из этого, была предпринята судьба Управления Уполномоченного по делам репатриации при Совете Министров СССР — в 1953 году оно было упразднено. После этого дело репатриации было ввергнуто в стихию политики и всецело зависело от позиции правительства.

Постановление правительства № 2483-1026 с от 18 сентября 1953 года «О репатриации в Японию японских военнопленных и гражданских лиц» открывало дорогу домой еще нескольким мученикам. Они пережили смерть Сталина, своего главного обвинителя. После смерти Сталина политика советского правительства была изменена и резко ориентирована на достижение нормализации советско-японских отношений. Нерассматривая все аспекты этого процесса, обратим внимание на то, как он влиял на окончательное разрешение проблемы сибирского интернирования.

Справка

о количестве японских военнопленных и граждан,
репатрированных из СССР через органы репатриации
(по состоянию на 1.7.1952 г.)

За какой период времени	Военнопленные	Освобожденные	Всего
16.09.46 — 16.12.47	243 060	380 307	623 367
16.12.47 — 01.03.49	175 117	112 926	288 043
01.03.49 — 01.03.50	90 661	6 442	97 103
01.03.50 — 01.03.51	1 571	—	1 571
01.03.51 — 01.02.52	8	—	8
Итого:	510 417	499 675	1 010.092

Составлено по: ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 24, л. 282

В первую очередь надо отметить, что сразу после смерти Сталина Президиум ЦК КПСС принял решение о пересмотре дел японских военных преступников и освобождении тех из них, кто отбыл достаточный срок и тех, у кого основания для осуждения были в определенной мере сомнительны. По постановлению ЦК КПСС от 15 апреля 1953 года подлежало досрочному освобождению и репатриации в Японию 564 человека, среди которых находились 374 военнопленных. Следует отметить, что это решение было принято меньше, чем через месяц после смерти Сталина. Это свидетельствует не только об изменении политики советского руковод-

ства по отношению к японским военнопленным, но и об заинтересованности и движении в сторону урегулирования отношений между Москвой и Токио.

Об этом свидетельствует и принятый еще раньше Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 года. Однако, так как этот указ носит всеобщий характер и относится в первую очередь не к японским гражданам, то говорить, что он этим подчеркивает неправильную политику Сталина в отношении военнопленных и исправляет ее, все же нельзя. В соответствии с этим указом освобождению подлежали еще 261 человек, из которых 25 были военнопленными.

Помимо этого еще 484 японских гражданских лица и 22 военнопленных уже были освобождены до этого указа и ждали своей очереди репатриации «свободно» проживая в различных районах Советского Союза, при этом состоя на учете в отделе виз и регистрации Главного управления милиции МВД СССР. В ноябре 1951 года все указанные лица, за исключением пожелавших остаться в СССР, были репатрированы в Японию.

По данным МВД на март 1955 года в местах заключения содержались 1 423 человека, из которых 1 030 были военнопленными²¹⁹. В течение этого года, как и прежде, продолжали репатриировать отбывших свой срок японцев. Теперь этим занималось сугубо Министерство внутренних дел. В период с 1 января по 5 сентября 1955 года оно освободило и репатриировало 124 человека²²⁰.

В последние месяцы пребывания японских граждан в советских лагерях — с февраля по декабрь 1956 года — все малейшие изменения в условиях их содержания, пропагандистское обеспечение, этапы репатриации японцев на родину находились под строгим контролем ЦК КПСС. С поступающими письмами, предложениями и информацией по этому вопросу знакомились вкруговую и обсуждали их на заседании почти все члены Президиума и Секретариата ЦК. Документы свидетельствуют, что советская сторона не в меньшей степени была заинтересована в успешном завершении репатриации японских граждан, рассчитывая подвести черту под неурегулированной со времени окончания войны проблемой²²¹.

В ходе переговоров, предшествовавших подписанию советско-японской Декларации 1956 года, японская сторона заявила о необходимости до установления дипломатических отношений урегулировать вопрос об окончательной репатриации из СССР всех японских граждан без исключения. Советская сторона заявила, что передаст японским властям всех оставшихся японских военных преступников сразу после восстановления дипломатических отношений. Тогда же, советская сторона передала списки на 1 016 военнопленных и 357 гражданских лиц, содержащихся в лагерях МВД.

В октябре 1956 года в результате переговоров на высшем уровне в Москве была достигнута договоренность о нормализации отношений между СССР и Японией. Одна из статей Декларации 1956 года, помимо восстановления дипломатических отношений, предусматривала согласие Советского Союза освободить и репатриировать на родину всех японских граждан, осужденных Советским Союзом как военных преступников.

Подводя итог урегулированию этой проблемы после московских переговоров, Президиум ВС СССР 13 декабря 1956 года издал указ, в котором предусматривал: «В соответствии с прекращением состояния войны и установлением мирных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, а также руководствуясь принципом гуманности: 1. Освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан. 2. Разрешить всем освобожденным из мест заключения японским гражданам вернуться на родину»²²².

Помимо этого указа Президиум Верховного Совета СССР в течение 1956 года принял еще несколько указов. Один из них, принятый 25 февраля 1956 года, предусматривал репатриацию главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада Отодзо. Однако, тяжелая болезнь генерала в это время не позволила так поступить, и ЦК КПСС принял решение о его репатриации после выздоровления²²³.

12 июля 1956 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания 85 японских «военных преступников, осужденных судеб-

ными органами СССР». Этому указу предшествовало постановление Президиума (политбюро) ЦК КПСС, которое детализировало задание Верховному Совету. В обозначенной группе 9 человек освобождались «в связи с заболеванием неизлечимым недугом, 8 человек, имеющих возраст свыше 55 лет, 28 человек, образующих группу демократически настроенных лиц в лагере, и 40, осужденных за службу в японской армии или переводчиками в японских миссиях и отбывших за это достаточное наказание.

Декабрьское решение Президиума Верховного Совета СССР предусматривало репатриацию последних 1 040 человек японских граждан. Все они были репатрированы 23 декабря 1956 года. Лучшее всего этот заключительный акт всей репатриационной кампании японских военнопленных и гражданского населения описан в донесении МВД СССР в ЦК КПСС. Сухость, строгость и лаконичность этого документа как нельзя лучше передает дыхание этого времени. Он достоин того, чтобы привести его полностью.

«Министерство внутренних дел СССР докладывает, что в порту Находке 23 декабря с. г. с 16 по 18 часов местного времени была произведена передача представителям японских властей 1 025 человек японских подданных, освобожденных из мест заключения в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 года.

В числе переданных 20 генералов бывшей японской армии, один бывший действительный советник II ранга, начальник главного полицейского управления Манчжоу-Го, приравненный к генералу, 306 офицеров. Среди репатрируемых имелось 61 человек больных и инвалидов.

Из 1 040 человек, подлежащих репатриации японцев, один, отбывший срок наказания, был отправлен в Японию 2 декабря с. г. совместно с 22 японцами, отбывшими сроки наказания, о которых было доложено 23 ноября 1956 года.

Десять человек от выезда в Японию отказались в связи с тем, что у шести из них семьи проживают на территории Советского Союза, у троих — в Китайской Народной Республике и у одного — в Корейской Народно-Демократической Республике.

И изъявившие желание остаться в СССР, будут освобождены со сборного пункта и направлены к месту жительства их родственников. Этот вопрос согласован с органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и МИД СССР. В отношении лиц, семьи которых проживают в КНР и КНДР, вопрос о их репатриации будет решен через МИД СССР.

— Два человека задержаны в связи с тем, что они являются лицами без гражданства, и вопрос о них будет решен особо.

Из числа японских генералов, следовавших из Москвы, не доезжая 80 км до города Хабаровска, генерал-майор Каватого Сигесакэ, 1897 года рождения, бывший начальник штаба 5-й Квантунской армии, серьезно заболел. У него произошел инфаркт миокарда. Врачом, сопровождавшим японцев, ему в вагоне была оказана необходимая медицинская помощь; по прибытии в город Хабаровск больной был помещен в госпиталь, где за ним наблюдали местные врачи и один врач из числа репатрируемых японцев. Несмотря на принятые меры, Каватого 21 декабря умер и захоронен на кладбище в Хабаровске.

Перед отправкой японцев из Хабаровска в порт Находку репатрируемый Ямасиро Таро, 1910 года рождения, бывший чиновник полицейского пограничного отряда, находясь в вагоне, совершил покушение на самоубийство. Имея при себе отточенное полотно от ножа, Ямасиро вонзил его себе в грудь и в тяжелом состоянии был доставлен в Хабаровскую городскую больницу, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. По заключению врачей, рана, нанесенная им в область сердца, не является смертельной.

Предполагается, что причиной, толкнувшей Ямасиро на самоубийство, являлось то, что он ранее давал показания на следствии на других японцев и боялся ответственности за это перед японскими властями. По выздоровлении Ямасиро будет репатрирован в Японию.

Со всеми репатриантами перед отправкой на родину произведены полные денежные расчеты за работу в лагерях, выданы на руки все их личные вещи и ценности. Всем репатриантам перед

отправкой на родину выдано новое обмундирование и обувь по сезону. Каждому из них была предоставлена возможность приобрести по желанию промышленные и продовольственные товары.

Всего японцами было приобретено продовольственных и промышленных товаров на общую сумму 195 900 рублей, в том числе: вина, водки и пива на 56 тысяч рублей, ювелирных изделий на 12 тысяч рублей, 110 штук часов на 33 тысячи рублей, различной советской литературы на 65 тысяч рублей, сигарет и папирос на 21 тысячу рублей.

Репатрируемые японцы были освобождены от работ с 8 декабря, для них ежедневно демонстрировались кинофильмы и проводились другие культурно-массовые мероприятия. За этот период они двумя группами посетили кинотеатр в Хабаровске, всем составом выезжали в театр музкомедии, совершили экскурсию по городу и посетили кладбище в Хабаровске, где захоронены умершие японцы. 20 декабря японские генералы и офицеры от имени начальника гарнизона Хабаровска были приглашены на прощальный вечер в Хабаровский дом офицеров, где им был организован ужин и концерт. Встреча прошла в дружеской обстановке.

21 декабря репатрируемые двумя специальными эшелонами в классных вагонах были отправлены в порт Находку. В вагонах они были обеспечены комплектом постельных принадлежностей. На время следования им был выдан сухой паек на пять суток в хорошем ассортименте. На железнодорожных станциях по пути следования были приняты необходимые меры сохранения общественного порядка. Никаких инцидентов и недоразумений в пути не было.

Для приема и перевозки японских подданных в Японию 22 декабря в порт Находку прибыл японский пароход «Коан-Мару», на борту которого, кроме 139 человек команды, находились девять человек представителей японских властей, 2 представителя Красног-Креста и 25 корреспондентов японских газет и радио.

Вечером 22 декабря из числа команды парохода «Коан-Мару» и его пассажиров 117 человек, в том числе все корреспонденты, организованно посетили клуб рыбаков в порту Находке. Сопровождала их т. Савченко, председатель Исполкома СОКК и КП по

Приморскому краю. Никаких эксцессов при посещении клуба не было. 23 декабря группа корреспондентов посетила в г. Находке кладбище, где захоронены умершие японцы.

Во время прибытия поездов на территорию морского вокзала, а также в период выхода японцев из вагонов, в досмотровом зале вокзала, при выходе из вокзала и во время посадки репатриантов на пароход корреспонденты произвели массовое фотографирование, свободно общались с репатриантами.

Во время передачи японцев к репатриантам обратился с приветственным словом представитель МВД СССР подполковник Никаноров, который сказал, что успешно завершённые переговоры между советским и японским правительствами привели к нормализации японо-советских отношений и установлению дипломатических отношений, благодаря чему Советское правительство досрочно освободило японских граждан и предоставило им возможность возвратиться на родину к своим семьям. В заключение пожелал репатриантам счастливого пути и благополучного возвращения на родину.

С ответным словом от репатриантов выступил полный генерал Усирока Дзюн, который выразил признательность и благодарность Правительству Советского Союза за освобождение японцев и высказал надежду на дальнейшее укрепление дружественных отношений между СССР и Японией.

Передача репатриантов была произведена по именному списку. При передаче, как со стороны репатрируемых, так и со стороны принимавших их представителей Японии, никаких претензий не было. Акт о приеме репатриантов подписал начальник паспортного отдела МИД Японии Хиросе Тацую.

24 декабря в 13 часов 32 минуты по местному времени пароход «Коан-Мару», на борту которого находятся репатрианты, из порта Находки убыл в японский порт Майдзуру²²⁴.

Глава 3. К вопросу об оставшихся

Вопрос о том, чтобы остаться в СССР поднимался японскими военнопленными сразу же с началом репатриации в 1946 году. В те дни он не имел никаких политических оснований и это объясняется тем, что часть военнопленных была родом из Южного Сахалина, где проживали их семьи. Они выражали естественную просьбу отправить их на Южный Сахалин. Для органов репатриации выполнение таких просьб не представлялось возможным и они предлагали с тем, чтобы избежать лишние перевозки отправить военнопленных и их семьи в Японию, «где они будут иметь возможность встретиться»²²⁵.

В этот же период, а точнее с декабря 1946 года по апрель 1947 года поступали заявления японских солдат с просьбой оставить их на работах в Советском Союзе. Эти просьбы возникли после получения информации о тяжелом экономическом положении в Японии и большой безработице. Хотя советская сторона не могла разрешить остаться военнопленным, все же они извлекли из этого максимальную для себя пользу. В проводимой политической работе с военнопленными эти письма использовались «для внедрения в сознание японских солдат необходимости с их стороны активной и решительной борьбы за демократическое переустройство Японии»²²⁶.

В недрах органов репатриации искали ответы на вопросы, как и когда будет оформиться советское гражданство для японцев, пожелавших остаться в СССР. В первую очередь это касалось репатриантов с Южного Сахалина. Необходимо было найти ответы на следующие вопросы. Первый, конечно, могут ли они вообще здесь оставаться. После этого — могут ли они остаться на два—три года и можно ли им вызвать свои семьи из Японии.

Мнение органов репатриации в апреле 1947 года заключалось в том, что они должны уже сейчас подавать свои ходатайства в облисполком Сахалина для оформления дела в Верховном Совете

СССР. В этом случае подразумевалось, что подавшие заявления японцы не будут включаться в списки репатриантов, а будут продолжать работать по месту жительства на Южном Сахалине «с одинаковым материальным обеспечением, как и советские граждане, а не как интернированные иностранцы». Тех японцев, которые пожелали, видимо в виду трудностей жизни в Японии, задержаться на Южном Сахалине на два—три года, органы репатриации предусматривали отправить в Японию в последнюю очередь, в ноябре—декабре 1947 года. По плану самих органов репатриация японцев с Южного Сахалина в этом году должна была быть закончена. На более длительный срок их оставлять не было возможности в силу того, что и другие японцы захотят остаться и это может приобрести массовый характер и привести к срыву общего плана репатриации.

Японцам, которые проживали на Южном Сахалине без своих семей и выразили желание остаться в СССР, можно было разрешить вызвать свои семьи. «Демократическим элементам, особенно специалистам, можно предоставить право вывоза их семей из Японии при условии их желания принять советское гражданство; это политически выгодно», — подчеркивали органы репатриации²²⁷. Такую точку зрения не разделял Сахалинский облисполком, которому из-за послевоенных проблем обустройства области было не до эфемерных политических выгод. Это позволило органам репатриации осенью 1948 года обратиться в ЦК ВКП(б) с критикой деятельности облисполкома. Они писали: «вследствие недостаточной работы местных советских органов на Сахалине направление в наш лагерь репатриантов, как выяснено сейчас, происходит без предварительного опроса их о желании остаться на Сахалине. В результате этого имеют место случаи, когда по прибытии в лагерь японские граждане заявляют о своем нежелании ехать в Японию. Такой контингент нами направляется к месту прежнего жительства, о чем и ставится в известность Сахалинский облисполком». Положение таких возвращенных японцев было нелегким. Они потеряли работу и часто жилье, а принимать вновь на работу и освобождать их дома никто не спешил.

Что касается вопроса об оставлении на территории СССР военнопленных не изъявивших желание вернуться в Японию, то здесь органы были расторопнее. В первую очередь они обратились в МИД СССР и согласно его указаний направили все просьбы военнопленных в отдел виз и регистрации МВД СССР.

Несмотря на предпринятые усилия, вопрос о перемене гражданства не был сдвинут ни на шаг и превратился в проблему. Органы репатриации отмечали в конце 1948 года, что имеются такие японцы, которые уже год, а то и два тому назад подали заявления о приеме в советское гражданство, но не получили ни положительного, ни отрицательного ответа. Причем, это касается как военнопленных, так и японцев Южного Сахалина и Курильских островов.

На Сахалине ситуация «осложнилась» тем, что в постановлении правительства о репатриации японского гражданского населения говорилось о принципе ее добровольности. Это как раз и запугивало местных чиновников — у них на сей счет не было абсолютно никаких инструкций. Поэтому местные органы власти при получении плана репатриации отправляли всех японцев не считаясь с их желаниями. Более того, тех японцев, которые в категорической форме требовали оставить их на острове, срочно заменили на работе на русских рабочих, к ним относились с подозрением и переставали интересоваться их дальнейшей судьбой. В силу такого отношения к ним, многие японцы изменили свое решение и выехали в Японию. Добровольный принцип репатриации не был подкреплён практическими действиями советской стороны и не соблюдался. Это свидетельствует о незаинтересованности советских властей в постоянном присутствии японского населения на Сахалине. Власти не остановились ни перед какими экономическими потерями для Сахалина в результате проведения тотальной и повсеместной репатриации японцев с тем, чтобы создать условия проживания для русских за «железным занавесом».

Если реакция советской стороны на пожелания японцев об оставлении их в СССР в начале репатриации была однозначна — их пожелания не учитывались, то к концу репатриации ей при-

шло столкнуться с прямым отказом со стороны японцев от возвращения домой. Для советской стороны возникла необходимость в первую очередь пойти навстречу наиболее активным сторонникам демократического движения в лагерях военнопленных, которых в Японии ждали неприятности и преследования за их деятельность. С другой стороны и японцы, неожиданные от возвращения домой легкой жизни, сумели приспособиться к советской системе и свои просьбы о перемене гражданства подкрепляли восторженными отзывами о Советском Союзе и желанием построить мировую социалистическую систему. Это вызывало положительное отношение советских властей к ним. Конечно, эти клятвы были даны тому времени и обществу, в котором вынуждено жили японцы.

Как известно, наиболее заинтересованное ведомство в разрешении вопроса о гражданстве было Управление Уполномоченного по делам репатриации при Совете Министров СССР. Именно ему принадлежит инициатива в актуализации этой проблемы в правительстве. В январе 1949 года начальник Главного управления милиции (ГУМ) МВД СССР генерал Леонтьев писал в Управление репатриации, что заявления военнопленных, желающих принять советское гражданство и остаться на постоянное жительство в Советском Союзе им были направлены в Президиум ВС РСФСР; по решений по ним нет «и по всей вероятности в ближайшее время не будет»²²⁸. Милиция в этом вопросе не видела никакой своей роли и заинтересованности не проявила. Она отказалась выдать документы на жительство военнопленным до тех пор, пока правительством не будет принято специальное решение об оставлении их в СССР и о местах их расселения.

Управление репатриации не сдавалось и с началом репатриации в 1948 году обратилось вновь в МИД СССР и в ЦК ВКП(б). Генерал Голубев сообщил, что в соответствии с письмом члена коллегии МИД СССР т. Голунского (от 09.09.1948 года) все заявления японцев о перемене гражданства были направлены в ГУМ МВД СССР и 20.07.1949 года возвращены им, так как вопрос на Президиуме ВС РСФСР положительного разрешения не получил. «Ближайшее время» продлилось больше полугода, но стало очевидным,

что этот вопрос входит в компетенцию высших органов государственной власти СССР. Дабы подчеркнуть важность этого вопроса для советской стороны, т. Голубев писал, что «о пребывании указанного контингента в лагере репатриированные военнопленные японцы знали и, без сомнения, по прибытии в Японию об этом рассказали, тем более что некоторые военнопленные японцы из числа репатриированных уже в Японии называли тех, кто изъявил желание остаться в СССР изменниками родины». Не исключалась возможность, что при репатриации указанных военнопленных японцев, они по прибытии в Японию будут подвергнуты репрессиям со стороны японских и американских властей. Это обращение заставило МВД СССР поставить вопрос об оставлении в СССР и принятии советского гражданства японцами перед Советом Министров Союза ССР. Но и в ноябре, когда в соответствии с постановлением правительства № 2326-905 с от 10.06.1949 года репатриация военнопленных японцев должна была быть закончена, окончательного решения все еще не было. К тому же т.Промыко сообщил, что эта проблема МИД СССР не касается и он считает целесообразным, чтобы этот вопрос был урегулирован Управлением Уполномоченного Совета Министров по делам репатриации совместно с Министерством Внутренних Дел СССР, поскольку последнее вынесло эту проблему на решение Совета Министров.

После этого ответа Управление репатриации пришло в отчаяние и обратилось к человеку номер два в СССР — т. Берия с просьбой о содействии в разрешении проблемы о гражданстве. Подобное обращение последовало и к не менее влиятельному члену советского руководства т. Молотову. С Молотовым начальник Управления репатриации т. Голиков был откровеннее и подробно, хотя и в сжатой форме, изложил положение дел в данной области на 29 декабря 1949 года. Он отметил, что уже почти около года военнопленные японцы, пожелавшие остаться в СССР и изменить гражданство, находятся в лагере, где их многие выехавшие военнопленные знают как невозвращенцев. Вопрос об отправке или оставлении этого контингента не решен. Учитывая, что из этой группы органы МГБ арестовали несколько человек, видимо за их «лест-

ные» высказывания в адрес советской бюрократии, генерал Голиков «считал необходимым всех их отправить в Японию в январе месяце 1950 года вместе с последней группой японских военнопленных в количестве 3 500 человек». *

По мнению т. Голикова, такое радикальное заострение проблемы должно было привести к какому-либо результату. Техническое оформление просьб и механизм их рассмотрения были не сложны. Сложность представляло в то время то, что никто не мог принять положительного решения без политической воли высшего руководства страны. Впрочем, те из японцев, которые были нужны и полезны советской стороне и без нее оставались и устраивались на работу, как это произошло с Судэ Иносукэ, которого забрали с Сахалина в Москву для работы во Всесоюзном радиокомитете.

К декабрю 1949 года, ровно через три года после начала репатриации и более чем четырехлетнего пребывания в плену, переменить японское гражданство на советское пожелали 1 869 человек. В это число входят и 469 японских граждан Южного Сахалина. Хотя пожелавших изменить гражданство примерно 0,2 процента к общему числу репатрируемых в Японию военнопленных и гражданских лиц, все же это говорит в пользу того, что у них были веские причины для такого шага. Тем более, что сами японцы считали предателями и трусами тех, кто так поступал.

Из множества прошений можно выделить массу причин и мотивов, побудивших японских военнопленных переменить гражданство. Многие прошения похожи друг на друга как две капли воды и написаны в один и тот же день и час. Видимо, не без помощи советских офицеров. Есть среди них и сугубо личные, естественные мотивы. Исследовав эти заявления, прошения, автобиографии и характеристики можно определить две группы причин, которые заставляли военнопленных и жителей Южного Сахалина переменить гражданство и остаться в Советском Союзе — политические и социальные. При этом все они окрашены идеологическими мотивами, диктуемыми самой обстановкой пребывания в плену или в лагере репатриации и проведением с военнопленными политической работы. Нельзя сказать, что одна из причин преоб-

ладает. Удивительное их равновесие говорит о их взаимосвязи и влиянии друг на друга.

Так 40,7% всех заявлений имеют причиной участие в демократическом движении военнопленных. В то же время такой же процент заявлений имеют причиной тяжелое положение семьи, отсутствие семьи или родителей, или вообще родных; отсутствие информации о положении семьи, оставшейся в Маньчжурии, и как следствие всего этого — отсутствие каких-либо перспектив обустройства в Японии.

Множество заявлений мотивированы идеологической пропагандой и являются ее результатом: некоторым понравилась социалистическая система — «СССР страна трудящихся», или «хочу жить в СССР, здесь хорошо и хорошие люди», другие нашли государственное устройство СССР лучшим, чем в Японии и США. Третьи решили упорным трудом в СССР укрепить мировое демократическое движение и тем самым приблизить революцию в Японии.

Почти у 10% заявителей трудно определить причину, побудившую их принять такое решение — сплошная риторика и неясные мотивы. Все же большую часть военнопленных беспокоили тяжелые условия жизни в Японии и бедность (17%), наличие большой семьи и нежелание становиться ей дополнительным ртом и тем самым ослабить ее трудности.

В этом ограниченном историей камне запечатлены стороны, которые раскрывают побудительную силу принятого решения и главной будет та, на которую будет обращено внимание. Но вещество этого драгоценного исторического камня состоит из одного — из жизни в плену. Все это маленькое явление из большой истории плена и жизни японцев в СССР, и в большой степени оно является результатом советской политической пропаганды, несмотря на его многогранность. Для многих это решение обернулось ошибкой. Особенно после того, как у них появилась возможность после десятилетий прожитой в Советском Союзе жизни побывать туристом или в качестве гостя на родине. Для них было ударом увидеть уютную, богатую и заботливую свою родину — Японию при этом обжечь себя, свою память воспоминанием о своей жизни в СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сибирского интернирования японской армии, как это принято называть в Японии, или проблема плена, как это называли в СССР, является составной частью истории отношений этих двух государств. Исторически сложилось так, что эти две страны почти никогда не были партнерами и выступали противоположными сторонами в отстаивании своих интересов в дальневосточном регионе. Упорядочить эти интересы весьма непросто. Всегда когда это будет происходить, тень прошлого и в особенности тень сибирского интернирования будет при утешивать при этом.

История плена неразрывно связана с историей состоявшейся в августе 1945 года советско-японской войны и является прямым ее следствием. О самой войне сказано хотя и не так уж много, но предельно откровенно. Раскрыты оперативные планы сторон, ход боевых действий, порядок прекращения войны и сдачи оружия и многое другое. В то же время, насколько предельно говорили о самой войне, настолько предельно молчали о судьбе японских солдат и офицеров.

Плен для них был неизбежен. Решение Сталина об их использовании на работах в пределах СССР было продиктовано отнюдь не мстостью за действия Японии против России в историческом прошлом, а объективной необходимостью. Его решение соответствовало реалиям тех лет и находило понимание в советском обществе. В то же время трудно объяснить весьма длительное — 1945 — 1956 годы — содержание японских военнослужащих в плену. Среди причин можно найти как военнополитические, экономические, так и идеологические факторы.

В условиях «холодной войны» и растущего противостояния с США советское руководство хотело избежать гипотетическую возможность использования кадровых японских военнослужащих в

потенциальной войне между бывшими союзниками или в случае американской агрессии в Северную Корею или Китай. Главной целью ввоза Советским Союзом японских военнопленных на свою территорию было то, что их предполагалось использовать в качестве рабочей силы, которая должна была восполнить нехватку рабочих рук, порожденную потерями в войне и сокращением численности заключенных в системе ГУЛАГа, для восстановления подорванной войной экономики. Подразумевалось также, что труд японских военнопленных должен был в какой-то мере компенсировать ущерб, нанесенный Японией СССР за годы советской власти. К тому же Советский Союз отказался от выдвижения Японии требований выплаты репараций, учитывая тяжелое положение, в котором она оказалась после войны.

Суть идеологического фактора определяется проведением политики советизации. По взглядам советского руководства, обработанные в течение нескольких лет в политическом и психологическом плане военнопленные были призваны стать пропагандистами советского строя в Японии и составить костяк левых сил. Наибольший успех дальневосточная политика СССР получила в странах, где с помощью советского военного влияния удалось установить лояльные правительства. В определенной степени это относится к таким странам как Китай и Северная Корея. Таким образом, можно сказать, что военнополитические цели войны, которые ставил перед собой Советский Союз были, достигнуты. В отношении Японии советская политика реализовалась не в полном объеме. Уничтожение военной группировки японских войск в Маньчжурии все же не открыло дорогу СССР на Японские острова. Этим можно объяснить политику советизации японских солдат, пребывавших в советском плену. Подразумевалось, что созданием слоя просоветски настроенных японских граждан можно будет влиять на общественное мнение и в конечном итоге на политику японского правительства.

Проблема плена многогранна и не раз была предметом межгосударственных переговоров. В основном на них рассматривались вопросы о передаче полного списка умерших в плену, разре-

шения их родственникам и бывшим пленным посещать захоронения и перевозить останки японских солдат и офицеров на родину, а также проблема выплаты компенсаций за пребывание в плену.

Наибольшую остроту приобрел вопрос о количестве погибших за время плена японских граждан. Советская сторона не стремилась к откровенности в этом вопросе и долгое время манипулировала цифрами, удовлетворяя нужды своей дипломатии. Непосредственно в ходе репатриации японских граждан в Японию ими делались попытки передать информацию о погибших их родственникам. В то время это сделать было весьма трудно. Любые попытки вывезти, передать или получить информацию об умерших в плену солдатах и офицерах японской армии пресекались советской стороной. Стремление скрыть подлинные данные на умерших было очевидным. Только в пору, когда Советскому Союзу необходимо было улучшение советско-японских отношений, стены секретности несколько сползали. Таких периодов было не так уж много.

Первый из них относится к 1956 году, когда СССР стремился к подписанию с Японией какого-либо соглашения об окончании войны. По требованию японской стороны в это время СССР представлял списки на 3 000 умерших. Однако, вскоре после того как Япония подписала с США договор о безопасности, сезон откровений закончился. Названная цифра безусловно неточна. По всей вероятности, советская сторона не желала раскрывать в полном объеме информацию по этой проблеме и скрывала истинные масштабы потерь в лагерях для японских военнопленных.

В межсезонье, до эры Горбачева, в целом весь вопрос сибирского интернирования был погружен во мрак секретности и стал в тень другой проблемы — территориальной. В эпоху правления Горбачева, в первый в истории советско-японских отношений визит главы советского государства в Японию, проблема сибирского интернирования вышла на первое место, затаив с собою проблему территориальную. Чего и добивалась советская дипломатия.

В ходе подготовки этого визита неизбежно возник вопрос о том, сколько, какое число умерших было в советском плену. В от-

крытой печати началась полемика на эту тему, которая закончилась официальным сообщением о том, что в советском плену умерло более 60 тысяч человек, точнее сказать, 62068 японских солдат и офицеров. Назвав эту, вполне правдивую цифру, и выразив сочувствие японцам, Горбачев тем самым снял морально-этическую окраску этой проблемы и ее политическую подоплеку. По словам самих бывших военнопленных, осталась нерешенной материальная сторона этого дела — они, как и прежде, не получили компенсации за пребывание в плену.

После визита Горбачева на этой проблеме была поставлена точка, и правительства двух стран условились обмениваться всей информацией по проблеме сибирского интернирования по правительственным каналам. В ходе визита Президента России Ельцина в 1993 году в Японию тема умерших в плену не обсуждалась, и приведенная ранее цифра не подвергалась критическому анализу. Ельцину не было никакого смысла ворошить прошлое, так как дело считалось урегулированным и закрытым. Сразу после визита Ельцина, как гром среди ясного неба прозвучало предположение о том, что число умерших в плену может быть больше чем признается официально. * 231 - *как сейчас обстоит дело*

В первую очередь речь идет о ранее неиспользованных данных. Это касается как числа взятых в плен, так и числа репатрированных, исходя из которых, можно говорить о количестве погибших в плену. Если цифра об умерших находилась всегда под замком, то цифра взятых в плен никогда не скрывалась, однако, никогда не уточнялась. По данным штаба начальника тыла Красной Армии на 29 декабря 1945 года в войсках на Дальнем Востоке было учтено 656 871 японских солдат и офицеров. * 232

Что касается числа репатрированных Советским Союзом военнопленных, то здесь многое ясно. Хотя можно отметить, что подход МВД СССР в этом вопросе несколько своеобразен: началом репатриации это ведомство в некоторых случаях считало освобождение военнопленных на фронтах. Если Управление Совета Министров СССР по делам репатриации приводит цифру в 510 417 человек, то МВД — 577 567 человек. Надо заметить, что Управле-

ние заявило эти данные за год до своей ликвидации в 1953 году и после завершения репатриации, в то время как МВД определило такой свой подход в 1956 году, в преддверии советско-японских переговоров и конъюнктурность этой цифры понятна. В действительности с начала репатриации в 1946 году Советский Союз покинуло 514 591 японских солдат и офицеров.

Важную роль в определении числа погибших в плену японских военнопленных играют данные, которые показывают, сколько их было завезено в лагеря на территории СССР и сколько их там осталось к началу репатриации, то есть к декабрю 1946 года. Штаб начальника тыла приводит цифру в 539 335 человек по состоянию на 15 февраля 1946 года. По сведениям МВД СССР на декабрь 1946 года в лагерях насчитывалось 412 091 военнопленный. В отдельных рабочих батальонах Вооруженных Сил СССР и в войсках содержалось на 1 октября 1946 года 69 804 пленных.

По решению правительства СССР весной—летом 1946 года была проведена замена 28 277 оказавшимся нетрудоспособными и больными японских военнопленных, которые находились в лагерях на территории СССР на 22 000 трудоспособных пленных, содержавшихся в лагерях на территории Северной Кореи. Следовательно, число завезенных в СССР считалось до 533 458 военнопленных.

Таким образом, получается, что за первый год плена в советских лагерях погибло 51 263 человека. Эта цифра не будет казаться столь фантастичной если сказать, что за этот период в лагерях МВД умерло 30 125 человек и в отдельных рабочих батальонах и войсках только Приморского военного округа 15 781 человек.

Настроение японских солдат в этот период выражено словами военнопленного Табуе Набору из 518 ОРБ, говорившего накануне зимы 1946/47 годов: «Наши солдаты боятся зимы и только по этой единственной причине некоторые из них стовариваются бежать. Я слышал, как три солдата говорили между собой о побеге, фамилий их не знаю. Они говорили: зимой мы все равно умрем, лучше бежим». Побег часто заканчивались трагично. Особенно в первые годы плена, когда отношение к военнопленным было, мягко

говоря, недружественным. С бежавшими особенно не церемонились и те из пленных, кто совершал побег подвергались риску быть убитыми при задержании, как случилось с Сакума Эйдзи и многими другими пленными.

В то же время нужно учесть, что лагеря для военнопленных в начальный период находились не только на территории СССР, но и на контролируемых Советским Союзом территориях Маньчжурии, Северной Кореи и Ляодунского полуострова. В 1945 году на этих территориях во фронтах умерло 22 331 человек.

К сентябрю 1946 года в Северной Корее насчитывалось 31 584 человек и на Ляодунском полуострове 12 553 человек. С этих территорий к маю 1947 года были репатрированы все военнопленные. Их было 22 403 в Северной Корее и 12 456 на Ляодунском полуострове. Можно считать, что 9 052 человека умерли в лагерях на этих территориях в период 1946 года и по апрель 1947 года. Однако установить точную цифру погибших здесь военнопленных затруднительно, так как по мере восстановления их трудоспособности решением военного командования Приморского военного округа пленных вновь ввозили в СССР для работ в военных округах и лагерях МВД. Вместе с тем, в 1945—46 годах китайским властям по данным Приморского и Забайкало-Амурского военных округов было передано 43 230 военнопленных. По другим данным было передано и освобождено 40 369 японцев, а всего с другими национальностями 65 245 человек.

Сопоставив приведенные данные, можно установить, что во время плена в советских лагерях погибло 92 153 человека. На территории Советского Союза умерло 60 770 человек и на территориях контролировавшихся СССР умерло 31 383 человека.

По многим причинам установить точную цифру до последнего умершего не представляется возможным. В первую очередь потому, что в начальный период плена учет прибывавших пленных велся из рук вон плохо. Их могли учитывать как по списку, так и по количеству. В последнем случае не представляло труда это количество исправить. Достаточно сказать, что система учета пленных МВД СССР, отличавшаяся четкостью, в данном случае была

296
В цифре 92 053 еще не учтены в МВД Забайкаль
районную часть 1454 и 26. Всего 93191 человек —
исключены в книгу.

В МНР записано 1617 чел. (убитым 12 318, ранил. 20 564) — (Генерал, № 9826, отч. № 1529, 509)

нормализована лишь к 1947 году. Не секрет, что начальники лагерей во многих случаях скрывали уровень смертности в их лагерях и искажали учетные данные, боясь ответственности за плохое содержание военнопленных. Более несовершенная система учета пленных была в отдельных рабочих батальонах МВС СССР. Здесь поступали в соответствии с армейской логикой и прямотой — умерших заменяли новыми пленными, которых завозили из лагерей, расположенных вне территории СССР. Конечно же, эти замены никак не отражались в статистике. И все же, названные 92 153 человека, погибших в плену, приближают нас к истине. Так можно утверждать имея документальные подтверждения на 77 751 человека умершего в плену.

Войны кончаются миром. Из-за того, что все в Советском Союзе рассматривалось с точки зрения политической целесообразности и было подчинено этому, на урегулирование всех вопросов, связанных с проблемой сибирского интернирования, понадобилось почти полвека. Президент СССР М. Горбачев передал списки умерших. Президент Б. Ельцин предоставил возможность японским гражданам, побывавшим в плену, а также родственникам умерших посещать места бывших лагерей и места захоронений. По межправительственному российско-японскому соглашению силами и на средства Японии разрешено разыскивать и вывозить на родину останки умерших в плену японских солдат и офицеров. 24 января 1992 года правительственные органы Российской Федерации передали первые 100 справок о труде военнопленных в советских лагерях. Словом, созданы все предпосылки для окончательного разрешения проблемы плена и открыта дорога к миру.

≠ + Сама цифра 92153 в нас во многом неясна и требует весьма серьезных исследований ее точности. Т. е. вполне сам Яп. могут не знать лагеря в р. в М. (08-08.45),
фигурные могут быть уже не считались
от зафиксированной цифрой в том
время фигурные могут измениться в место
пределах без вести, убитых немцами
исследования, что не было в плену в плену.
Результат с точки зрения Яп. может быть другим

Источники

- ¹ АВПР, ф. 06, оп. 7, д. 898, п. 55, л. 1
- ² РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 422, л. 136—146
- ³ Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия не прямых действий. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957, с. 463
- ⁴ Визотченко Л. П. Победа на Дальнем Востоке. — М.: Воениздат, 1971, с. 67
- ⁵ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Воениздат, 1962, т. 3, с. 383
- ⁶ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 194, л. 13—14 — боевой приказ № 0012/оп. Штаб Тихоокеанского флота, 13.00 ч., 19.08.45 г.; ВФКП "Скала"
- ⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 692, л. 347
- ⁸ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106765сс, д. 24, л. 271
- ⁹ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 397, л. 201
- ¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 230, л. 6
- ¹¹ ЦАМО РФ, ф. 66, оп. 3191, д. 9, л. 142
- ¹² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 692, л. 347
- ¹³ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 3, л. 49
- ¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 66, оп. 3191, д. 23, л. 12
- ¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 397, л. 212
- ¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 6304, л. 153—154
- ¹⁷ Такусиро Хаггори. Япония в войне 1941—1945 гг. — М.: Воениздат, 1973, с. 579
- ¹⁸ Л. Бруж. За кулисами японской камигуэции. — М.: Воениздат, 1971, с. 310
- ¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12028, д. 31, л. 311
- ²⁰ имеются ввиду два вымпела, сброшенные японцами в районе разъезда Лишний, а также заявления по радио командующего Каматунской армией генерала Отодзо Ямада о камигуэции.
- ²¹ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 126, л. 126
- ²² ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 126, л. 138
- ²³ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 413, карта
- ²⁴ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 126, л. 128
- ²⁵ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 126, л. 136 — приказ 00104 от 18.08.45 г., подписан в 14 часов 50 минут
- ²⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 683, л. 332
- ²⁷ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 397, л. 213
- ²⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 230, л. 19
- ²⁹ ЦАМО РФ, ф. 66, оп. 3191, д. 9, л. 141
- ³⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106765сс, д. 24, л. 300
- ³¹ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3214, д. 3, л. 1
- ³² ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 48, л. 24
- ³³ Известия, 12 мая 1992 г., № 110
- ³⁴ РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 458, л. 58
- ³⁵ ЦАМО РФ, ф. 234, оп. 3213, д. 4, л. 153

³⁶ К. Палицелский. Иван Грозный. — М.: Типография "Общественная польза". 1912, с. 32

³⁷ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 3, л. 7 (по состоянию на 1 марта 1946 года).

³⁸ Директива ГлавПУР РККА № 052 от 23. 06. 1941 года.

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 3, л. 5

⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 38, л. 22; или ф. 67, оп. 12028, д. 31, л. 15а

⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12028, д. 31, л. 23

⁴² ЦАМО РФ, ф. 66, оп. 3191, д. 9, л. 194—196

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 12011, д. 38, л. 20

⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 112, л. 14

⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106775с, д. 9, л. 140

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 683, л. 179

⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 304, л. 130

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 304, л. 136

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 683, л. 285

⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 683, л. 288

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 125, оп. 782944с, д. 1, л. 133

⁵² ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 192, л. 83

⁵³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 3

⁵⁴ В. Палицкий. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал, 1991, № 4, л. 70

⁵⁵ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 214, л. 100

⁵⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 456, л. 15

⁵⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 42

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 39

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 117, л. 71

⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 385, л. 542

⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 43

⁶² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 307, л. 115

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 385, л. 216

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 46

⁶⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 47

⁶⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 47

⁶⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 53

⁶⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 385, л. 251

⁶⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 385, л. 224

⁷⁰ Жданов. Доклад о международном положении.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 485, л. 205

⁷² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 485, л. 226

⁷³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 1

⁷⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 3

⁷⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 4

⁷⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 5

⁷⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 8

⁷⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 9, л. 55

⁷⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 9, л. л. 55, 55об

- ⁸⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 6, л. 182
- ⁸¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 2, л. 1
- ⁸² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 1417, л. 51
- ⁸³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 30, л. 356
- ⁸⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 485, л. 205
- ⁸⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 30, л. 354
- ⁸⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 152
- ⁸⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 259
- ⁸⁸ ЦАМО РФ, ф. 124, оп. 1174631, д. 1, л. 94
- ⁸⁹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 215, л. 107
- ⁹⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429082с, д. 22, л. 491
- ⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106775сс, д. 9, л. 406
- ⁹² ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 23, л. 188
- ⁹³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 307, л. 257
- ⁹⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 478, л. 77
- ⁹⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 148, л. 276
- ⁹⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 140, л. 127
- ⁹⁷ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 192, л. 20
- ⁹⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 232, л. 290
- ⁹⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 546, л. 326
- ¹⁰⁰ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 215, л. 276б
- ¹⁰¹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 258, л. 99
- ¹⁰² ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 258, л. 168
- ¹⁰³ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429090с, д. 18, л. 158 и ф. 32, оп. 11542, д. 478, л. 77
- ¹⁰⁴ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 102813сс, д. 26, л. 454
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 32608сс, д. 354, л. 263
- ¹⁰⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 130, л. 168 — директива полгототдела ГУТІВН
- ¹⁰⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 62
- ¹⁰⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 385, л. 545
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 149, л. 160
- ¹¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106775сс, д. 10, л. 386
- ¹¹¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 67
- ¹¹² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 70
- ¹¹³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 71
- ¹¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 23, л. 116
- ¹¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 23, л. 117
- ¹¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 149, л. 207
- ¹¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 69
- ¹¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 547
- ¹¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 310, л. 158
- ¹²⁰ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 307, л. 201
- ¹²¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 275
- ¹²² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 309
- ¹²³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 318
- ¹²⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 319
- ¹²⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 332

- ¹³⁶ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 23, л. 188
- ¹³⁷ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106770сс, д. 32, л. 277
- ¹³⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 486, л. 327
- ¹³⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 486, л. 333
- ¹⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 22, л. 396об
- ¹⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106770сс, д. 32, л. 144
- ¹⁴² ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 22, л. 395
- ¹⁴³ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 22, л. 5
- ¹⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 29
- ¹⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 562, л. 42
- ¹⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 457, л. 301
- ¹⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 485, л. 210
- ¹⁴⁸ 29 военнопленных из 6-го лагерного отделения 23-го лагеря МВД посчитавших себя коммунистами, в декабре 1946 года составили письменную клятву, в которой говорилось: "Мы обязуемся свернуть в Японии Императора...". Клятву они скрепили своей кровью. — ЦАМЦ РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 231, л. 86
- ¹⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 71, л. 53
- ¹⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 21, л. 103, л. 123 — директива начальника политического управления Приверского военного округа № 11/02508 от 17. 08. 1949 года
- ¹⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 457, л. 306
- ¹⁵² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 457, л. 297
- ¹⁵³ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 457, л. 74
- ¹⁵⁴ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 102813, д. 26, л. 338
- ¹⁵⁵ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 485, л. 394
- ¹⁵⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11542, д. 457, л. 298
- ¹⁵⁷ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 429094с, д. 21, л. 103, л. 102
- ¹⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 102813сс, д. 26, л. 454
- ¹⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 102813сс, д. 26, л. 472
- ¹⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 102813сс, д. 26, л. 373
- ¹⁶¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 12
- ¹⁶² ГАРФ, ф. 9526, оп. 9, д. 75, л. 2
- ¹⁶³ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 124
- ¹⁶⁴ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 307
- ¹⁶⁵ Постановление СНК СССР от 13. 10. 1945 г., № 14949 рс
- ¹⁶⁶ Постановление СНК СССР от 02. 02. 1946 г., № 263
- ¹⁶⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 262
- ¹⁶⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 7, л. 228
- ¹⁶⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 54, л. 27
- ¹⁷⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 128
- ¹⁷¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 144
- ¹⁷² ГАРФ, ф. 9401с, оп. 1а, д. 201, л. 202
- ¹⁷³ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 6, л. 99
- ¹⁷⁴ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 298
- ¹⁷⁵ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 52, л. 302
- ¹⁷⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 170
- ¹⁷⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 125

- ¹⁶⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 140
- ¹⁶⁹ 12 825 военнопленных было репатрировано с территории СССР до 20. 02. 1947 года
- ¹⁷⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 173
- ¹⁷¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 174
- ¹⁷² ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 293
- ¹⁷³ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 222, л. 85 — приказ МВД СССР № 00314 от 19. 03. 47 г.
- ¹⁷⁴ приказом МВД СССР 30. 09. 47 г. № 00104 разрешалась репатриация офицеров в звании от майора и выше
- ¹⁷⁵ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 54, л. 383
- ¹⁷⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 54, л. 383 — телеграмма Голникова Кисленко в Токио.
- ¹⁷⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 45 д. 34, л. 175—176
- ¹⁷⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 54, л. 414—415
- ¹⁷⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 3, д. 75, л. 33
- ¹⁸⁰ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106775сс, д. 5, л. 109
- ¹⁸¹ ЦАМО РФ, ф. 142, оп. 106775сс, д. 5, л. 28
- ¹⁸² ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 125
- ¹⁸³ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 434
- ¹⁸⁴ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 52, л. 388, 394
- ¹⁸⁵ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 61, л. 96
- ¹⁸⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 86
- ¹⁸⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 53, л. 136
- ¹⁸⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 54, л. 7
- ¹⁸⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 34, л. 180
- ¹⁹⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 98 — приказ № 01 от 29. 01. 1948 г. начальника отдела репатриации Приморского военного округа.
- ¹⁹¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 99
- ¹⁹² ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 171
- ¹⁹³ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 262, л. 42
- ¹⁹⁴ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 53, л. 291
- ¹⁹⁵ постановление Совета Министров СССР № 2715 от 21 июля 1948 года.
- ¹⁹⁶ постановление Совета Министров СССР № 2720 от 21 июля 1948 года.
- ¹⁹⁷ постановление Совета Министров СССР N 3324 от 03 сентября 1948 года.
- ¹⁹⁸ постановление Совета Министров СССР N 4773—1870сс от 23 декабря 1948 года.
- ¹⁹⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 55, л. 145
- ²⁰⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 178
- ²⁰¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 53, л. 11, 54
- ²⁰² ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 61, л. 56
- ²⁰³ газета "Правда" от 20 мая 1949 года.
- ²⁰⁴ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 301, л. 133 — приказ МВД СССР N 00585 от 15. 06. 49 г.
- ²⁰⁵ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 333, л. 13

- ²⁰⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 57, л. 57, 61, 123
- ²⁰⁷ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 333, л. 13
- ²⁰⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 61, л. 151
- ²⁰⁹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 307, л. 168
- ²¹⁰ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 340, л. 186
- ²¹¹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 12, д. 340, л. 191
- ²¹² ГАРФ, ф. 9526, оп. 7, д. 51, л. 85
- ²¹³ ГАРФ, ф. 9526, оп. 8, д. 49, л. 74
- ²¹⁴ постановление Совета Министров СССР N 1109—397сс от 17.03.1950 г.
- ²¹⁵ ГАРФ, ф. 9526, оп. 8, д. 50, л. 117, 123, 128
- ²¹⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 8, д. 50, л. 186, 266
- ²¹⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 24, л. 282
- ²¹⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 9, д. 1, л. 234
- ²¹⁹ ЦХСД, ф. 4, оп. 12, д. 78, л. 131 — записка в ЦК КПСС от 29.03.1955 г.
- ²²⁰ ЦХСД, ф. 5, оп. 47, д. 76, л. 41—44
- ²²¹ А. М. Петров. Последние пленники Второй Мировой Войны // Исторический архив, 1993, N 1, с. 68
- ²²² Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. — М., 1968, т. 2, с. 632
- ²²³ ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 176, л. 27—28
- ²²⁴ ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 176, л. 219—222 — Информация МВД СССР в ЦК КПСС о передаче репатриантов представителям японских властей от 24 декабря 1956 года.
- ²²⁵ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 144
- ²²⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 51, л. 397
- ²²⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 52, л. 44
- ²²⁸ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 60, л. 24
- ²²⁹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 61, л. 364, 65
- ²³⁰ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 61, л. 152
- ²³¹ см.: Far eastern economic review, 11, 11, 1993 г., л. 14
- ²³² ЦАМО РФ, ф. 67, оп. 32174сс, д. 218, л. 207

Литература

1. Агафонов С. Майор Карлов ставит в трудное положение правительство России и Японии // Известия, № 216, 11.11.1993.
2. Вагров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. — М.: Воениздат, 1959.
3. Бандура Н. Трудные университеты Тонги Тиносава // Суворовский натиск, 9, 5, 1991.
4. Бандура Н. Японцы и мы // Суворовский натиск, 15, 25, 26.12.1990.
5. Благодарственное письмо Генералиссимусу Советского Союза И. В. Сталину от военнопленных японцев. — Хабаровск, Нихон Симбун, 1949, 34 с.
6. Богач В., Иванов Н. Японцы в советском плену: реальность и вымыслы // Пилотеза, № 2, 1991.
7. Бондаренко Е. Плен был не очень жестоким // Красное Знамя, 15.01.1991.
8. Бондаренко Е. Советский плен // Красное Знамя, 16.03.1991.
9. Бондаренко О. Неизвестные Курилы. — М.: ВТИ Деят — Пресс, — 399 с.
10. Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. — М.: Воениздат, 1971. — 336 с.
11. Бурбыга Н., Руднев В. Японцы в СССР не вторгались, но в русском плену были // Известия, № 107, 7.5.1992.
12. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. — М.: Политиздат, 1990. — 363 с.
13. Виноченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. — М.: Воениздат, 1971. — 392 с.
14. Гриф секретности снят: Потери ВС СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. — М.: Воениздат, 1993. — 415 с.
15. Тришин М. И. Военные сообщения в кампании советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке (9 августа — 2 сентября 1945г.). — М.: Воениздат, 1960. — 104 с.
16. Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. — М.: Политиздат, 1988. — 479 с.
17. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступлениями и поджигателями войны. — М.: РИО ВНОА ВС СССР, 1949. — 379 с.
18. Есеевко Н. Японцы на Удэе // Тихоокеанская звезда, 23.5.1991.
19. Исаков К., Галицкий В. Обретут ли покой усопшие? // Новое время, № 41, 1990.
20. Иераллян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — М.: Издательство Института международных отношений, 1959. — 367 с.
21. История Второй Мировой войны 1939—1945 в 12-ти томах, том 11. — М.: Воениздат, 1980. — 494 с.

22. Карпов В. Битва, яка не завершилася збором (на українському мові) // Народна армія, 18.22.8.1995.
23. Карпов В. Искуплением чужих грехов закончился для 500 000 японских солдат разгром Квантунской армии // Красная звезда, 2.9.1995.
24. Карпов В., Барковский А. Сибирь восходящего солнца // Сын Отечества, № 35, 1993.
25. Карпов В., Ларченко В. Последний поход Квантунской армии // Пшотеза, № 9—10, 1993.
26. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. — 136 с.
27. Кириченко А. 210 тысяч японцев ждут нашей помощи // Новое время, № 41, 1990.
28. Кириченко А. Сколько еще забытых могил... // Новое время, № 40, 1989.
29. Кошкин А. А. Крах стратегии "спелой хурмы": военная политика Японии в отношении СССР, 1931 — 1945 гг. — М.: Мысль, 1989. — 271 с.
30. Крутиков А. Великая Отечественная война Советского Союза. — М.: Воениздат МВС СССР, 1947. — 208 с.
31. Кузнецов Я. И. Разгром Квантунской армии Японии в 1945 году. — Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1960. — 36 с.
32. Ларченко В. Время собирать камни. Еще раз к вопросу о японских военнопленных // Пшотеза, № 4, 1991.
33. Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — 534 с.
34. Лютов Н. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников: по опыту первой и второй мировых войн. — М.: Наука, 1988. — 248 с.
35. Мельников П. И. В Маньчжурском походе. — Магадан, 1958.
36. Машиневич Г. Победа над Японией. — М.: Воениздат, 1947.
37. Млечин Л. Японских пленников не отпускали домой, потому что вербовали из них агентов // Известия, № 194, 1993.
38. Начальный период войны. — М.: Воениздат, 1974. — 357 с.
39. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Военно-исторический очерк. Том 4. — М.: Воениздат, 1959. — 872 с.
40. От Мюнхена до Токійского залива: взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй Мировой войны. — М.: Политиздат, 1992. — 448 с.
41. Победа на Дальнем Востоке. — Хабаровск: Книжное издательство, 1985. — 528 с.
42. Проконенко А. Кто скажет правду о 37 тысячах умерших в СССР японских военнопленных // Российская газета, 1992.
43. Руднев В. Документы о советской каторге японских пленников // Известия, № 21, 25.1.1992.
44. Рюгаро Хонда. Как для японских военнопленных Сибирь стала матушкой // Комсомольская правда, 1.3.1994.
45. Сабуро Хатси. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. — М.: Воениздат, 1964. — 176 с.

46. Савати Хисао. Мои рассказы о Сибири (на японском языке). — Токио, 1988.

47. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций заключенных СССР с иностранными государствами: выпуск 11. — М.: 1985.

48. Сего Сакамото. Знали девочку Мариной // Тихоокеанская звезда, 6.2.1991.

49. Сиголь В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. — М.: Международные отношения, 1989. — 336 с.

50. Сираи Хисао. Лагера военнопленных японцев в Сибири (на японском языке). — Токио, Асахи, 1989.

51. Сираи Хисао. Политическое влияние визита Гурбачева в Японию на комплексное решение проблемы сибирского интернирования // Суворовский натиск, 4.5.1991.

52. Славинский В. Советский Союз еще в 1951 году подготовил проект мирного договора с Японией // Независимая газета, 12.10.1993.

53. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сборник документов. — М.: Издательство политической литературы, 1984.

54. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949). — М.: Мысль, 1985.

55. Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., том 3. — М.: Воениздат, 1962. — 528 с.

56. Тавровский Ю. Судьба японских военнопленных: пора сказать правду // Известия № 9, 11.1.1991.

57. Таскама Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы айны? — М.: Мысль, 1990.

58. Таро Муран. Пламя в 40-градусный мороз (пер. В. Припной) // Молодой дальневосточник, № 4, 2.2.1991.

59. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. — М.: Международные отношения, 1967. — 367 с.

60. Тютрин В. Нас спасла Советская Армия // Тихоокеанская звезда, 20.8.1986.

61. Тютрин В. Не лейте крокодильих слез // Молодой дальневосточник, № 11, 2.3.1991.

62. Тютрин В. Несмотря на разногласия, у нас есть общие взгляды // Суворовский натиск, 4.5.1991.

63. Тютрин В. Правда о японских военнопленных // Суворовский натиск, 29.12.1990.; Тихоокеанская звезда, 2. 2. 1991.

64. Уткин А. И. Тихоокеанская ось. — М.: Молодая гвардия, 1988.

65. Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг. — М.: Воениздат, 1973. — 631 с.

66. Цветков Н. Плохо японцы знали Ельцина // Комсомольская правда, 14.10.1993.

67. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. — М.: Терра, 1991. — 632 с.

68. Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1971. — 256 с.

69. Курдюков С. Описаны в алфавитном порядке (1945—1946) —
Иркутск: 700 и другие книги Иркутской области, 1997. — 261 с.

Резюме

Історико-документальне дослідження "Бранці Сталіна" аналізує побут та працю полонених солдат і офіцерів японської армії на території Радянського Союзу після завершення Другої світової війни.

Зрозуміло, що довгий час доля японських бранців була невідомою для науковців. Та й донині відсутні будь-які наукові публікації на цю тему. Пропоноване дослідження є фактично першою спробою повернути із забуття цю трагедію й відтак використовувати монографічний матеріал у висвітленні проблем історії "радянського" періоду та літопису міждержавних відносин СРСР та Японії.

Серед численних проблем, пов'язаних із перебуванням військовослужбовців японської армії у полоні, чільне місце посідає проблема масштабів трагедії. Як відомо, СРСР ніколи не був зацікавлений у розкритті цих сибірських жахів. Адже тільки за зиму 1945—1946 років у таборах загинуло понад 50 000 осіб. Розкриття "секретних" цифр могло привести не тільки до зриву переговорного процесу з Японією у 1956 році, але й міжнародного осуду СРСР. Правда, у тому ж році радянська сторона заявила про загибель у сталінських таборах лише 3 000 осіб. Тільки через 40 років генсек М. Горбачов сказав більш-менш правду: у полоні загинуло 66 066 осіб. Однак напівзакритість архівних документів не дозволяє визначити точну цифру жертв тоталітаризму. Як грім серед ясного неба у 1993 році пролунала припущення: офіційна статистика — це теж напівправа. Монографічне дослідження українського історика доказово стверджує, що в радянських таборах загинуло 92 153 особи — на території власне СРСР 60 770 осіб і на підконтрольних землях 31 383.

Розкривається ще одне складне питання функціонування тоталітаризму — виховання солдат і офіцерів японської армії в дусі соціалізму і любові до Радянського Союзу. Власне на цьому далекосхідному прикладі (як до речі й західноукраїнському) простежується модель політичного насильства, що використовувала полі-

тична верхівка СРСР щодо населення. Зрозуміло, що комуністичне виховання здійснювалось не тільки для підтримки високого рівня соціалістичного змагання серед трудових бригад, а й з метою створення в японському суспільстві радянськості, який би став доконаним фактом життя Японії і впливав на її політику. Але це розумів і японський уряд, який вжив заходів для нейтралізації наслідків індокринної, тому посіяні сталінськими сатрапами зерна комунізму не дали паростків.

Процес репатріації японського цивільного населення і військовослужбовців із СРСР, Квантунського півострова та Північної Кореї загалом показовий ще й тим, що він як лакмусовий папір висвітлює підступність сталінської політики щодо полонених сусідів. Легалізування масштабів репатріації дозволяє визначити об'єктивну чисельність загиблих бранців.

Унікальне дослідження підполковника Віктора Карпова зацікавить не тільки науковців, але й широкий загал людей, особливо в Росії та Японії.

м.кош

«Мы не сдались в плен, а прекратили сопротивление по приказу Императора», — заявил советскому офицеру командир 88-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Минеки Тэйтиро в Карафуто (Сахалин), август 1945 г. Фото Н. Гулина

Капитуляция частей 88-й пехотной дивизии японской армии в Тойохара (Южно-Сахалинск), август 1945 г. Фото Н. Гулина

Сек. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 5608сс
от 28 августа 1945 года Москва, Кремль.

О приеме, выявлении и трудоустройстве 500.000
военнопленных японской армии

Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Обязать НКВД СССР в т.ч. Берия и Кривошею принять и направить в лагеря для военнопленных до 500.000 военнопленных японцев.

2. Обязать Военные Советы Фронтов - 1 Дальневосточного (т.ч. Мерцкина и Етыков), 2 дальневосточного (т.ч. Пуркаева и Леонова) и Забайкальского (т.ч. Малюков-ского и Тезченко) совместно с представителями ГУПЗН НКВД СССР по 1 Дальневосточному фронту т. Павловым, по 2 Дальневосточному фронту т. Рагузиным и по Забайкальскому фронту т.т. Кривенко и Ворожцовым - обеспечить проведение следующих мероприятий:

а) отобрать до 500.000 военнопленных японской армии - японцев не числа физических годовых для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири;

б) организовать на военнопленных, перед их отправкой в СССР, стрелковые батальоны по 1000 человек в каждом, поставить во главе батальонов в рот командный состав на числа военнопленных младших офицеров и унтер-офицеров, в первую очередь инженерных войск, включить в состав каждого батальона двух медицинских работников на военнопленных, придать батальону необходимый для самостоятельного обслуживания автомобилей и гусевой тран-

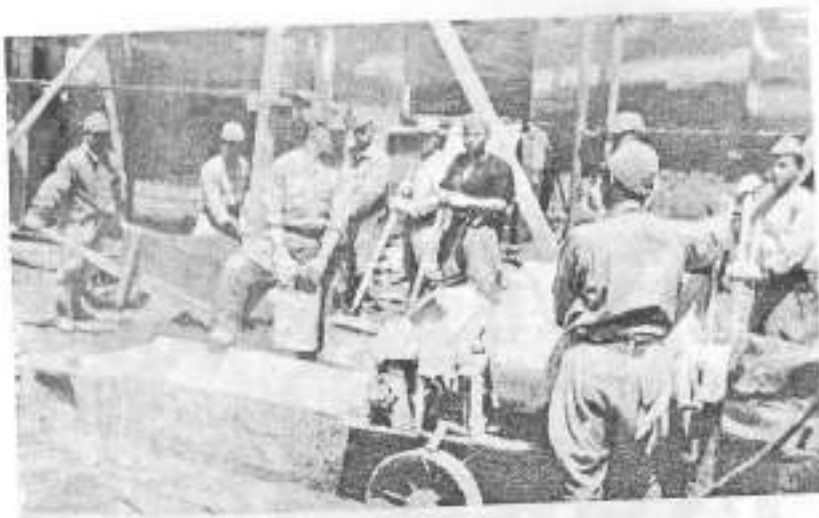
Скопировано в порядке исполнения постановления государственного комитета

*Выход на работу с песней «Акахата» (Красное знамя). 1947 год,
Дальний Восток*

*Социалистическое соревнование среди
демократических групп — демонстрация достижений*

На строительстве жилых домов, г. Ворошилов-Уссурийск

Вывозка леса на строительство, г. Ворошилов-Уссурийск

*Обед. Норма пайка зависела от выполнения планового задания.
На фото обед накрыт в наиболее чистом месте — комнате
проведения политических занятий*

*Громкая читка «Нихон Симбун» —
газеты советского командования для японских военнопленных.*

*Изучение основ советской идеологии
на политических занятиях*

*Написание лозунгов, плакатов
и стеновых газет*

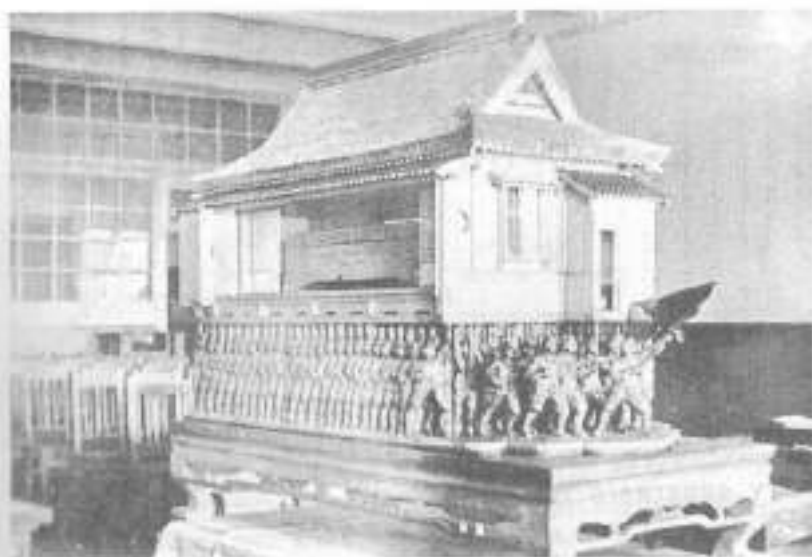
3. 勝利の時の一景を、他人がこれに受けた教訓を
 かくし、日本人が受けた苦痛を隠す傾向がある。これは、
 又一部、戦時体制下の日本国民の苦痛を隠す傾向がある。これは、
 日本人の自利性や、戦時体制下の日本人の苦痛を隠す傾向がある。
 全面的に非常な苦痛を受けた。この苦痛は、
 4. ソ連への技術的援助は、^{40.2} 日本人が理解し、
 日本人が理解し、日本人が理解し、日本人が理解し、
 日本人が理解し、日本人が理解し、日本人が理解し、
 日本人が理解し、日本人が理解し、日本人が理解し、

4. 社会主義社会、中立的な人、若くして全人類に
 成る。この人、この人、この人、この人、この人、
 人間性、人間性、人間性、人間性、人間性、
 若くして全人類に、若くして全人類に、若くして全人類に、

5. 若くして全人類に、若くして全人類に、若くして全人類に、
 若くして全人類に、若くして全人類に、若くして全人類に、
 若くして全人類に、若くして全人類に、若くして全人類に、
 若くして全人類に、若くして全人類に、若くして全人類に、

6.

22/4 J. J. J.

Домик с текстом благодарственного письма И. Сталину. 3890-й лагерь репатриации, бухта Находка, август 1949 г.

Шкатулка с текстом благодарственного письма и подписями военнопленных

3K83+327.3+355

Б-68

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО

МОСКВА, КРЕМЛЬ

Великому вождю советского
народа, отцу и учителю трудя-
щихся всего мира, лучшему дру-
гу японского народа—

Генералиссимусу **СТАЛИНУ**

44252
44874

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Мы, военнопленные бывшей японской армии, посылаю это письмо, выражая Вам, величайшему гению человечества, путеводной звезде трудящихся всего мира, а через Вас—Советскому Правительству и всему советскому народу, нашу глубочайшую, идущую от самого сердца благодарность за все светлое, все хорошее, что мы получали в великой советской стране.

Четыре года нашего пребывания в Советском Союзе, в течение которых мы были окружены Вашей заботой и заботой Ваших учеников, Ваших любимых детей—советских граждан, офицеров и солдат Советской Армии, явились для нас подлинной величайшей школой демократии. Эти годы навсегда останутся в нашей памяти.

Мы, японские трудящиеся в течение долгого времени не видели света правды и свободы. Мы были слепыми рабами японских помещиков и капиталистов. В течение целого полувека разбойничий японский империализм был кровавым жандармом Дальнего Востока, он грабил и истязал соседние народы.

Японские империалисты повлекли Японию в блок фашистских агрессоров, заключив с фашистской Германией так назы-

БИБЛИОТЕКА
ГОСАРХИВ

№ 03
0186

Министерство
внутренних дел СССР

21
СЕКРЕТНО

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 481-1866
от 8 марта 1947 г. Москва, Кремль

Смирнов
Давыдов
11.3

О возобновлении репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Обязать Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации, в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г. за № 2235-3210, возобновить репатриацию японских военнопленных и интернированных гражданских лиц с территории СССР с апреля-мая месяца 1947 г., репатрируя ежемесячно 20.000 военнопленных и 20.000 гражданских лиц.

Смирнов
Давыдов
11.3-34
103

Председатель
Совета Министров Союза ССР **И. СТАЛИН**
Справочный Деловой
Совет Министров СССР **Я. ЧУДАКОВ**

И. Сталин
Смирнов
Давыдов
11.3.47

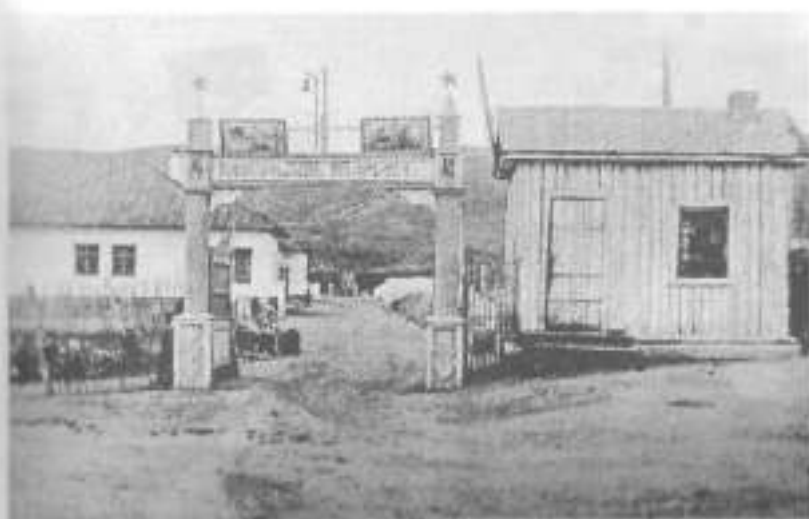
№ 46
10.3.47
Министерство внутренних дел СССР
Москва 103 107

380-й транзитный лагерь репатриации японских военнопленных. Бухта Находка, апрель 1949 г.

Казарма репатриантов. Апрель 1949 г.

Вход в госпиталь лагеря

*На приеме у врача в медицинском пункте
3-й зоны 380-го лагеря. Лето 1949 г.*

В лагерной парикмахерской

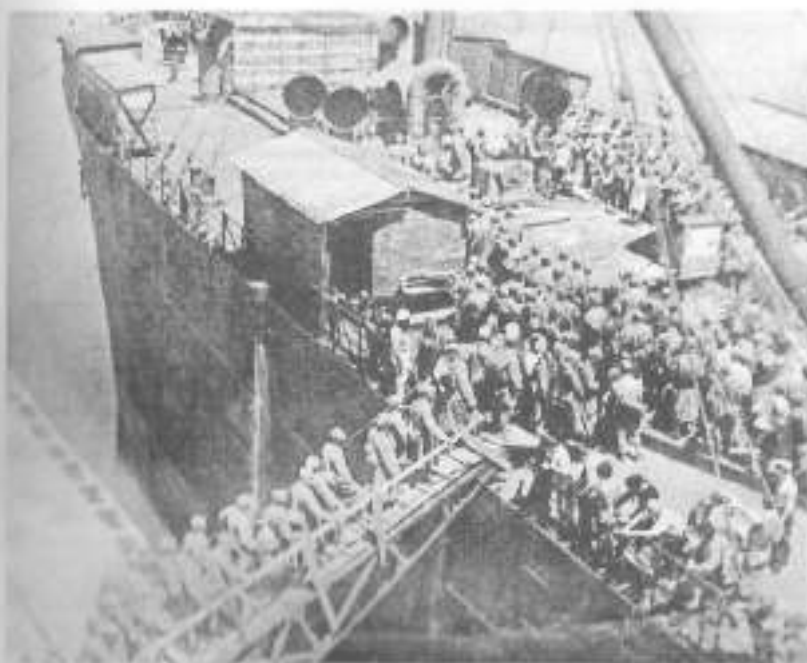
Воскресный концерт

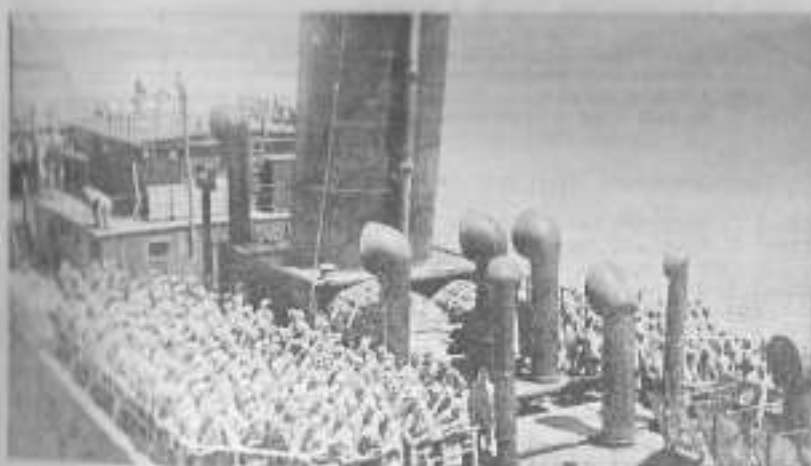
В плане проведения выходного дня неотъемлемым элементом была игра в бейсбол и борьба сумо.

*Митинг перед отправкой репатриантов всегда заканчивался
тремя приветствиями «Банзай»
в честь Советского Союза*

Покидка на пароход

На родину! Прощание с берегом

Содержание

Введение	5
Раздел первый	
Война и плен	7
Часть I.	
Последний поход	7
Глава 1. Вступление СССР в войну против Японии	7
Глава 2. Капитуляция японской армии	18
Глава 3. Постановление Государственного комитета обороны СССР	36
Глава 4. Система работы с военнопленными	45
Глава 5. Вывоз японских солдат и офицеров в лагерь на территории СССР	52
Раздел второй	
Деятельность советских политических органов по индокринации военнопленных: советизация (1945—1949 гг.)	58
Часть I.	
Начальный период плена (лето 1945 — конец 1946 года)	58
Глава 1. Первое знакомство	58
Глава 2. Положение военнопленных в лагерях в начальном периоде плена	70
Глава 3. Деятельность политорганов по усилению своего влияния на пленных в лагерях	83
Глава 4. Политическая борьба в лагерях	91
Глава 5. Создание системы политорганов. Их задачи и формы работы	99
Глава 6. Начало репатриации — начало активной политической работы	105
Глава 7. Новый курс в политической работе с пленными	115
Часть II.	
Противостояние советской системе ценностей, 1947 год	122
Глава 1. Сопротивление в плену	122
Глава 2. Враг японского народа — военнопленный особой категории. Репрессии	125
Глава 3. Японская воинская дисциплина — основа устойчивости армии	133
Глава 4. Антисоветские группировки военнопленных	136
Глава 5. Организационное укрепление и дальнейшее развитие демократического движения	149

Глава 6. Промежуточный результат	164
Часть III. Советизация 1948—1949 гг.	169
Глава 1. Выборы и опыт работы АФК	169
Глава 2. Арсенал политических средств пропаганды	175
Глава 3. Хихан как явление лагерной жизни	182
Глава 4. Содержание советской пропаганды на военнопленных	188
Глава 5. Письмо Сталину — апофеоз политической работы	194
Глава 6. Последние попытки сопротивления	201
Раздел третий	
Репатриация японского гражданского населения и военнопленных в Японию (1946—1956 гг.)	206
Часть I.	
Начало репатриации	206
Глава 1. Организационный период	206
Глава 2. Лагерь репатриации	213
Глава 3. Отправка первых партий репатриантов	222
Часть II.	
Репатриация 1947 года	224
Глава 1. Выработка правительственного решения и его реализации	225
Глава 2. Репатриация из районов Северной Кореи и Дзюдунского полуострова	237
Глава 3. Положение в лагерях репатриации	243
Часть III.	
Репатриационная кампания 1948 года	250
Глава 1. Основные особенности кампании	250
Глава 2. Репатриация с территории Сахалина и Курильских островов	257
Часть IV.	
Последние аккорды	264
Глава 1. Законодательный этап репатриации. 1949 год	264
Глава 2. 1950-й и последующие годы	272
Глава 3. К вопросу об оставшихся	284
Заключение	291
Источники	298
Литература	304
Указатель	307

Віктор Карпов
Бранці Сталіна

Художньо-технічне редагування: *Зінобія Малюка*

Оригінал-макет підготовлено відділом наукових
та інформаційних видань Інституту українознавства
ім. І. Крип'якевича НАН України
Україна, Львів, Казельницька 4, тел. 42-14-18

Підписано до друку з готових діапазитивів.
Формат 84 × 108/32. Фіз. друк. арк. 10,5.
Ум. друк. арк. 17,6. Обл. друк. арк. 12,3. Зам. 569

Жовтєвська друкарня Отців Василіан «Місіонер»
Україна, 292310, м. Жовтва, вул. Василіанська, 8

